

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2025 Том 17 № 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал
Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, Оттава, Канада, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *О.В. Горячева*

Редакторы англоязычных текстов *Т.А. Майкова, А.А. Куделин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 25.12.2025. Выход в свет 30.12.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,87. Тираж 500 экз. Заказ № 1672. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2025 VOLUME 17 NUMBER 4

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of Department of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities "Conversations about important things", State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Professor, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Арабаджян З.А. Фабиан Буаталь — пионер персидских железнодорожных проектов 447

Китинов Б.У. Чекарские и чураские калмыки в политике ойратского дербетского Далай-тайши: предварительные итоги исследования 462

Кавун С.А. Причины и последствия введения запрета на ношение хиджаба в Иране при Реза-шахе Пехлеви в 1935–1936 гг. 478

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Горелик Б.М. Великие державы и англо-бурская война 1899–1902 гг.: причины невмешательства 488

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Георгиева Н.Г. Мемуары — вид биографических исторических источников или источники личного происхождения: проблемы терминологии 500

Шустова А.М. Вклад Ю.Н. Рериха в историю монголоведения 510

Уразбахтин Р.И. Итальянский фехтовальный трактат XVII в. Ридольфо Капо Ферро в собрании Государственной публичной исторической библиотеки России. 521

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

Смертин Ю.Г. Корейское религиозное движение Тэсун Чинрихо: проект земного рая и методы его достижения 533

Игнатова М.М., Китинов Б.У. Буддийские памятники Орхоно-Тульского региона 551

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Seyedi Asl S., Zabardast Alamdari Sh., Sadygzade M.S. The position and role of Qatar in China’s Middle East policy (Позиция и роль Катара в политике Китая на Ближнем Востоке). 566

CONTENTS

ORIENTAL STUDIES

Arabadzhyan Z.A. Fabian Boital, pioneer of Persian railway projects..... 447

Kitinov B.U. Chekar and Churas Kalmyks in the policy of the Oirat Derbet Dalai Taisha: preliminary results of the study..... 462

Kavun S.A. Reasons and consequences of the ban on wearing hijab in Iran during the rule of Reza-shah Pehlevi in 1935–1936. 478

POLITICAL HISTORY OF THE EAST AND THE WEST

Gorelik B.M. The great powers and the Anglo-Boer War of 1899–1902: reasons for non-intervention 488

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

Georgieva N.G. Memoirs as a sort of biographical historical sources or as a historical sources of personal origin: problems of terminology 500

Shustova A.M. George N. Roerich’s contribution to the history of Mongolian studies 510

Urazbakhtin R.I. XVII century Italian fencing treatise by Rudolpho Capo Ferro in the collection of the State Public Historical library’s of Russia. 521

RELIGION AND CULTURE

Smertin Yu.G. The Korean religious movement Daesoong Jinrihoe: the project of earthly paradise and methods of achieving it..... 533

Ignatova M.M., Kitinov B.U. Buddhist monuments in the Orkhon-Tuul region. 551

CONTEMPORARY WORLD

Seyedi Asl S., Zabardast Alamdari Sh., Sadygzade M.S. The position and role of Qatar in China’s Middle East policy 566

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-447-461

EDN: JUWXNU

Научная статья / Research article

Фабиан Буаталь — пионер персидских железнодорожных проектов

З.А. Арабаджян

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская
Федерация

✉ arabzava@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы борьбы между Великобританией и Россией за обладание железнодорожными концессиями в Персии, одним из участников которой был французский предприниматель Фабиан Буаталь. Показана напряженность борьбы за получение железнодорожных концессий в Персии и прослежена судьба проектов Ф. Буаталья после того, как он построил первую железную дорогу в этой стране. Источниковая база исследования — переписка между русской миссией в Тегеране и Петербургом и аналитические записки, хранящиеся в фонде «Персидский стол» Архива внешней политики Российской империи. Раскрыты причины успеха и неудач Ф. Буаталья. Реализации проекта железной дороги Тегеран — Шах Абд уль-Азим способствовали малый масштаб его проекта (протяженность около 10 км), привлечение к проекту российского капиталиста Лазаря Соломоновича Полякова, страстное желание персидского монарха Насер эд-Дин-шаха иметь в своей стране хоть какую-то железную дорогу, а также то, что концессия была выдана на имя некоего анонимного бельгийского общества. Попытка же Ф. Буаталья вместе с Л.С. Поляковым получить концессию на чуть более крупный проект — железные дороги Тегеран — Фешенд (80 км) и продлить дорогу от Шах Абд уль-Азим еще на 20–30 км — встретила ожесточенное сопротивление английской миссии и окончилась неудачей, что ясно показывает, насколько острой была конкуренция между великими державами.

Ключевые слова: железнодорожные концессии, Персия, англо-иранские отношения, русско-английское соперничество в Персии, первая персидская железная дорога, политика России на Среднем Востоке

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.02.2025; принята к публикации 17.07.2025.

© Арабаджян З.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Арабаджян З.А. Фабиан Буаталь — пионер персидских железнодорожных проектов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 447–461. (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-447-461> EDN: JUWXNU

Fabian Boital, pioneer of Persian railway projects

Zaven A. Arabadzhyan

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ arabzava@yandex.ru

Abstract. The study discusses the competition among great powers for railway concessions in Persia, with a particular focus on the involvement of French entrepreneur Fabian Boital. The author shows the intensity of the struggle to obtain railway concessions in Persia and traces the fate of F. Boital's projects after he built the first railway in that country. The research is based on correspondence between the Russian mission in Tehran and St. Petersburg, as well as analytical reports from the “Persian Desk” in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The author concludes that Boital's success was due to the small scale of his project — the Tehran to Shah Abdul Azim railway, which was only about 10 kilometers long. Key factors included his collaboration with Russian capitalist Lazar Solomonovich Polyakov, as well as the Persian monarch Naser al-Din Shah's strong desire to have at least some form of railway in his country. Another contributing factor was that the concession was granted in the name of an anonymous Belgian company. However, when Boital, along with Polyakov, attempted to secure a concession for a slightly larger project — the Tehran to Feshand railway (80 km) and an extension of the Shah Abdul Azim line by an additional 20–30 km — they encountered fierce resistance from the British mission, which ultimately led to the project's failure. This outcome vividly illustrates the intensity of the Anglo-Russian rivalry for control over railway concessions in Persia.

Keywords: railway concessions, Persia, Anglo-Iranian relations, Russian-English rivalry in Persia, first Persian railway, Russia's policy in the Middle East

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 11.02.2025. Accepted: 17.07.2025.

For citation: Arabadzhyan ZA. Fabian Boital, Pioneer of Persian Railway Projects. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):447–461. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-447-461> EDN: JUWXNU

Введение

Актуальность. История строительства железнодорожной сети в Иране демонстрирует, как из-за противоречий ведущих капиталистических держав конца XIX — начала XX в. блокировалось развитие местного железнодорожного транспорта.

Степень изученности проблемы. Вопросы английского и российского экономического проникновения в Персию, в т.ч. участия в развитии транспортной сети этой страны, привлекает внимание российских и зарубежных исследователей. В советской историографии были рассмотрены проблемы торгового взаимодействия между государствами [1–3]; освещение также получила проблема приобретения концессий в Персии российскими представителями [4. С. 274–314; 5].

Ряд современных историографов уделяет специальное внимание строительству шоссейных и железных дорог с участием российского капитала в северных районах Персии и влиянию улучшения состояния транспортной системы России на рост двусторонней торговли [6; 7]. Исследователей также привлекли дискуссии в российской прессе на рубеже XIX–XX вв. по вопросу целесообразности строительства трансперсидской железной дороги, обоснование в их ходе всех потенциальных выгод и вызовов для России при реализации такого проекта [8; 9].

Среди зарубежных авторов, рассматривавших вопросы борьбы за железнодорожные концессии в Персии, выделим прежде всего лорда Дж. Керзона, для которого эта борьба — один из эпизодов, аспектов, сфер, в которых соперничают Великобритания и Россия. Изложение сосредоточено на перечислении проектов, которые к моменту выхода книги предлагались к строительству в Персии [10].

Эбрагим Теймури первым из иранских авторов написал о борьбе держав за получение железнодорожных концессий. В первой части своей книги «Эпоха безвременья или история концессий в Иране» он рассмотрел все концессии, которых сумели добиться в стране британские компании и в конечном итоге правительство Великобритании, а во второй — аналогичные результаты Российской империи. При этом борьба за концессии на строительство рельсовых путей для Теймури была лишь одним из аспектов изучаемой проблематики. Исследование проведено главным образом на иранских источниках и архивных материалах, и основным его лейтмотивом и задачей являлся показ того, как слабое и зависимое персидское государство становилось «жертвой алчности» двух своих соседей [11].

Другой иранец — профессор одного из университетов США Ферейдун Казем-Заде в работе «Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии» рассматривает те же вопросы, но не разделяет свою книгу на английскую и русскую части, а изучает все как бы одновременно в хронологическом порядке. Это исследование глубоко, многогранно и построено на основе многочисленных источников на персидском, английском и русском языках [12]. При общем негативном отношении к империалистической деятельности обеих держав Ф. Каземзаде все-таки несколько меньше

критикует политику британцев, чем русских, что вполне понятно, учитывая место его многолетнего проживания и принадлежность к секте бехаитов¹.

Деятельности Ф. Буаталю в научных исследованиях должного внимания не уделяется, поскольку реализованный им проект был совершенно незначительным по своим масштабам, однако в документах российского МИДа он отражен.

Цель исследования — выяснить особенности получения железнодорожной концессии Ф. Буаталем и реализации им первого железнодорожного проекта в Персии.

Источниковая база. В основе исследования лежат опубликованные и неопубликованные материалы, прежде всего представленные аналитическими записками русских дипломатов делопроизводственные документы, хранящиеся в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи.

Проблема железнодорожных концессий в Персии

Во второй половине XIX в. между европейскими предпринимателями и государствами развернулось соревнование за получение концессий персидского правительства на строительство железных дорог². Основными участниками его стали Англия и Россия. С английской стороны добивался концессии барон Юлиус Рейтер, а с российской — генерал А.Д. Фалькенгаген. В 1872 г. барон Рейтер получил концессию на строительство дороги от Персидского залива до Каспийского моря. Генерал Фалькенгаген же ограничился проектом гораздо более скромным, рассчитывая получить разрешение на строительство дороги Джульфа — Тавриз. Наличие железной дороги давало бы большое преимущество в деле усиления своего экономического и политического превосходства в Персии той стране, представитель которой

¹ Монотеистическая религия, возникшая в Иране во второй половине XIX в., основатель которой Бахаулла считается последним пророком наряду с Мухаммедом, Христом и пр. В Иране учение Бахауллы признано ересью, а его последователи находятся вне закона.

² Часто, когда рассматривают какую-либо проблему по Ирану XIX — начала XX вв., стараются сравнивать ситуацию там с аналогичной в Османской империи. Иногда эти сравнения вполне правомерны, но в части развития железнодорожного транспорта такое сравнение не очень корректно, поскольку железные дороги раньше и активнее начали строиться австрийскими, немецкими и английскими компаниями в постепенно отпадавшей от Османской империи европейской части, которая становилась территорией новых восточно-европейских и балканских государств. В азиатской части Турции проект Багдадской железной дороги, инициатором которого была немецкая сторона, обсуждался с 70-х гг. XIX в. и постоянно про буксовывал из-за того, что не удавалось собрать необходимые для него частные капиталы. Причиной этого являлись геополитические и финансово-экономические противоречия между Германией и Англией. Строительство этой дороги началась лишь в начале XX в., когда финансирование проекта полностью взяло на себя правительство Германии, и к началу Первой мировой войны Багдадская железная дорога была построена лишь частично.

получил бы право на ее строительство и контроль над ней. В связи с этим и английское, и российское правительства оказывали давление на правительство Персии с тем, чтобы соискателю противной стороны было бы отказано в получении концессии, а уже выданная концессия была бы отменена (как в случае с бароном Рейтером) или ее предоставление было бы обставлено такими условиями, что соискатель был бы вынужден сам от нее отказаться (как в случае с генералом Фалькенгагеном, чье дело тянулось с 1873 по начало 1875 гг.). В такой ситуации неожиданно для основных акторов удача улыбнулась французскому предпринимателю, не чуждому авантюристике, — Фабиану Буаталю³.

Первая концессия Ф. Буаталья

В 1882 г. гражданин Франции Фабиан Буаталь получил концессию на строительство дороги от Решта до Тегерана с разрешением продления ее в дальнейшем до Бушехра — порта на побережье Персидского залива. В концессию входило право на строительство ответвлений от основной линии (в частности, до Фешенда — местечка западнее Кереджа) и освоение месторождений в радиусе 10 км от железной дороги. Одной из причин, способствовавшей успешному получению концессии, стало то, что Ф. Буаталь уже построил в Тегеране завод по производству газа для городских газовых фонарей, а также отказался от гарантии персидского правительства и обязался передать шаху 50 тыс. туманов в момент открытия дороги⁴. Для обеспечения гарантий выполнения своих обязательств концессионер должен был получить в Париже кредит в размере 500 тыс. франков и начать работы в 1885 г. Срок концессии определялся в 99 лет. С целью сбора капитала концессионер отправился в Париж, рассчитывая привлечь к проекту и российских капиталистов. В качестве комиссара со стороны персидского правительства его сопровождал Сартип Аббасхан⁵. Эту кандидатуру выбрал сам Ф. Буаталь, предполагая, что в присутствии официального лица персидского правительства ему будет легче собрать необходимые средства.

Следует отметить, что российский посланник в Тегеране И.А. Зиновьев, сообщая данную информацию в Петербург 19/31 марта 1882 г., оценивал персону Ф. Буаталья весьма скептически: «Сам характер г. Буаталья,

³ По некоторым источникам он был бельгийцем, его имя иногда пишется как Фабио или Фабиус.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 1 об.

⁵ Вероятно, военный, поскольку слово сартип означает бригадный генерал.

принадлежащего к категории самых беззастенчивых искателей приключений, не позволяет придавать новому предприятию какое-бы то ни было значение»⁶.

Проект не был реализован в том виде, как он задумывался, и спустя 10 лет после оценки И.А. Зиновьева лорд Керзон пишет о причинах этого, весьма загадочно ссылаясь на античную мифологию: «Тем не менее Немезида, которая угрожает всем проектируемым начинаниям в Персии, не была сбита с толку, и предложения Буаталья постигла традиционная судьба» [10. С. 616].

Несмотря на уничижительную характеристику от русского посланника и бдительность Немезиды, концессионер предпринимал усилия по строительству дороги. По донесениям российского консула в Реште, весной 1883 г. Буаталь вместе с двумя инженерами посетил Гилян, а вскоре там появилась группа строительных рабочих, набранная из австрийских и итальянских граждан, которые сообщили, что ожидается прибытие большой партии уже законтрактованных рабочих⁷. Действительно, для строительства дороги прибыли рабочие, нанятые из числа российских подданных с Кавказа, однако они направились в Тегеран⁸. Потом последовали еще группы рабочих из России. Они сообщали, что едут на строительство железной дороги, не будучи никем нанятыми, но поехать в Персию им посоветовал вице-консул Персии в Баку, уверявший, что они найдут работу немедленно по прибытии в Решт. Однако никакой работы там они не находили и оказались вынуждены отправиться домой, напрасно потратив свои деньги на бесцельную поездку. В связи со сложившейся ситуацией консул в Реште просил посланника «снести по телеграфу с начальником Главного управления Главнотрудовой частью на Кавказе об объявлении через полицию о том, что в Персии никакой железной дороги еще пока не строится и что уверение персидского вице-консула в Баку о постройке таковой должно быть признано несвоевременным»⁹.

Прорыв

Возможно, Ф. Буаталью не удалось собрать капитал, необходимый для большого проекта, но идея строительства железной дороги не оставляла его, и в ноябре 1886 г. он получил от шаха концессию на другой, совсем неамбициозный проект, который должно было реализовать бельгийское общество *La Société des Chemins-de fer de Perse* (Персидская железнодорожная компания), стоявшее за ним. Это была дорога от Тегерана до Шах Абд уль-Азим — места захоронения одного из шиитских святых, располагавшегося

⁶ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 1 об.

⁷ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 12–12 об.

примерно в 10 км к югу от столицы в сторону города Рей, которое ежегодно посещали до 300 тыс. чел., как для поклонения святому, так и для отдыха. Примечательно, что концессия была дана Ф. Буаталю, его партнерам и их наследникам на бессрочное время в полную собственность. При этом Буаталь заверил российского посланника Михаила Николаевича Гирса¹⁰ в том, что готов за известное вознаграждение передать концессию русским предпринимателям Полякову, Заиченко и Кононову¹¹. Следует отметить, что Ф. Буаталь действительно привлек Лазаря Соломоновича Полякова к проекту и переименовал свою компанию в «Анонимное общество железных и конных дорог в Персии» (далее — «Анонимное общество»), в котором также участвовала компания бельгийских капиталистов, строившая конки (конные рельсовые дороги, предшественницы трамвайных путей) в Москве и ряде других губернских городов России.

Данное событие вызвало чрезвычайное возбуждение (уже в который раз) со стороны барона Рейтера, который во второй половине декабря 1886 г. направил телеграмму персидскому монарху Насер эд-Дин-шаху с требованием возмещения ему убытков и выплаты неустойки из-за передачи концессии на дорогу Тегеран — Шах Абд уль-Азим Ф. Буаталю. Однако Рейтеру было сообщено, что поскольку при получении концессии концессионер выдал министру иностранных дел Персии письменные обязательства¹² «отвечать по всем могущим последовать со стороны г. Рейтера искам, то сему последнему следует представить свои претензии непосредственно г. Буаталю»¹³.

Возможно, Общество предполагало, что столь маленькая дорога сможет стать началом большого железнодорожного проекта, а главное — его акционеры продемонстрируют персидскому монарху свою эффективность и получат преимущество в его глазах по сравнению с конкурентами. Об их надеждах на продолжение линии на север и юг свидетельствовало то, что все сооружения (перроны, офисные здания, мастерские и пр.) были построены с большим размахом, совершенно не нужным для такой маленькой, можно сказать, декоративной железной дороги.

Акционерам удалось собрать в Бельгии по подписке 2 млн франков и выпустить акции на 3 млн франков под покупку и строительство трамвайной линии. Локомотивы для дороги привезли в разобранном виде из Бельгии через Батуми и Баку. Часть рельсов доставлена из Бельгии и России, причем цена доставки по персидской территории по слухам составила 4 фунта за пару рельс. Кроме того, в Бушехре имелось некоторое количество рельс,

¹⁰ М.Н. Гирс — сын министра иностранных дел в 1882–1895 гг. Н.К. Гирса.

¹¹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 13–13 об.

¹² Полный текст письменных обязательств Буаталья см. АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 18–19.

¹³ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 20.

оставшихся от одного из нереализованных проектов. Ширина колеи дороги составляла 80 см [10. С. 617].

Успеху в строительстве дороги способствовал ряд обстоятельств. Прежде всего, Насер эд-Дин-шах после того, как все предложения по железнодорожному строительству проваливались из-за жесточайшей конкуренции России и Англии, все же хотел иметь хоть какую-то дорогу, чтобы, с одной стороны, положить начало всему делу, а с другой — иметь возможность представлять перед народом, приезжая в роскошном поезде, и выглядеть в глазах своих подданных особенно величественно¹⁴. Кроме того, конкуренты не выступали против данной дороги из-за ее мизерности и экономической бесполезности.

Во время строительства шах несколько раз посещал и осматривал как мастерские, так и предназначенные лично для него вагоны, при этом выказывая благоволение к руководителям строительства и обещая дать Анонимному обществу разрешение на строительство дороги к Куму и далее. 12/24 июня 1888 г. монарх приказал устроить официальный осмотр дороги, в котором приняли участие министр двора и министр иностранных дел, а также другие сановники. Сохранилось описание того, как это происходило: «По прибытии в 4 часа по полудни названных лиц в вокзал, им предложен был поезд из шести вагонов, отвезший их до первой ближайшей деревни Довлет-Абад (в 5 верстах от Тегерана), где была раскинута палатка с приготовленным в ней угощением. Пробыв здесь около часа, сановники тем же поездом вернулись в Тегеран и оставили вокзал в 5^{1/2} по полудни»¹⁵.

Эксплуатация дороги началась в июле 1888 г. Поскольку она была коротка, то не могла использоваться для транспортировки грузов, и ею пользовались только для перевозки пассажиров. Многие паломники предпочитали добираться до гробницы на традиционных средствах транспорта — осликах и в повозках, поскольку цена поездки была высока: от 0,5 крана за место в вагоне третьего класса до 2 кранов¹⁶ в вагоне первого класса, а в праздничные дни, когда в Шах Абд уль-Азим хотело попасть много народа, возрастала многократно [10. С. 618]. С учетом указанных обстоятельств линия была убыточна.

Железнодорожная компания имела 4 паровоза, 21 вагон, 5 сотрудников из числа европейцев и 60 местных рабочих, причем вскоре машинистов готовили из персов.

Персидская железнодорожная компания и господин Буаталь в 1889 г. получили концессию на строительство и эксплуатацию конки в Тегеране, протяженность которой составила около 8 км. К моменту открытия линии

¹⁴ В этом смысле шах мало чем отличался от Николая I, приказавшего для собственных нужд построить и ввести в эксплуатацию в 1837 г. Царскосельскую железную дорогу протяженностью 27 км, начинавшуюся роскошным Царскосельским (ныне Витебским) вокзалом.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 22.

¹⁶ 1 кран был примерно равен 17 коп.

в компании работало 40 человек, она обладала 12 вагонами и конюшной из 150 тяжеловозов, доставленных из России, а позже заказала еще 36 вагонов [10. С. 618]. Однако рельсы оказались плохо уложены и существенно выступали над дорогой, вместо того чтобы лежать вровень с ней. Это затрудняло развитие линии особенно в связи со сложным, пересеченным рельефом Тегерана.

Не обходилось и без трагических инцидентов. В частности, 21 октября / 2 ноября 1888 г. при подходе поезда к Шах Абд уль-Азиму один из пассажиров третьего класса решил сойти с поезда до того, как он полностью остановился, оступившись, попал под колеса и был раздавлен. Толпа, подстрекаемая родственниками погибшего, набросилась на русского машиниста Франца Горвата, который пытался защищаться с помощью револьвера и застрелил одного из нападавших, но был сбит с ног и избит. Избили и двух других иностранных сотрудников железной дороги, находившихся на станции. От смерти их спасло только оперативное вмешательство местных властей. Однако разъяренная толпа разгромила станцию, сожгла станционное здание и шесть вагонов поезда, причинив железнодорожной компании ущерб на 100 тыс. руб.¹⁷

Происшествие чрезвычайно встревожило Насер эд-Дин-шаха, опасавшегося серьезных волнений в столице. Во всяком случае, когда русская миссия потребовала от персидского сановника передать ей избитого машиниста Горвата, находившегося в здании военного министерства, то ее по приказанию шаха попросили «не увозить больного, так как Его Величество опасался, как бы родственники убитых, из жажды мести, не напали по пути на Горвата и тем не вызвали среди народа враждебных миссии манифестаций»¹⁸.

Железнодорожная компания обратилась к персидскому правительству с требованием возместить убытки от разгрома станции и уничтожения подвижного состава, которые она при точном подсчете определила в 90 тыс. руб., и заявила, что до выплаты компенсаций прекращает всякое движение по дороге¹⁹. Однако, несмотря на благорасположение монарха к компании, персидское правительство отказывалось от выплаты компенсации, мотивируя это тем, что беспорядки произошли не по вине властей, а из-за того, что сама компания не приняла необходимых мер для предотвращения несчастных случаев во время движения поездов. В связи с таким поворотом дела компания, по слухам, вознамерилась ликвидировать свои дела в Персии и продать на выгодных условиях железную дорогу другим предпринимателям²⁰.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 24–24 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 26.

²⁰ Там же. 26 об.

Однако к началу декабря 1888 г. компромисс между сторонами был найден: компания удовлетворилась обещанием выплаты ей примерно 15 тыс. руб. и дарования монополии на создание спичечной фабрики в Тегеране²¹, после чего работа железной дороги возобновилась. На первом поезде по приказанию монарха, желавшего выказать свою поддержку иностранному предприятию, в Шах Абд уль-Азим отправились принц Наиб ос-Салтане, канцлер (садр-е азам) Амин ос-Султан и несколько министров. Наряду с этим, 60 человек из числа наиболее активных участников беспорядков, произошедших 2 ноября, были подвергнуты публичному битью палками.

Данный, в целом незначительный, инцидент хорошо продемонстрировал, насколько непростым делом было создание и эффективное функционирование столь сложного предприятия, как железная дорога в условиях Персии, где малейшее происшествие могло привести к непредсказуемым последствиям. Компенсация, предложенная шахом компании, была явно менее суммы понесенных убытков. Крупный железнодорожный проект мог бы легко пережить такое происшествие за счет того, что большие обороты при перевозке грузов и пассажиров давали бы соответствующую прибыль, благодаря которой и покрывался урон от такого рода событий. Однако крошечная дорога, построенная Анонимным обществом и без того являлась делом сомнительным в плане доходности, и такие удары для нее были весьма болезненными.

Неудачная попытка

Вероятно, указанное происшествие стимулировало инженера Ф. Буаталья предпринять усилия для получения концессии на очень крупный железнодорожный проект — дорогу от Энзели до Мохаммеры²². Уже 5/17 января 1889 г. русская миссия телеграфирует в Петербург, что он, хлопота о концессии, заверяет, будто такие крупные европейские банкирские дома, как Ротшильды в Париже и Эфруссии в Вене, готовы выделить на проект 200 млн франков²³. Вскоре поступает более детальная информация. Ф. Буаталь через принца Наиб ос-Салтане обратился к шаху с предложением о данном проекте²⁴, заявив, что необходимый капитал в размере 200 млн франков уже имеется и будет отпущен банкирскими домами Ротшильдов в Париже, «Ранак» в Пеште и «Эфруссии» в Вене. За содействие в получении

²¹ Там же. Л. 27.

²² Город-порт на реке Шатт эль-Араб недалеко от места ее впадения в Персидский залив. Современное название — Хорремшехр.

²³ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 28.

²⁴ Полный текст проекта концессии на строительство дороги Энзели — Мохаммера см. в АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 32–40.

концессии он обещал уплатить принцу Наиб ос-Салтане 40 тыс., а другому сановнику Яхья-хану — 10 тыс. туманов, а также достаточно значительные суммы и иным лицам, которые будут способствовать положительному исходу дела²⁵.

Но данная концессия не была выдана отчасти из-за противодействия российской стороны, не доверявшей Ф. Буаталю и считавшей, что за ним стоят непонятные финансовые структуры, вероятно, связанные с англичанами, а также предполагавшей, что сквозная дорога с севера на юг Персии будет более выгодна Англии, которая сумеет по ней завозить свои товары в северные районы Персии, вытесняя русские товары.

Тогда неутомимый концессионер обратил свой взор на менее амбициозные проекты — строительство дороги от Тегерана к расположенному в 80 км от столицы Фешенду, где имелись каменноугольные копи, и от Шах Абд уль-Азима на юго-восток на 20–30 км. Обе концессии должны были быть получены Анонимным обществом, построившим дорогу Тегеран — Шах Абд уль-Азим, в которой немалая доля принадлежала русскому капиталисту и директору «Русского товарищества для торговли и промышленности в Персии» (далее — Русское товарищество) Л.С. Полякову²⁶. Но от имени компании первую концессию должен был получить сам Ф. Буаталь, а вторую — некий г. Дени.

В проект концессии Дени включалось право разработки месторождений, уже принадлежавших концессионерам, а также некоторых других месторождений (алебастра, извести, строительного камня и др.), права на разработку которых они добивались. Право разработки этих месторождений уже имели совместно Дени и указанное Русское товарищество. Причем между ними было решено, что после приобретения концессий Дени уступит Товариществу и свою долю в ней.

Однако после получения указанной концессий, когда Дени обратился в бельгийскую миссию, чтобы засвидетельствовать там акт о передаче своих прав русскому Товариществу, бельгийский посланник не согласился сделать это. Причиной стало то, что, давая ранее согласие на участие бельгийской компании в получении концессии на данный проект, он заручился поддержкой английской миссии, представив его как чисто бельгийский. Но с передачей прав русским капиталистам посланник попадал в весьма сложное положение относительно своего английского коллеги. Ведь тогда оказывалось, что английский посланник оказывается в щекотливом положении перед своим шефом лордом Солсбери, поскольку он ввел его в заблуждение, испрашивая согласия Лондона на сделку именно для бельгийской компании. В связи с этим бельгийский посланник барон д'Эрп просил российского посланника

²⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 30–31.

²⁶ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 47–47 об.

Евгения Карловича Бюцова согласиться на то, чтобы концессия оказалась выдана на имя только господина Дени²⁷.

Первоначально позиция Е.К. Бюцова состояла в том, что в это частное дело он не собирается вмешиваться, но к нему обратился представитель Русского товарищества с просьбой защитить его интересы и пояснил посланнику следующее. Соглашаясь на предложение бельгийского посланника, он не может получить от него гарантий того, что концессия, на приобретение которой затрачены немалые средства, будучи переписана только на имя Дени, окажется передана российским капиталистам. Причина опасений состояла в том, что канцлер Амин ос-Султан не соглашается на составление нового документа, на котором будет запись о разрешении передачи концессии Русскому товариществу²⁸.

В ходе переговоров с Амин ос-Султаном выяснилось, что причина неуступчивости персидской стороны состоит в позиции английского посланника Кеннеди, который заявил, что когда канцлер обратился к нему с просьбой согласиться с выдачей лицензии на постройку этих железнодорожных линий, то речь шла о том, что концессионером станет именно бельгийское общество. Он так и доложил своему министру лорду Солсбери и получил его согласие на данные проекты. Получив же копию утвержденной концессии, он увидел, что там фигурирует и Русское товарищество, а на одобрение такого состава держателей лицензии он согласия Лондона не имеет. Поэтому канцлер не может на новом варианте концессии сделать приписку, требуемую представителем Российского товарищества.

Однако переговорщик со стороны русской миссии старший драгоман Григорович спросил канцлера о том, какую же в этом случае силу будут иметь подписи шаха и его первого министра? Возможно, это произвело впечатление на Амин ос-Султана, и на новом варианте концессии необходимая приписка была сделана. Однако дело крайне осложнилось, и на вторую дорогу к Фешенду концессия не была выдана.

В такой ситуации в 1885 г. обе державы посчитали целесообразным подписать железнодорожную конвенцию о том, что они до 1900 г. не будут добиваться концессий на строительство железных дорог в Персии и не позволят никакой третьей стороне реализовывать железнодорожные проекты в Персии. Несомненно, попытка Ф. Буаталя и Л.С. Полякова построить две даже небольшие железнодорожные ветки нарушала эти договоренности. Однако пока речь шла о мизерном проекте чисто бельгийского происхождения, англичане закрывали глаза на него, но когда выяснилось, что за спиной Анонимного общества стоят, в т.ч. и русские капиталы, их позиция резко изменилась. Неслучайно, весной 1899 г. русско-английская железнодорожная

²⁷ Там же. Л. 48–47 об.

²⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3002. Л. 50.

конвенция была подписана повторно, и срок ее действия истекал 15 марта 1910 г. [13. С. 126].

Заключение

Возникшие зловключения с последними проектами Ф. Буаталья имели вполне прозаическое объяснение, состоявшее в следующем. Россия очень опасалась английского проникновения в Персию, справедливо считая, что при прочих равных условиях ее товары не смогут на равных конкурировать с английскими и вместе с английским экономическим доминированием в эту страну придет и политическое влияние, которое будет ослаблять положение России даже в северных персидских провинциях. Кроме того, из Персии Англия могла бы активно угрожать таким русским регионам, как Кавказ и Средняя Азия. В свою очередь, британские политики не менее обоснованно опасались русского вмешательства в персидские дела, главным инструментом которого являлась русская военная мощь. Обе державы были убеждены, что железнодорожные проекты, находясь они в руках противной стороны, станут сильнейшим средством достижения соперником своих целей. Особенно опасным для англичан было строительство железнодорожной ветки, связывавшей Закавказье с персидской провинцией Азербайджан, поскольку это укрепило бы его экономическую связь с Россией и усилило бы центробежные тенденции в Персии.

В любом случае в истории развития железнодорожного транспорта Персии Ф. Буаталь навсегда остался человеком, сумевшим в партнерстве с русским капиталистом Л.С. Поляковым реализовать первый персидский, хотя и экономически незначимый, проект.

Список литературы

1. *Бобынин Н.Н.* Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. Тифлис : Народный комиссариат по внешней торговле З.С.Ф.С.Р., 1923.
2. *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. : 2-я тип. Изд-ва Академии наук СССР в Москве, 1949.
3. *Маннанов Б.С.* Из истории русско-иранских отношений в конце XIX — начале XX века. Ташкент : Наука, 1964.
4. *Ананьич Б.В.* Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России : Труды ленинградского отделения Института истории. Вып. 4. М.-Л., 1962.
5. *Ананьич Б.В.* Российское самодержавье и вывоз капитала 1895–1914 гг. (по материалам Учетно-ссудного банка Персии). Л. : Наука, 1975.
6. *Корноухова Г.Г.* Российско-персидские экономические отношения в начале XX века: дорожное строительство // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 3. С. 445–462. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462> EDN: YNJHRY

7. Ларин А.Б. Незадолго до бури: Россия и Британия в Иране в 1913 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 1 (99). <https://doi.org/10.18254/S207987840013829-0> EDN: COTKUW
8. Кострикова Л.Г. Полемика в русской прессе по вопросу о железнодорожном строительстве в Персии. Проект «Великого индийского пути» // Россия на рубеже XIX–XX веков : материалы науч. чтений памяти В.И. Бовыкина. Москва, МГУ, 20 января 1999 г. М. : РОССПЭН, 1999. С. 336–347.
9. Корноухова Г.Г. Обсуждение проекта трансперсидской железной дороги на страницах российской прессы в начале XX века // У истоков российской государственности. Исследования, материалы : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 11 ноября 2020 г. Калуга : Эйдос, 2020. С. 178–183.
10. Curzon G.N. Persia and the Persian Question. Vol. I. London : Longman, Green, and Co, 1892.
11. Teymuri E. Asr-e bikhbari ya tarikh-e emtiyazat dar Iran. Tehran : Eqbal, 1953.
12. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М. : Центрполиграф, 2004.
13. Павлович М.П. Империализм в борьбе за великие железнодорожные и морские пути будущего (К вопросу о причинах мировой войны) : собрание сочинений. Л. : Ленгиз, 1925. Т. 2.

References

1. Bobynin NN. *Persia, ee ekonomicheskoe polozhenie i vneshniaia trgovlia 1901–1923* [Persia, its economic situation and foreign trade 1901–1923]. Tiflis: Narodnyi komissariat po vneshnei trgovle Z.S.F.S.R. Publ.; 1923. (In Russ.).
2. Rozhkova MK. *Ekonomicheskaiia politika tsarskogo pravitelstva na Srednem Vostoke vo vtoroi chetverti XIX veka i russkaia burzhuaziia* [The economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second quarter of the XIX century and the Russian bourgeoisie]. Moscow; 1949. (In Russ.).
3. Mannanov BS. *Iz istorii russko-iranskikh otnoshenii v kontse XIX — nachale XX veka* [From the history of Russian-Iranian relations in the late XIX — early XX centuries]. Tashkent: Nauka Publ.; 1964. (In Russ.).
4. Anan'ich BV. Uchetno-ssudnyi bank Persii 1894–1907 [Discount and Loan Bank of Persia 1894–1907]. In *Monopolii i inostrannyi kapital v Rossii* [Monopolies and foreign capital in Russia], 274–314. Moscow; Leningrad; 1962. (In Russ.).
5. Anan'ich BV. *Rossiiskoe samoderzhavie i vyvoz kapitala 1895–1914 gg. (po materialam Uchetno-ssudnogo banka Persii)* [Russian autocracy and the export of capital 1895–1914 (based on materials from the accounting and Loan bank of Persia)]. Leningrad: Nauka Publ.; 1975. (In Russ.).
6. Kornoukhova GG. Russian-Persian economic relations in early 20th century: road construction. *Nauchnyi dialog*. 2024;13(3):445–462. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462> EDN: YNJHRY
7. Larin AB. Before the storm: Russia and Britain in Iran in 1913. *Historiya*. 2021;12(1). <https://history.jes.su/s207987840013829-0-1/> (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/S207987840013829-0> EDN: COTKUW
8. Kostrikova LG. Polemika v russkoï presse po voprosu o zheleznodorozhnom stroitelstve v Persii. Proekt ‘Velikogo indiiskogo puti’ [Controversy in the Russian press on the issue of railway construction in Persia. The ‘Great Indian Road’ project]. In *Rossia na rubezhe XIX–XX vekov: Materialy nauchnykh chtenii pamiati V.I. Bovykina. Moskva, MGU, 20 ianvaria 1999 g.*, 336–347. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. (In Russ.).
9. Kornoukhova GG. Obsuzhdenie proekta transpersidskoi zheleznoi dorogi na stranitsakh rossiiskoi pressy v nachale XX veka [Discussion of the trans-Persian railway project on the pages of the Russian press at the beginning of the twentieth century]. In: *U istokov*

rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniia, materialy: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kaluga, 11 noiabria 2020 g., 178–183. Kaluga: Eidos Publ.; 2020. (In Russ.).

10. Curzon GN. *Persia and the Persian Question*. Vol. 1. London: Longman, Green, and Co, 1892.
11. Teymuri E. *Asr-e bikhbari ya tarikh-e emtiyazat dar Iran* [The era of timelessness or the history of concessions in Iran]. Tehran: Eqbal; 1953 (In Persian).
12. Kazemzadeh F. *Borba za vliyanie v Persii. Diplomaticheskoye protivostoyanie Rossii I Persii* [The Struggle for Influence in Persia. Diplomatic Confrontation between Russia and England]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2004 (In Russ.).
13. Pavlovitch MP. *Imperializm v borbe za velikie zheleznodorozhnie i morskije puti budustchego (K voprosu o pritchinakh mirivoy voini)* [Imperialism in the struggle for the great railroad and sea routes of the future (On the causes of the World War): collected works]. Leningrad: Lengiz; 1925. Vol. II. (In Russ.).

Информация об авторе:

Арабаджян Завен Артемович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: arabzava@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5743-2002. SPIN-код: 3094-9627.

Information about the author:

Zaven A. Arabadzhyan — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Center for the Study of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: arabzava@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5743-2002. SPIN-code: 3094-9627.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477

EDN: JULGMK

Научная статья / Research article

Чекарские и чураские калмыки в политике ойратского дербетского Далай-тайши: предварительные итоги исследования

Б.У. Китинов

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская
Федерация

✉ kitinov@mail.ru

Аннотация. Изучена проблема, связанная с появлением в русских архивных документах второго и третьего десятилетий XVII в. упоминания о людях, названных *чекарами*, в составе ойратов-дербетов, пребывавших в южной Сибири. Рассмотрены точки зрения специалистов, ранее обративших внимание на эту проблему (С.К. Богоявленский, В.П. Санчиров, В.Т. Тепкеев), отмечены их достижения и неудачи. На основе комплексного исследования источников сделан вывод, что *чекары* — это представители монгольского народа *чахаров*, оказавшиеся в составе войск Алтын-ханов еще до падения Чахарского ханства (1634 г.) и принявшие активное участие в боях с ойратами. После гибели (чахарского) хагана Лигдана они были замечены и в отрядах ойратского дербетского лидера Далай-тайши, использовавшего их для нападений на других ойратов — торговых правителей с целью подчинения их себе. Одновременно для борьбы с возросшим влиянием элетского (джунгарского) тайши Хара-Хулы Далай-тайша попытался возродить свое давнее родовое имя, одинаковое с тем, что было и у Хара-Хулы — *чорос* (*чурас*). Этот род связан с народом чурасов в Могулистане, и его представители создали *чороскую* династию как правители Ойратской державы (первая половина XV в.). Констатируется, что деятельность известного ойратского лидера Далай-тайши в указанный период была неоднозначной и нацелена на возвращение прежнего авторитета. С его кончиной в 1637 г. тема *чекаров* и связанных с ними *чурасцев* больше не прослеживается в русских архивных документах. Материал представлен как проблемный, предложено тесно увязывать его дальнейшее изучение с комплексным анализом истории ойратов и восточных монголов конца XVI — первой трети XVII вв.

Ключевые слова: чекар, чахар, чакар, чорос, чурас, Далай-тайша, Хо-Урлюк-тайша, ойраты, калмыки, дербеты, джунгары, Алтын-хан, Чокур-тайша

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Китинов Б.У., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10.03.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Для цитирования: Китинов Б.У. Чекарские и чураские калмыки в политике ойратского дербетского Далай-тайши: предварительные итоги исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 462–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477> EDN: JULGMK

Chekar and Churas Kalmyks in the policy of the Oirat Derbet Dalai Taishi: preliminary results of the study

Batr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ kitinov@mail.ru

Abstract. The author studies the problem associated with the appearance in Russian archival documents of the second and third decades of the 17th century of references to people called *Chekars*, as part of the Oirat Derbets who were dwelling in southern Siberia. The points of view of specialists who previously drew attention to this problem (S.K. Bogoyavlensky, V.P. Sanchirov, V.T. Tepkeev) are considered, their achievements and failures are noted. Basing on a comprehensive study of the sources, it is concluded that the *Chekars* were the representatives of the *Chahar* Mongolian people, who found themselves in the troops of the Altyn Khans even before the fall of the Chahar Khanate (1634) and took an active part in the battles with the Oirats. After the death of the (Chahar) Khagan Ligdan, they were also seen in the detachments of the Oirat Derbet leader Dalai Taishi, who used them to attack other Oirats — Torgut rulers with the aim of subjugating them. At the same time, to combat the growing influence of the Elet (Dzungar) Taishi Khara-Khula, Dalai Taishi tried to revive his old family name, the same as that of Khara-Khula — *Choros* (*Churas*). This family name was associated with the *Churas* people in Moghulistan and its representatives who created the *Choros* dynasty as rulers of the Oirat state (first half of the 15th century). It is stated that Dalai Taishi's activity, as well known Oirat leader, at the discussing period was complicated and aimed to return his previous authority. With his death in 1637, the issue of *Chekars* and connected the *Churas* peoples disappeared forever from the Russian archival documents. The author presents the article as the problematic one and believes that its further study should be supported by the comprehensive analyze of the history of the Oirats and Eastern Mongols of the late 16th — first third of the 17th centuries.

Keywords: Chekar, Chahar, Chakar, Choros, Churas, Dalai Taishi, Kho-Orluk Taishi, Oirats, Kalmyks, Derbets, Dzungars, Altyn-khan, Chokur Taishi

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 10.03.2025. Accepted: 25.07.2025.

For citation: Kitinov BU. Chekar and Churas Kalmyks in the policy of the Oirat Derbet Dalai Taisha: preliminary results of the study. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):462–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477> EDN: JULGMK

Введение

История ойратов содержит немало страниц, до сих пор нуждающихся в уточнении и внимательном изучении. Их можно обнаружить буквально во всех периодах бурной истории этого западномонгольского народа. Внезапное появление в русских архивных документах 1620-х — 1630-х гг. упоминаний о *чекарах* и *чурасцах* — одна из таких проблем, однако специальных ее исследований нет, а в имеющихся она не является центральной и требует уточнений и корректировок. Использован проблемно-исторический и хронологический методы, позволившие проследить развитие событий и процессов в совокупности, с привлечением достоверных источников и мнений специалистов. Эти методы позволили специально не изучать отдельные стороны вопроса (например, роль казахского «царевича» Янгира, войны ойратов с алтын-ханами), другие же (ситуация в Чахарском ханстве, значение *чороского* (*чураского*) фактора) получили достаточное освещение. В целом можно констатировать, что эти, казалось бы, малозначимые названия и обозначения, в действительности воссоздают один из моментов проявления исторической памяти ойратов, которая, как видно, не только помогала поддерживать прогрессивные тренды, но и могла использоваться для достижения личных целей.

Чекары

В первой трети XVII в. ойраты, полувеком ранее мигрировавшие в южную Сибирь, постоянно должны были отбиваться от своих врагов — восточных монголов и казахов, не утихали между ними и усобицы. В ходе столкновений выделились такие тайши, как Хо-Урлюк (глава ойратов-торгутов), Далай (лидер ойратов-дербетов), Чокур (один из лидеров ойратов-хошутов), Хара-Хула (лидер ойратов-элетов, позже ставших известными как джунгары) и др. Пик усобиц пришелся на 1625–1635 гг., когда постепенно падало значение прежнего лидера — дербетского Далай-тайши и усиливалось продвижение ойратов-торгутов на запад, к Волге. С.К. Богоявленский писал: «Весной 1635 г. на Урлюка дважды нападали чекарские калмыки и Янгир, царевич Казахской орды; и многие люди из улусов тайши Урлюка были побиты, а многие взяты в плен. Чекарские калмыки неоднократно упоминаются в русских актах, и этим термином обозначаются отряды, находившиеся в распоряжении Далая» [1. С. 72].

Чекары (*чекарцы*, *чекарские калмыки*) вновь упоминаются в архивных документах о калмыках, кочевавших близ Астрахани. Отмечено, что летом 1635 г. «на р. Бузане близ Астрахани состоялся съезд русских и калмыцких доверенных лиц... Калмыки¹ высказали пожелание, чтобы русские послали

¹ Это были поданные торгутского тайши Дайчина.

против чекарских калмыков „ратных людей с огненным боем...“. На этом съезд и закончился» [1. С. 73].

Кем же были эти *чекарские калмыки*?

В последнее время к теме *чекаров* обратился один из исследователей истории калмыков В.Т. Тепкеев в монографии «Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века» [2], однако методы, использованные им, и анализ документов вызывают ряд замечаний и вопросов. Во-первых, он использует слово *чакары*, хотя в источниках эти люди именуются *чекарами*. Во-вторых, в работе не дается никаких объяснений о причинах и времени появления этого слова, лишь отмечается, что оно близко к числительному четыре (*чахар*, на персид. яз.), и выделяются его различные вариации в значении *слуга, телохранитель* (на монг. яз.) [2. С. 13, сн. 9]. Автор почему-то уверен, что в русских документах этот термин употреблялся как «название группировки ойратов, кочевавших в степях Юго-Западной Сибири» [2. С. 13], хотя не обосновывает это. В состав этой «группировки» (называемой также «северная») он включает практически всех ойратов (как правило, упоминаются лишь дербеты и хошуты), кочевавших на юге Сибири, за исключением, что неоднократно подчеркивается, торгутов и джунгаров. Но основное недоумение вызывает использование источников: Тепкеев произвольно изменяет (искажает) данные источников; например, в указанной монографии во многих местах, где в источнике речь идет о *калмыках/ колмыках* как таковых, он переименовывает их в *чакарцев*.

Более ответственно к теме *чекаров* подошли С.К. Богоявленский и В.П. Санчиров, отмечавшие, что *чекарскими* назывались калмыки, бывшие подданные Чокура (т.е. хошуты улуса Чокура), которые после его разгрома оказались под властью дербетского Далай-тайши [1. С. 72; 3. С. 14]. Следуя их логике, можно предположить, что этимологию слова *чекары* они выводили из имени Чокура, что представляется не вполне обоснованным. Кроме того, не становится яснее, почему эти так называемые *чекары* вдруг стали такими воинственными и настроенными анти-торгутски, ведь ранее они и кочевали совместно, и их хозяин Чокур был тестем упоминавшегося торгутского тайши Дайчина, в кочевьях которого он укрывался от Далай-тайши и хошутского Гуши-хана.

На наш взгляд, истоки как самого слова, так и условий, когда и почему оно стало использоваться (откуда взялись *чекарцы*), следует искать в более широкой исторической перспективе.

Ойраты (дербеты, торгуты, хошуты, элеты и др., также известные как калмыки), откочевав во второй половине XVI в. в южную Сибирь с востока Джунгарской котловины и Западной Монголии, спасаясь от набегов восточных монголов и тюрок Могулистана, оказались в стесненных обстоятельствах. Выход виделся в дальнейшем продвижении на запад, и первым решился на этот трудный выбор Хо-Урлюк, глава торгутов.

Интерес к региону Волги наиболее полно был реализован им впервые в 1618 г. Как отмечено в «Истории калмыцких ханов» (написан в первой половине XIX в.), Хо-Урлюк «в году Шорой Морин (т.е. 1618 г. по Р.Х.) ... послал добрых людей высмотреть берега Каспийского моря», и далее, «заподлинно узнав, что там земли никем не заняты» [4. С. 113], он решил уйти туда со своим улусом. Ранее, в 1613 г., четырехтысячное войско калмыков впервые перешло Яик и ударило по ногаям, которые бежали вплоть до правого берега Волги [1. С. 57]. Однако калмыки вскоре ушли, и далее они будут периодически появляться в этом регионе; так, в 1619 г. они опять нападут на ногоев и вновь уйдут за Яик, причиной чему были вспыхнувшие бои с Алтын-ханом и казаками; следующий набег случился в 1622 г., то были воины хошутского тайши, однако и они быстро вернулись за Яик [1. С. 61]. Согласно Габан Шарабу, «в 1628-м году Лоузанг² ойратским владельцам представил намерение свое от них отлучиться» [5. С. 106].

Между тем, ссора между хошутами, случившаяся в 1625 г., превратилась в крупномасштабную междоусобную войну, затронувшую всех ойратов [3. С. 6–12], что вызвало их общее ослабление.

В 1626 г. улус хошутского Чокура, с которым кочевал его зять Дайчин, старший сын Хо-Урлюка, совместно с улусом другого торгутского тайши Тенес Мергене, провели в междуречье Волги и Яика около года; до Волги они не доходили. После разгрома Чокура (одного из зачинщиков междоусобицы) и его союзников набеги калмыков Хо-Урлюка на ногоев, к Волге продолжались [1. С. 67]. В Волго-Яикское междуречье пришли улусы Лоузана. Как писал Б.-У. Тюмень, «в 1629-м году (Лоузан) действительно отошел, в 1630-м перешел Яик и Волгу, завоевал татар. В том же году Хо-Орлюк и Дайчинг пришли к Яику, в 1631-м году пришли к Волге» [5. С. 106].

По В.П. Санчирову, Хо-Урлюку пришлось уходить на запад ввиду давления со стороны дербетского Далай-тайши, с которым отношения ухудшились после разгрома Чокура [3. С. 13]³.

На наш взгляд, кроме указанного обстоятельства (желания Далай подчинить себе Хо-Урлюка), следует иметь в виду и другое: кочевья торгутов (сыновей Хо-Урлюка) заняли земли Чокура и его союзников, именно они — Дайчин и Лоузан — контролировали отношения калмыков с ногаями и русскими властями на юге России, что, вероятно, не устраивало Далай-тайшу. Иная причина могла заключаться в гибели хошутского лидера Байбагаса до конца 1629 г., когда хошуты начали отходить от союзнических отношений с Далаем и последний, для сохранения влияния, усилил давление

² Лоузан был сыном Хо-Урлюка, отучился в тибетском монастыре Дрепунг Гоманг и обладал духовным званием *тоин*.

³ Чокур скрылся у своего зятя Дайчина, а последний отказывался подчиниться требованию своего отца выдать тестя Далай-тайши, из-за чего воины Далай совершали нападения на улусных людей Хо-Урлюка.

на торгутов. Таким образом, на перемещение торгутов на запад повлияли не только земельная теснота, но и угрозы со стороны Далай-тайши. Это отмечено и Богоявленским, указавшим, что еще к 1625 г. «возникла вражда между Далаем и Урлюком, которая кончилась только со смертью Далая» [1. С. 64]. И действительно, уход Далай-тайши из жизни (в 1637 г.) позволил *чекарам* наладить отношения с торгутами: *чекарские калмыки* упоминались в документе декабря 1638 г. как состоявшие в «ссылке и мире» с Дайчином и его родственниками [1. С. 77–78].

Первое упоминание о *чекарах* в связи с калмыками относится, видимо, к 1621 г. и связано с войнами между ойратами и восточномонгольским правителем Алтын-ханом, создавшим свое государственное образование на северо-западе Монголии. Предыстория такова: после прекращения боевых действий между ойратами и халхами, Лайхур-хан, лидер халхаского правого крыла, в 1590-х гг. поставил Шолоя Убаши-хунтайджи, своего двоюродного брата, правителем пограничного с ойратами региона. Это и был Алтын-хан, «хотогойтский князь», именующийся в русских архивных документах как «Алтын-царь». Население его государства в основном состояло из хотогойтов (вероятно, происходивших в основном из ойратов-хойтов) и урянхайцев, оно возникло на просторах между озерами Убсу-Нур и Хубсугул (северо-западная Халха), достигая на севере Саян, на юге — предгорий монгольского Алтая.

Алтын-хан был серьезным противником, который к 1620 г. мог совершать набеги на ойратов вниз по Иртышу вплоть до оз. Ямыш и южнее вплоть до горного массива Еликты, поэтому ойраты (в основном дербеты) ушли за р. Ишим, ближе к Итыковым горам (горная сеть Улытау). Согласно Г. Миллеру, в 1621 г. «монголы преследовали калмыков до самых прииртышских степей. Передовые монгольские отряды, состоявшие из народа чагаров, и несколько меньших калмыцких тайшей находились в постоянных столкновениях друг с другом» [6. С. 94].

Таким образом, мы выдвигаем гипотезу, что *чегары* из русских документов — это те же *чагары*, иначе южные монголы-чахары, по разным причинам оказавшиеся в составе войск вначале у Алтын-хана, а затем и у Далай-тайши.

Чахары

В русских источниках уже с 1629 г. фиксируется угроза для южной Сибири со стороны возглавлявшего чахаров монгольского правителя, записанного как Дючюн-кан, Чегир-кан или Чагир-кан [7. С. 146, 147, 175].

Чахары — южные монголы, чей подъем следует соотнести с административными реформами Бату Менке (Мункэ)⁴, ставшим известным как Даян-хаган

⁴ Он был правнуком ойратского (чороского) Эсэна, внуком его дочери Цэцэг [8. С. 37], а по мужской линии был одним из последних представителей рода Борджигин.

(прав. в 1480?–1543 гг.)⁵. Он перенес ставку из района Керулена и Орхона в регион Чахара и определил, что отныне именно правители Чахара возглавляют монголов, и им как *хаганам* должны подчиняться все монголы. Он же совместно со своей женой Мандухай-хатун разгромил ойратов и уйгуров; к 1510 г. ойраты были повержены, их институт *тайши* упразднен⁶, а восточные монголы объединены.

После Даяна правил его внук Бодиалаг (хаган с 1544 г.), которому удалось сохранить централизованную власть только у самих чахаров. Затем правителем был его сын Дарайсун (хаган с 1548 г.). При Тумэн-Дзасакту-хане (хаган с 1558 г.), сыне Дарайсуна, влияние хаганов ослабело даже в пределах самого Чахара.

Попытку укрепить власть предпринял Буян-тайджи (Цэцэн-хан) (хаган с 1594 г.), однако она не была успешной. В 1604 г. хаганом стал Лигдан⁷, который желал не только покончить с самовластием владельцев аймаков, «но и истребления всех ослушных вассалов, осмелившихся бороться с своим повелителем. Ожесточенные этой борьбой и притеснениями, аймачные владельцы решили совершенно оставить Ликдана и бежать от его постоянных нападений» [11. С. 115–116]. А.С. Мартынов писал: «Хорошо известно, что поводом для открытой вражды между Нурхаци⁸ и Лигдан-ханом чахарским послужил именно статусный вопрос. В 1619 г. Лигдан-хан направил ко двору Нурхаци посольство с грозным письмом, в котором он именовал себя „правителем монгольского государства с сорока десятками тысяч человек Батур Чингисханом“ и требовал прекратить вторжения на территорию империи Мин» [12. С. 65]. Это было не удивительно: чахары к тому времени стали «верными сообщниками последних [китайцев], и с одной стороны охраняли границы срединной империи, а в другой доставляли китайцам из своих прекрасных табунов лошадей для конницы и артиллерии» [11. С. 124].

Недовольные политикой Лигдана установили сношения с маньчжурами и другими его противниками [10]. У маньчжуров были и брачные связи с «некоторыми аймаками в восточной Монголии», и они стали «вмешиваться во внутренние дела Чахарского дома» [13. С. 200].

Летом 1626 г. глава восточномонгольского народа харачинов Ооба хунтайджи принял покровительство Нурхаци, «чтобы защитить себя

⁵ Й. Элверског пишет, что Даян скончался в промежутке между 1524–1543 гг. [9. Р. 73, note 10].

⁶ Он будет возвращен ойратам Алтан-ханом тумэтским около 1580-х гг.

⁷ Согласно принципу примогенитуры, законным правителем монголов признавался правитель чахаров как прямой наследник Чингисхана по мужской линии. Даже Даян-хан для усиления своей позиции женился на Мандухай, вдове бывшего чахарского правителя Мандугула. Однако авторитет этих правителей с сер. XVI в. настолько пал, что их называли уже не монгольскими хаганами, а чахарскими ханами [10. С. 448].

⁸ Нурхаци (1559–1626 гг.), лидер маньчжуров, ближайших соседей чахаров, хан с 1616 г.

от других монголов» [14. С. 14], поскольку несколько знатных людей его племени были убиты чахарами и халхами. Более подробно ситуация раскрывается в «Мэн-гу-ю-му-цзи»: представители харачинов (карциньцев) сообщили маньчжурскому правителю о «беззакониях» чахарского правителя и предложили ему помощь в борьбе с Лигданом. «По указу для личных переговоров с карциньцами был отправлен посланец. В 7-й луне карциньцы прислали ко двору ламу с 530 человек. Тогда князьям 3-й ст., Ацзиге и Шото, повелено было встретить их, угостить пиром и заколоть белую лошадь и черную корову для произнесения клятвы. В 9-й луне император лично выступил в поход против чахар» [15. С. 200, прим. 103]. По «Алтан тобчи», в жертву принесли белого коня (Небу) и черного быка (Земле) [16. С. 296].

Крупную военную кампанию против Лигдана предпринял Хунтайджи, сын и преемник Нурхацы. Армия Лигдана была разбита, Хунтайджи «преследовал бегущих до гор Хиньганских» [17. С. 501]. Продвижение маньчжурских войск вынудило Лигдана уходить в западном направлении. В 1627 г. он подчинил себе тумэтов и ордосцев, занял Хух-Хото (Коке-Хото) и стал угрожать халхасам, в т.ч. Алтынхану, и даже ойратам: «И говорит тот царь Чагир-кан⁹: как де дойду до русских и я к ним, к руским людей, учну своих послов посылать, одноконечно де мне побивать Алтына-царя да белых и чорных калмыков» [7. С. 311–312]. В отписке красноярского воеводы А. Дубенского в Тобольскую приказную избу мы также находим: «...в нынешнем же во 137 году [1629. г.] мая в 11 день... Ивашко Тимофиев с товарищи приехали из Матарские земли и сказали в съезжей избе: идет де из-за Китайсково царства царь неведомо какой, а называют ево Дючюн-кан, а имени ему не знают, и Китайское царство взял и Лабинское государство взял же, и Алтына де царя розвоевал, а будет де мугал воевать. А называетца де: я де неверным царем всем царь¹⁰; один де велик государь царь русской, да я де другой царь, а больши де нас двух нет никою. А хочет де итти до русских городов» [7. С. 146].

Однако его планам, какими бы они ни были, не пришлось осуществиться — в мае 1633 г. Хунтайджи вновь возглавил поход против Лигдана, последний бросил свою столицу (Хух-Хото) и двинулся на юго-запад, намереваясь «бежать к тангутам [тибетцам], но еще до положенного времени умер от оспы¹¹ в Шаравэйгуре» [17. С. 502]. П. Швигер считает, что

⁹ В русских документах Лигдан назван также как Чегир, Дючюн, Дючин (см. выше).

¹⁰ Интересный оборот («неверным царем всем царь»), прозвучавший в 1629 г. — важный исторический факт, определенно указывающий, что уже тогда Лигдан считал себя главным правителем над всеми «неверными» (т.е. буддийскими) правителями. Иначе говоря, религиозный фактор в указанных процессах действительно имел место быть.

¹¹ Согласно Б.Я. Владимирцову, он умер в сентябре 1634 г. на пути в Кукунор [10. С. 265].

цзанский (тибетский) правитель Карма Тенсунг мог обратиться к Лигдану с просьбой о помощи (в то время в Тибете накалялась ситуация ввиду борьбы разных направлений буддизма), а последний «мог действительно рассматривать Тибет как возможное место бегства» [15. С. 41]. По Б.Я. Владимирцову, в начале XVII в. монголы оказались перед лицом растущей силы маньчжуров, ойратов и слабеющей династии Мин. Стоял вопрос — за кем идти, за ойратами или маньчжурами? Лигдан выбрал третий путь — воссоздание «монгольской чингисханидовской державы, на котором он и погиб» [10. С. 263–264].

Упомянутый документ о преследовании ойратов монголами-чагарами в составе войск Алтын-хана позволяет заключить, что отдельные роды чахаров уже в десятых годах XVII в. уходили из юго-восточной Монголии в сторону Халхи, но, будучи там нежеланными гостями, были вынуждены проходить далее вплоть до владений Алтын-хана, который, судя по всему, приютил их с условием привлечения в военные действия против ойратов. Возможно, поэтому и были высказаны эти слова Лигданом, что он будет «побивать Алтына-царя да белых и черных калмыков» (см. выше). Чахары были известными воинами, они входили в состав левого (совместно с халха и урянхай), самого воинственного крыла монголов, и их присутствие, безусловно, усилило Алтын-хана (были в «передовых отрядах»), отчего его войска и калмыками, и другими сибирскими народами могли именоваться *чагарскими* или *чегарскими* [7. С. 120].

Таким образом, уже за несколько лет до начала чахаро-маньчжурской войны среди алтын-хановских войск появились подразделения, состоявшие из *чахар*. В начале 1620-х гг. Алтын-хан представлял серьезную силу, и присутствие в его войске *чахаров* несло большую угрозу ойратам — по большому счету, против них выступали войска самого хагана. Это же наименование (*чахары*) обнаруживается среди воинов дербетского Далай-тайши, согласно русским документам середины 1630-х гг. Мы полагаем, что было как минимум две возможности появления таких людей (отрядов, по выражению Богоявленского) у Далай-тайши: первая — это исход отдельных чахарских лидеров от произвола Лигдана, и вторая — это последствие смерти Лигдана, случившееся в конце 1633 или в начале 1634 гг.; и в том, и в другом случае отдельные части войск Алтын-хана, состоявшие из *чахаров*, по каким-то причинам перешли на сторону ойратов (впрочем, нельзя исключить и версию их пленения). Ойратским лидером, оказавшим им прием, оказался дербетский Далай-тайша, который столкнулся с кризисом своей власти и, вероятно, рассчитывал на чахаров для укрепления своих позиций. На самом деле этот кризис начался еще ранее, в середине десятых годов, когда элетский Хара-Хула решил объединить под своей властью чоросцев и элетов.

Чоросы

Далай-тайши значительно ослабел после того, как у него решением съезда ойратских правителей фактически отобрали хойтов¹² — этот древний ойратский народ, долгое время бывший в подчинении у дербетских лидеров [19. С. 128], и вновь обретший равные позиции с другими ойратами. В «Мэн-гу-ю-му-цзи» отмечается: «... поколение хойтов, по фамилии ихэ-мингань¹³. Сначала оно входило в состав дурботского аймака; с переселением же в Россию торгутов в 1636 году¹⁴ хойты являются одним из четырех ойратов» [15. С. 115]. Итак, после ухода большей части торгутов в Россию хойты «поднялись» до уровня одного из основных (четырех) ойратских народов [20. С. 6; Р. 81, note 204]; скорее всего, это случилось в конце 1634 г., когда ойратов посетили представители Далай-ламы и Панчен-ламы. Хойты действительно были сильным народом: На. Сухбаатар и Д. Баярсайхан, исследовавшие их историю, указывают, что «хойтский аймак был одной из самых важных составных частей Джунгарского ханства» [21. С. 128].

Кроме того, Далай-тайша уже был не в состоянии противостоять набравшему силу элетскому (джунгарскому) Хара-Хуле, который еще в 1616 г. объявил об образовании народа *джунгаров* как защитников учения Цзонкхапы, основателя тибетского буддизма школы Гелук [23. С. 177]. Хара-Хула вскоре настолько усилился, что его мощи стал опасаться и Алтын-хан. Уже весной 1619 г. тот писал царю Михаилу Федоровичу:

«А прошение мое, чтоб меж нас с тобою послы ходили, и торговым бы нашим людям дорога в твое государство и твоим людям к нам была чиста. И тому доброму делу помешку чинят меж нас калмыцкой Каракулы-тайша, а люди они немногие, и тебе б, великому государю, про то было ведомо. И тебе бы, великому государю Белому царю, послать повеленье свое к томским и к тобольским и к тарским ко всем людям, чтоб они, все твои государевы ратные люди, с моими ратными людьми на тех воров на Каракулы-тайшу и на его людей войною ходили; твои государевы ратные люди на них с твоей стороны ходили, а я с свою сторону на них своих ратных людей учну посылать, чтоб меж нас воров не было, и дорога бы была чиста. И как от тех воров дорога очистится, и тебе, государю, и не будет прибыль и добра много» [7. С. 78–79].

¹² Надо заметить, что сам факт такого решения красноречиво свидетельствует о падении влияния Далай-тайши.

¹³ Хойты состояли из четырех отоков: их-минган (Ikh Myangan), ол-тумен (Öl Tümen), алаг-гулцэ (Alag Gulz) и цаган туг (Tsagaan Tug). Последний оток почитался как наиболее близкий к монголам, поскольку потомки Худуха-беки (первый ойратский лидер, подчинившийся Чингисхану, почитается родоначальником хойтов) в течение трех поколений брали в жены представительниц Золотого рода [22. С. 524].

¹⁴ Выше уже отмечалось, что торгуты стали уходить в сторону Волги еще за два десятилетия до указанного года, на саму эту реку они вышли в 1631–1632 гг.

К указанному времени безопасность вновь обретаемых границ в Сибири стала вызывать опасения в Москве ввиду столкновений ойратов с монголами, когда дербетский Далай-тайша уже не мог контролировать отдельных ойратских лидеров, а Алтын-хан был заподозрен в тайных связях с Китаем: «мы, великий государь, приговорили з бояры нашими — с Алтыном-царем и с Китайским государством ссылке не быть» [7. С. 97]¹⁵. В таких условиях царь обратил внимание на элетского (джунгарского) Хара-Хулу.

Взаимная заинтересованность русской и джунгарской сторон привела к прибытию первого посольства от джунгаров в Москву 10 января 1620 г. При этом посланники Хара-Хулы говорили от имени только этого тайши: «колмытцкой Каракулы-тайша з братьею и з детьми и с племянники вам, великому государю, велели бити челом, что он, Каракулы-тайша, з братьею и з детьми и с племянники и со всеми своими улусы учинились под вашею царского величества рукою, и перед вашими государевыми людьми правду дали, шерть учинили» [7. С. 93]. В ответ в мае 1620 г. царь направил свою жалованную грамоту: «мы, великий государь, тебя, Каракулу-тайша, и твоих улусных людей пожаловали, в нашу царскую милость и во оборону приняли, и в нашем царском жалованье и в призренье держать вас хотим, и от недругов ваших сибирским воеводам нашим оберегать велели есмя» [7. С. 99]. Таким образом Хара-Хула обезопасил свои тылы и продолжил политику объединения ойратов под своим лидерством. Видимо, он акцентировал также свою чороскую родословную, поскольку в русских документах примерно тогда же (в 1630-х гг.) появляется еще одно новое наименование — *чурасцы* (*чоросцы*).

Интересно, что источники наличие *чоросцев* у калмыков связывают с дербетами. Отмечается, что у тайши Далай были люди, носившие «особое родовое имя чурасцов». В конце того же 1631 г. или в начале 1632 г. эти калмыки (около 150 чел.) и кучумовичи дошли до Иртыша и там напали на Тебендинскую, Каурдацкую и другие волости. «Когда тайша Талай узнал о поражении своих чурасцов, он стал говорить, что набег был произведен без его ведома» [6. С. 102]. Однако Хо-Урлюк в разговоре с посланником тюменского воеводы Семеном Поскочиным «справедливо отнес всю вину за прошедшие враждебные действия на тайшу Талай и рассказал, что Талай, Кушей (иначе Куйша) и Тайгуш все еще намереваются продолжать свои набеги на русские пределы». Сам же Урлюк, как заметил Миллер, «до этого времени не принимал никакого участия в нападениях, а, наоборот, давно уже желал удостоиться чести принять русское посольство» [6. С. 103]. Июнь-август 1632 г. прошли в борьбе с калмыками «служилых людей» из Тобольска, Тюмени и Тары. Но калмыки и кучумовичи «откочевали слишком далеко», и не понесли какого-либо существенного урона. «Служилые

¹⁵ Это решение было принято еще летом 1619 г., хотя о нем стало известно лишь год спустя.

люди» «разбили несколько передовых отрядов калмыков, стоявших около Конкарагая на Ишиме». В архивном документе указано, что «разбитые калмыки оказались теми самыми, которые ранее произвели нападения на Тюмень, а именно людьми тайши Талая, носившими особое родовое наименование чурасцов» [6. С. 108]. Этот род упоминался и позже — есть архивный документ 1636–1637 гг., где вновь указаны *чюрасцы* как подданные Далая [6. С. 585].

У ойратов только дербеты и элеты (точнее, их правители) могли заявить о своей принадлежности к чоросам, роду, возглавившему ойратов в XV в. Мы считаем, что именно из-за борьбы за влияние между Далаем и Хара-Хулой в 1630-х гг. (а возможно и ранее) актуализировалось наименование *чорос* (*чурас*). Здесь также требуется небольшой исторический экскурс.

Первый ойратский лидер, упомянутый в источниках (если не считать Мунке-Темура) — Хутхай-Тафу (Хуухай-даю) — считается представителем рода *чорос*. Скорее всего, такой вывод делается ретроспективным подходом, поскольку последующие правители ойратов — Махаму, Тогон и Эсэн, соответственно сын, внук и правнук Хутхай-Тафу, известны как *чоросы* [24. С. 174; 25. С. 126–127]. Нам представляется верным мнение этих и других исследователей: *чоросы* были тюркского происхождения и могли быть связаны происхождением с таким тюркским народом Могулистана, как *чурас*. Например, в «Тарих-и Рашиди» отмечено, что «эмиры [племени] чурас и племени барина ушли к сыну Исана Тайши Амасанджи Тайши к калмакам» [26. С. 104]. Здесь речь идет о том, что народы *чурас* и *барин*, в силу наступившей в Могулистане очередной междоусобицы, нашли приют у одного из ойратских лидеров — у Амасанджи, сына Эсэна-тайши. Скорее всего, это случилось около середины XV в., когда ойраты находились на подъеме.

Родство *чоросов* и *чурасов*, в целом, очевидно, и исследователи полагают это обстоятельство аксиомой. Например, К. Этвуд пишет, что «Эсен и его предшественники поддерживали тесные связи с Могулистаном на западе, где их собственный клан, Чорос, играл видную роль» [27. С. 420]. В Могулистане известным деятелем в XVI в. был Шах-Махмуд Чурас, автор знаменитой «Хроники» по истории этого государства [28]. Но еще до него известность получил один из лидеров Могулистана середины XIV в., тоже чурасец. Вот как этот момент отмечен в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара: могулистанский хан Туглук Тимур и наставивший его в учении ислама направления ка-таки маулана Аршад ад-Дин составили «план для распространения и успешного продвижения ислама и порешили на том, что будут вызывать эмиров по одному и приказывать, чтобы каждый принял ислам, в противном же случае они применяют стих священного Корана „Сражайтесь все с многобожниками“» [26. С. 30]. Они стали вызывать по одному в ханский шатер лидеров племен, предлагая им принять ислам, и оказалось, что некоторые из них уже были мусульманами. Только один из них — Чурас — отказался от ислама;

он предложил маулане побороться с его сильным борцом, «неверным», который поднимал двухлетнего верблюда, и в случае победы проповедника обещал принять его веру. В результате маулана трижды легко победил этого силача, и «в тот день сразу обрили головы и стали мусульманами сто шестьдесят тысяч человек. Хан сам над собой совершил обряд обрезания. Лучи ислама поглотили мрак неверия и ислам распространился в юрте Чагатай хана» [26. С. 31]. Это случилось в 1353 г.

Можно лишь предположить, что такое событие, как насаждение ханом ислама в Могулистане, могло сподвигнуть некоторых *чураских* (*чороских*) лидеров уйти к монголам Юань. До падения этой династии оставалось 15 лет — достаточный срок, чтобы проявить свои лидерские качества, войти в ближайшее окружение императора и затем получить правление над ойратами.

Само название уходит в более ранний период, и можно с серьезным основанием предполагать, что *чоросы* не просто тюркского происхождения, но и имеют как минимум общие корни с уйгурами: имеются легендарные сведения об их происхождении от ребенка, найденного под кривым деревом, потому и прозванным Цорос/ Чорос (Монг. *ᠴᠣᠷᠣᠰ*), т.е. «кривой» [5. С. 88]. По мнению Х. Окада, *чоросы* (джунгары и дербеты) и уйгуры являются остатками Найманского ханства, при этом он апеллировал к общей для них легенде о едином первопредке [29. С. 201]. Рашид-ад-дин писал о происхождении найманов следующее: «Царя найманов... называли Инанч-Билгэ Буку-хан... В древние времена Буку-хан был великим государем, (к памяти) которого уйгуры и много других племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева» [30. С. 139]. Аналогичное можно найти и в легендарной истории о происхождении кыпчаков [31. С. 44]. Г.И. Рамстедт связал термин *цорос/чорос* с киргизским этнонимом *чоро* [32. С. 550–553], этим же словом в ранних тюркских государственных образованиях звали лидеров объединений [33. С. 39]. *Чоросам* удалось возглавить ойратов, при этом под последними подразумеваются не только ойраты как таковые — слово *ойраты* стало уже политонимом, объединяя и другие народы, примкнувшие к ним.

Источники утверждают, что джунгарские правители были потомками младшего сына Эсэна — Эсмет-Дархан-нойона, тогда как дербеты — потомками Боронахала, старшего сына Эсэна [34. С. 53, 55]. Об этом же написано и в известной маньчжурской работе: «У Эсэна было два сына, старший из них, Боронахал, был родоначальником дурботов, а второй Эсмэт-дархан-нойон — чжунгаров» [15. С. 137]. Эсмет-Дархан-нойон был известен и как Аш-Тимур (Амасанджи).

Дальнейшая история дербетов и элетов, вообще ойратов в период с сер. XV в. (распад государства Эсэна) и до конца XVI в. (миграция в южную Сибирь) известна в общих чертах и требует дальнейшего изучения.

Исследование упоминаний о *чоросах* (*чурасах*) в русских документах 1630-х гг., в т.ч. в период, последовавший после смерти Хара-Хулы в 1634 г., дает новые возможности для более глубокого понимания долгосрочного влияния процессов и явлений, впервые проявившихся двумя веками ранее и сохранявших свой потенциал, достаточный для появления в последующем Джунгарского ханства.

Заключение

Чекары (*чекарские калмыки*), зафиксированные в русских архивных документах 1630-х гг., были отрядами воинов из народа *чахаров*, чье ханство находилось на юго-востоке Монголии, но в 1620-х — 1630-х гг. пало под ударами маньчжуров. Они впервые оказались под управлением Алтын-ханов в начале 1620-х гг., а позже приняли активное участие в межойратской усобице на стороне дербетского Далай-тайши. Как правило, они нападали на торгутские улусы под формальной претензией выдачи на расправу хошутского Чокур-тайши, но фактически добиваясь подчинения первых дербетскому лидеру. К тому времени торгуты в своей массе уже перешли на Волгу.

Исследование чахарской истории позволяет понять, что в изучаемый период были не только взаимные претензии хагана Лигдана и маньчжурских правителей Нурхацы и Хунтайджи, но и малоизвестное взаимодействие ойратов с восточными монголами. Лигдан, спасаясь от маньчжуров, не мог полагаться на своих сородичей-халхов и уходил в сторону Тибета, однако его грозное имя как всемонгольского хагана имело определенное влияние как на русские власти, так и на ойратов. Возможно, и это обстоятельство (актуализация отдельных реминисценций имперского периода) повлияло на возрождение тех воспоминаний, которые у ойратов были увязаны с их славным периодом — наличием ойратской державы Эсэн-тайши, который был чоросом по происхождению, и ролью его потомков-чоросов как правителей дербетов и джунгаров. Однако попытки Далай-тайши восстановить свою слабеющую власть, в т.ч. путем привлечения на свою сторону *чахаров* (*чекаров*) и возрождением чороского наследия (*чурасцы*) успеха не принесли. Дербеты ослабеют, и позже будут вынуждены большей частью подчиниться джунгарским, меньшей — торгутским правителям в составе Джунгарского и Калмыцкого ханств.

Список литературы

1. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. 1939. № 5. С. 48–102.
2. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста : НПП «Джангар», 2012. 375 с.

3. Санчилов В.П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения в 20–30-х гг. XVII в // *Oriental studies*. 2008. № 2. С. 2–23. EDN: SJFFFFH
4. История калмыцких ханов // *Лунный свет*. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2003. С. 113–119.
5. Габан Ш. Сказание об ойратах // *Лунный свет*. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста, 2003. С. 84–107.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 637 с.
7. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 : сб. документов / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук ; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М. : ГРВЛ, 1959. 352 с.
8. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М. : Наука, 1983. 331 с.
9. Elverskog J. The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the sixteenth century. Leiden-Boston : Brill, 2003. 388 p.
10. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М. : Восточная литература, 2002. 557 с.
11. Позднеев А.М. Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями. Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1883. 421 с.
12. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М. : Наука, 1978. 284 с.
13. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Т. 2. СПб. : Типография Карла Крайя, 1828. 339 с.
14. Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2008. 242 p.
15. Чжан-му, Хэ Цютао. Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / пер. с кит. П.С. Попова. СПб. : Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. 487с.+92 с.
16. Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / пер. с монг., введ., комм. и прил. Н.П. Шастиной. М. : Наука, 1973. 439 с.
17. Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / сост. Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары : Чувашское гос. изд-во, 1960. 758 с.
18. Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: a political history of the Tibetan institution of reincarnation. New York : Columbia University Press, 2015. 342 p.
19. Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // Записки Императорского Русского географического общества. 1880. Т. 6. С. 59–196.
20. Pelliot P. Notes Critiques d'Histoire Kalmouke. Part 1. Paris, 1960. 100 p.
21. Сухбаатар На., Баярсайхан Д. Хойдын туух. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2016. (История хойтов.) (на монг. яз.). 205 с.
22. Natsagdorj Sh., Ochir A. 'Six Tümen'// The History of Mongolia. Vol. II. Part 3: Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental LTD, 2010. P. 521–526.
23. Kitinov B.U., Lyulina A.G. Dzungar: Religion and Designation // *Vostok (Oriens)*. 2023. № 3. Pp. 173–184. <https://doi.org/10.31857/S086919080025827-6> EDN: IGKZLK
24. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — первая четверть XVIII вв.). Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 2002. 326 с. EDN: SJXATP
25. Екеев Н.В. Дорбен-ойраты (к проблеме этимологии и этнической идентификации) // Мир Центральной Азии: Т.1. Археология. Этнология : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. 1. С. 124–131.
26. Хайдар Мирза М. Тарих-и Рашиди / введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Ташкент : ФАН, 1996. 727 с.
27. Atwood Ch. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Fact on Line, Inc., 2004. 678 p.
28. Чурас Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил. Хроника / критич. текст, пер., коммент., исслед. и указатели О.Ф. Акимовской. 2-е изд. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010. 496 с.

29. Okada H. Origins of the Dörben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1987. P. 181–211.
30. Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сборник летописей. М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. 223 с.
31. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 193 с.
32. Рамстедт Г.И. Этимология имени Ойрат // Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб. : Типография В.У. Киришаума (отделение), 1909. С. 547–558.
33. Екеев Н.В. К проблеме этнической истории ойратов-чоросов // Мир Евразии. 2008. № 2. С. 37–41.
34. Санчилов В.П. «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М. : Наука, 1990. 136 с.

Информация об авторе:

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-код: 9886-3550.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-478-487

EDN: JTZOVO

Научная статья / Research article

Причины и последствия введения запрета на ношение хиджаба в Иране при Реза-шахе Пехлеви в 1935–1936 гг.

С.А. Кавун

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

✉ svetlana.sepideh@gmail.com

Аннотация. В современном Иране до сих пор крайне остро в обществе стоит вопрос о сохранении хиджаба. Секулярная внесистемная оппозиция добивается его отмены, апеллируя к историческому прошлому своей страны. Цель исследования — анализ опыта отмены и даже запрета хиджаба в Иране при Резе-шахе Пехлеви в 1935–1936 гг. Исследовательская проблема состоит в определении причин, которые легли в основу столь радикальной меры, и ее последствий для женской части общества. Описаны внутрисоциальные обстоятельства запрета хиджаба, конкретные меры шахского правительства, отношение монарха, а также реакция разных слоев иранских женщин. Автор приходит к выводу, что запрет на ношение хиджаба не только был инициативой шаха для укрепления власти, но и отвечал запросу прогрессивных слоев женской общественности, которая и стала главным проводником данной реформы. Признан и тот факт, что данная мера вызвала неприятие у большого числа женщин традиционных взглядов, однако организованного протеста решению шаха среди самих женщин так и не последовало. Научный вклад исследования заключается в экспертной оценке столь важной социальной реформы, затрагивающей почти половину иранского общества. Исследование основано на персоязычных и англоязычных источниках и исторической литературе, большая часть которых впервые вводится в научный оборот российской иранистики.

Ключевые слова: права женщин, дехиджабизация, женская эмансипация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.01.2025; принята к публикации 17.07.2025.

Для цитирования: Кавун С.А. Причины и последствия введения запрета на ношение хиджаба в Иране при Реза-шахе Пехлеви в 1935–1936 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 478–487. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-478-487> EDN: JTZOVO

© Кавун С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Reasons and consequences of the ban on wearing hijab in Iran during the rule of Reza-shah Pehlevi in 1935–1936

Svetlana A. Kavun

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation

✉ svetlana.sepideh@gmail.com

Abstract. In the modern Iran the problem of wearing hijab is still acute. The secular opposition seeks its cancellation appealing to the past of their country. Therefore the goal of the research is to analyse the experience of cancellation of wearing hijab under Reza-shah in 1935–1936. The research problem is to determine what reasons were behind such a radical measure and its consequences for the feminine part of the society. In the study the internal political circumstances, actions of the government, the monarch's attitude and reactions of the different population groups are described. The author comes to the conclusion that the ban on wearing hijab corresponded to the request of the progressive part of the society. The fact is recognized that such a measure caused hostility among traditional women however any organized protest did not take place. The scientific contribution is that an expert opinion is given to such an important social reform which had affected nearly a half of the Iranian society. The fact that the study is based on the sources and literature, the most part of which have been introduced into scientific circulation of Iranian studies in Russia for the first time also creates value.

Keywords: women's rights, de-veiling, emancipation of women

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 15.01.2025. Accepted: 17.07.2025.

For citation: Kavun SA. Reasons and consequences of the ban on wearing hijab in Iran during the rule of Reza-shah Pehlevi in 1935–1936. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):478–487. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-478-487> EDN: JTZOVO

Введение

Хиджаб как символ приверженности исламскому вероучению вплоть до наших дней остается своего рода водоразделом между сторонниками религиозно-национальной традиции в мусульманских странах и регионах и апологетами идей о пользе модернизации и глобализма. Наиболее остро проблема соблюдения хиджаба стоит в современном иранском обществе, время от времени прорываясь наружу в виде общественных протестов. Проблема хиджаба в Иране имеет глубокие исторические корни и поэтому требует к себе серьезного внимания. С применением универсальных научных и специальных исторических методов, как-то: метод актуализации, ретроспективный, типологический и хронологический, проанализированы уже имевшая место в истории Ирана попытка запрета хиджаба, факторы и причины, заставившие власти пойти на столь радикальный шаг, а также его последствия. Материалы исследования — персо- и англоязычная историография, юридические документы шахского правительства, а также ряд мемуаров.

История вопроса

Еще в правление Каджарской династии (1795–1925) вопрос о снятии хиджаба был впервые озвучен бабидскими проповедниками в середине XIX в. Об отмене хиджаба продолжили говорить иранские просветители второй половины XIX в. Мирза Фатали Ахундов, Мирза Ага-хан Кермани, а затем передовые журналисты и деятели Гилянской республики. Особенно актуализировались призывы отказаться от хиджаба во время Конституционной революции 1905–1911 гг., когда прозападно настроенная интеллигенция поверила в продолжение реформ, а иранские активистки и борцы за права женщин стали печатать в газетах статьи о необходимости дехиджабизации.

К мусульманскому духовенству обращались с просьбами легализовать дехиджабизацию, однако оно проявляло жесткость даже в адрес элиты. Здесь уместно вспомнить «кумский инцидент» 1927 г., когда старшая шахиня и мать наследника Тадж-оль-Молук Айромлу получила от аятоллы Мохаммада-Таги Бафки замечание по поводу ненадлежащего соблюдения хиджаба в мавзолее Фатимы-Масуме в городе Куме. Со слов самой шахини и обеих принцесс, муллы не пустили их в храм и заперли в одном из прилегающих помещений, после чего туда прибыл сам шах и лично принял участие в наказании аятоллы и его окружения [1. С. 68]. Факт жестокой расправы над ортодоксальным духовенством за его попытку сохранить традиционные требования к внешнему облику женщин подтверждает мнение исследователей, что лично Реза-шах был против хиджаба и даже оказывал защиту тем женщинам, которые решались следовать европейской моде [2. С. 85].

Духовенство продолжало сопротивляться и в идеологическом плане. Одним из первых осознал скорую отмену чадры аятолла Юсеф Наджафи-Джилани, издавший еще в 1928 г. книгу «Тумар-е эффат» («Свиток благочестия»), в которой доказывал необходимость соблюдению хиджаба. За свое сочинение аятолла Наджафи-Джилани попал в заключение, подвергся пыткам и в том же 1928 г. был отправлен в ссылку [3. Р. 245–246]. Трактаты аналогичной тематики приблизительно в тот же период писали и другие шиитские богословы: аятолла Хоссейн Араббаги-Ормуи — «Асас оль-иман» («Основа веры») и аятолла Мохаммад-Казем Ширази — «Аль-хиджаб» («Хиджаб»).

Хиджаб как угроза власти Реза-шаха

О намерении Резы-шаха провести дехиджабизацию было известно в правительственных кругах еще за несколько месяцев до официального снятия чадры. 4 июня 1935 г. шах распорядился, чтобы министры раз в неделю в клубе «Иран» устраивали вечера и являлись туда в сопровождении супруг без хиджаба, а также дал поручение министру просвещения запретить

ношение хиджаба в женских школах¹, т.е. о всеобщем запрете хиджаба на тот момент речь еще не шла.

Исследуя обстоятельства дехиджабизации, мы столкнулись с весьма дискуссионной темой о реакции общества на данную реформу.

Часть современных иранских историков приводит факты жесткого сопротивления отмене хиджаба. В качестве доказательства они приводят массовую демонстрацию в мекхедской мечети Гоухаршад 13 июля 1935 г., жестоко подавленную властями. Без ссылки на конкретный исторический источник утверждается, что в ходе подавления протеста было убито несколько тысяч женщин [4. С. 52]. В иранской официальной историографии трагедии в Гоухаршад придается пристальное внимание, а погибших считают защитниками хиджаба, поэтому в 2022 г. Высший совет культурной революции ИРИ даже объявил день расстрела демонстрации 13 июля 1935 г. (21 тира 1314 г.х.) в мечети Гоухаршад национальным Днем хиджаба и целомудрия.

Однако, если оценивать это событие строго научно, следует отметить, что его участники выступали за полгода до официального запрета хиджаба. К тому же в исторической литературе и источниках называются другие причины народного недовольства. К их числу относят ужесточение мер по соблюдению Закона о единообразии одежды и головных уборов для мужчин, а также арест оппозиционного аятоллы Хосейна Табатабаи-Куми². Несмотря на то, что Закон о единообразии одежды для мужчин был введен семью годами ранее (27 декабря 1928 г.), общество его активно отвергало, что подтверждается опубликованными документами. Имеется десяток донесений в столицу из провинций, датированных 1929–1935 гг., о массовом отказе мужчин облачаться в одинаковую одежду и головные уборы и предпринятых по этому поводу полицейских мерах, а также несколько десятков рапортов 1934–1936 гг. об аресте и ссылке оппозиционно настроенных представителей духовенства³. К тому же неизвестно, сколько женщин участвовало, какие требования они выдвигали и сколько было раненых и убитых. Лидер демонстрантов ходжат-оль-ислам Мохаммад-Таги Бохлуль-Ганади действительно имел определенное число сторонников и устроил с ними сидячую забастовку, но свидетели тех событий объясняют большое скопление людей в мечети Гоухаршад увеличением числа паломников в Мешхед в летнее время года и традицией располагаться на ночлег в самом храме из-за крайней бедности

¹ تهران: نشر ، 1364 [Воспоминания Садр-оль-Ашрафа] خاطرات صدرالاشراف [Садр, М.]. صدر، م. [Тегеран : Вахид, 1985]. 302. ص. [С. 302].

² قوه مقننه در دوره پهلوی // مرکز بررسی اسناد تاریخی [Законодательная власть в период Пехлеви // Центр изучения исторических документов]. URL: https://historydocuments.ir/?page=post&id=4222#_ftnref29 (дата обращения: 24.04.2024).

³ تغییر لباس و کشف حجاب به روایت اسناد [Изменение одежды и снятие чадры в зеркале документов] مرکز اسناد تاریخی وزارت اطلاعات، 1378 [Центр исторических документов Министерства информации, 1999]. 6–9. ص. [С. 6–9].

приезжих⁴. Историк Х. Фардуст приводит другой источник, в котором встречается двусмысленная фраза, что мятеж возник для «решения проблемы хиджаба», но из контекста становится ясно, что недовольство было вызвано введением единого стандарта одежды именно для мужчин [1. С. 68–69]. С учетом всех этих обстоятельств надо признать, что нет веских оснований предполагать, что протест в мечети Гоухаршад в июле 1935 г. вызван ограничениями на ношение хиджаба и являлся протестной акцией женской части общества.

Оформление отмены хиджаба

3 декабря 1935 г. Реза-шах поделился с премьер-министром Махмудом Джамом своими планами отменить хиджаб по примеру Турции, которую он посетил годом ранее. Реза-шах одобрил идею премьера объявить отмену хиджаба на церемонии вручения дипломов в педагогическом училище, а также поручил ему составить план действий по масштабной дехиджабизации. К слову, часть прозападных образованных женщин выступали активными сторонницами отмены хиджаба. Так, после возвращения шаха из Турции, с инициативой о дехиджабизации выступили иранские феминистки. При выходе Реза-шаха из здания парламента участницы женской организации «Джамият-е несван-е ватанхах-е Иран» («Общества патриоток Ирана») вручили ему петицию с просьбой освободить их от ношения исламского дресс-кода, на которую он ответил, что их просьба будет удовлетворена [5. С. 128–129].

Промедление в вопросе сохранения хиджаба предоставляло консервативным кругам свободу действия и могло быть чревато новыми беспорядками. Подтверждение этому можно найти в телеграфном донесении полицейского ведомства города Керман от 7 декабря 1935 г., в котором сообщалось, что в мечети Молюк 3 декабря прямо во время проповеди муллы Мохаммада Йезди некий прихожанин Сафар Кашипаз стал критиковать практику отказа от чадры. Его поддержал сам проповедник, за что оба были арестованы полицией, а позднее отправлены в ссылку⁵. Казалось бы, незначительное происшествие на самом деле свидетельствует о многом, тем более если принимать во внимание приписку самого шаха с критикой по поводу запоздалости сообщения об инциденте. Во-первых, из донесения

تهران: وحید، 1364 [Воспоминания Садр-оль-Ашрафа] خاطرات صدرالاشراف [Садр, М.] صدر، م. [Тегеран: Вахид, 1985]. 303–304. ص. [С. 303–304].

صفر نام کاشی پیز در مقابل جمعیت بلند شده راجع به کشف حجاب مطالبی ایراد و زنها را دعوت به مخالفت می نماید // تغییر 5 [Выступление Сафара Кашипаса о снятии чадры и его призыв к женскому протесту // Изменение одежды и снятие чадры в зеркале документов]. URL: https://historydocuments.org/sanad/?page=show_document&id=9ir88ye42zg (дата обращения: 26.12.2024).

можно сделать вывод, что даже в Кермане, расположенном почти в 1000 км к юго-востоку от столицы, фактически дехиджабизация уже проходила снизу, во-вторых, она вызывала такое недовольство в религиозных кругах, что ее критики даже прерывали проповедь в мечети, в-третьих, приписка шаха свидетельствует о том, что настроения консерваторов могли таить новые угрозы. Однако важно то обстоятельство, что юридически отмена и запрет хиджаба осуществились без санкции парламента, а это, конечно, аргумент в пользу точки зрения о незаконности данного решения. Дело в том, что, согласно статьям 15–17 Конституции 1906 г. все законопроекты в стране должны были инициироваться меджлисом и только потом получать утверждение шаха⁶.

Поручив 3 декабря 1935 г. премьер-министру составить проект по дехиджабизации, спустя несколько дней шах распорядился подготовить соответствующий указ уже на совещании правительства [6. С. 263], поэтому вполне возможно, что донесения о защитниках хиджаба из провинций здесь сыграли свою роль. Опубликована редакция этого тайного циркуляра от 16 декабря 1935 г., которая Министерством просвещения была разослана по всем провинциям страны. На местах основная ответственность возлагалась на глав образовательных ведомств, которым предписывалось осуществлять следующие меры: 1) открывать смешанные детские сады и школы и постепенно передавать руководство ими женщинам; 2) ввести единую безхиджабную школьную форму для учениц начальных и средних школ, которую им следует носить на занятиях, в общественных местах и даже дома; 3) организовывать школьные конференции на экономические, медицинские и прочие научные темы с приглашением видных дам в сопровождении супругов; 4) проводить разъяснительную работу на тему того, что новая манера одеваться соответствует иранским и мусульманским традициям, существовавшим еще в древности; 5) устраивать неофициальные светские рауты с участием знатных дам без хиджаба. Для большей дискредитации ношения хиджаба предусматривалась специальная уловка: «Особо следует стараться не пускать в общество порядочных дам женщин дурной репутации и не позволять им надевать [европейскую] одежду» [7. С. 268–270].

Сам Реза-шах 8 января 1936 г. (17 дея 1314 г.х.) в присутствии одетых по европейской моде супруги, двух дочерей и жен членов правительства выступил перед выпускницами и педагогическим составом Тегеранского педагогического училища и объявил об отмене хиджаба в целях прогресса страны и активного участия в нем женской общественности. День 17 дея по солнечной хиджре отныне провозглашался Днем свободы женщины.

⁶ Конституция Ирана 1906 // Мастерская конституционного дизайна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=738> (дата обращения: 08.07.2025).

Последствия запрета хиджаба

9 января 1936 г. хиджаб оказался под запретом в государственных и учебных заведениях, офицеры не имели права появляться в сопровождении одетых в хиджаб женщин. Согласно директивам министерства внутренних дел, полицейские не пускали женщин в чадре в транспорт, на базар, в общественные бани, мечети, кинотеатры, рестораны, а на перекрестках дорог за соблюдением нового закона следили постовые [7. С. 149]. Полицейские срывали чадру и головные платки, оскорбляли, избивали и преследовали женщин, врываются в дома, производили там обыск, конфисковывали или уничтожали обнаруженную чадру⁷. Хиджабниц арестовывали, наказывали, облагали штрафами, что вызвало новую волну затворничества среди верующих мусульманок. Пострадало женское образование, потому что многие родители забрали дочерей из школ, где хиджаб тоже оказался под запретом. Снятие чадры даже отразилось на ковроткачестве, потому что работницы, не желавшие отказываться от хиджаба, перестали приходить на мануфактуры, поэтому их владельцы организовали им «удаленку», сократив при этом оплату труда [8. С. 10], что, кстати, еще больше мотивировало женщин среднего достатка уже ради экономической выгоды подчиниться реформе. Наконец, внес свою лепту и парламент, одоббивший выделение финансовой помощи бедным женщинам на покупку европейской одежды на сумму 25 тыс. фунтов [9. С. 123].

Жесткий курс дехиджабизации продолжался вплоть до 1941 г., когда запрет на чадру был фактический отменен без принятия какого-либо законодательного акта, если не считать фетвы религиозных лидеров, которые, скорее всего, были составлены на основе упомянутых выше богословских трактатов о соблюдении хиджаба. В то же время мнения некоторых современных иранских историков о негативных последствиях отмены хиджаба Реза-шахом весьма дискуссионны. Например, суждение о том, что отказ от хиджаба нанес экономический ущерб стране из-за снижения спроса на национальные изделия текстильной промышленности, увеличил импорт и вообще затронул только высшие слои общества [8. С. 89], может быть опровергнуто тезисом: любое новшество требует отказа от прежних практик, однако новые запросы общества неминуемо стимулируют новые предложения и, следовательно, открывают уникальные возможности для национальной экономики, а любые реформы «сверху» всегда начинаются с привилегированных слоев и только спустя несколько лет или даже десятилетий распространяются на все общество. Еще больше возражений вызывает тезис о том, что отказ от хиджаба не только эмансипировал иранских женщин, но и в качестве элемента западной культуры привел к деградации их морального-нравственного облика

تهران: وحید، 1364 [Воспоминания Садр-оль-Ашрафа] خاطرات صدرالاشراف [Садр М.] صدر، م.⁷ [Тегеран: Вахид, 1985]. 305 ص. [С. 305].

и ослаблению семейных ценностей вследствие получения экономической независимости [8. С. 216]. Наиболее близкой к истине нам кажется концепция тех исследователей, которые отмечают, что данная мера встретила огромную поддержку среди аристократии и нового среднего класса, которые уже были затронуты модернизацией и связывали с ней дальнейшее развитие своей страны [10. С. 157]. Конечно, снятие чадры раскололо иранское женское общество на поддерживавшее реформу образованное на западный манер меньшинство и традиционное культурно-религиозное большинство, которое оказалось вне привычной социальной системы координат и вынуждено было приспособливаться к новым правилам общежития, разрушая при этом сложившиеся нормы по большей части внутригендерного взаимодействия. Вместе с тем кажутся чрезмерно пессимистичным мнения тех исследователей, которые считают, что дехиджабизация способствовала еще большей изолированности женщин, потому как они стали больше опираться на посредничество и помощь своих родственников по мужской линии [8. С. 15]. Неумолимая волна модернизации и социальной инженерии, инициируемая самой властью, заставляла даже женщин с укоренившейся привычкой ношения хиджаба отказываться от данной практики, чтобы не становиться обузой для своей семьи.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что к моменту запрета хиджаба в Иране в 1935–1936 гг. этот вопрос уже чуть менее века бурно обсуждался в стране в самых передовых интеллектуальных кругах, поэтому интеллигенция давно была готова к данной перспективе. Духовенство, однако, продолжало настаивать на соблюдении многовековой традиции, тем самым бросая вызов власти нового шаха. У самого Реза-шаха образ хиджаба не только стал ассоциироваться с попытками бросить вызов его власти, но и олицетворять консервативность, мешавшую развитию страны по пути европейской модернизации, поэтому запрет хиджаба, как видно из ряда приведенных распоряжений и предписаний, следует считать личной заслугой самого монарха, решившего нанести окончательный удар по своей скрытой и явной оппозиции. На тот момент, правда, шаха поддерживали наиболее западноориентированные слои иранской общественности, но мнения части современных историков о якобы имевшем месте народном протесте пока не подкреплены в достаточной степени фактами. Конечно, как и любая кардинальная мера, принятая волюнтаристски в интересах ограниченного круга лиц, запрет хиджаба стал настоящей драмой для многих иранских женщин. Возможно даже, что принуждение в этом вопросе оставило свой негативный отпечаток на имидже реформаторов, которые в тот исторический период и в последующем пытались

изменить к лучшему жизнь в стране. Скорее всего, предоставление права самим женщинам решать вопрос о ношении хиджаба не вызвал бы такого раскола в обществе, однако жесткая позиция авторитарного лидера не допускала никакого плюрализма даже в вопросе внешнего вида как мужчин, так и женщин.

Список литературы

1. ظهور و سقوط سلطنت پهلوی [Появление и падение монархии Пехлеви] [Фардуст Х.] تهران: اطلاعات, 1370 [Тегеран : Эттелаат, 1991]. 671 с.
2. Sedghi H. *Women and politics in Iran*. New York: Cambridge university press, 2007. P. 341.
3. آیت الله شیخ یوسف نجفی جیلانی و مقابله با کشف حجاب رضاخان [Аятолла шейх Юсеф Наджафи-Джилани и его сопротивление отмене чадры Реза-ханом] // [استادملک ف.] [Остадмалек Ф.] [Хиджаб и отмена хиджаба в Иране] 1367 [Тегеран: Атаи, 1988]. 186 с.
4. تاریخ معاصر ایران [Социально-политическая роль женщин в современной истории Ирана] 1386 [Кум : Замзам-е хедаят, 2007]. 170 с.
5. [شیرودی م.] [Шируди М.] [Хиджаб и отмена хиджаба в Иране] 1367 [Тегеран: Атаи, 1988]. 186 с.
6. [مکی ح.] [Макки Х.] [Двадцатилетняя история Ирана] 1362 [Тегеран : Фараин, 1983] 528 с.
7. [ساللاخ م.] [Саллах М.] [Снятие чадры, основания, последствия и реакции] 1384 [Тегеран : Центр политических исследований, 2005] 427 с.
8. Hoofar H. The veil in their minds and on our heads: the persistence of colonial images of Muslim women // *Resources for Feminist Research Journal*. 1992. Vol. 22. № 3/4. P. 5–18. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-449889261/the-veil-in-their-minds-and-on-our-heads-the-persistence> (дата обращения: 12.01.2025).
9. Elwell-Sutton L.P. *Modern Iran*. London : George Routledge & sons, 1942. 541 p.
10. Afary J. *Sexual Politics in Modern Iran*. Cambridge : University printing house, 2011. 423 p.

References

1. Fardust H. *Zohur va soqut-e saltanat-e Pahlavi* [The rise and fall of Pahlavi Dynasty]. Vol. 1. Tehran: Ettelaat; 1991. (In Persian).
2. Sedghi H. *Women and politics in Iran*. New York: Cambridge university press; 2007.
3. Abdollahi M. Āyatollah šeyx Yusef Najafi Jilāni va moqābele bā kašf-e hejāb-e Rezāxān [Ayatollah sheykh Yusef Najafi Jilani and struggle with abolition of the hijab under Reza-khan]. *Pānzdah-e xordād 1396 šomāre-ye* 54 P. 225–264. (In Persian).
4. Shirudi M. *Naqš-e siyāsi-ye ejtemāyi-ye zanān dar tārix-e moāsser-e Irān* [Political and social role of women in modern history of Iran]. Qom: Zamzam-e hedayat; 2007. (In Persian).
5. Ostadmalek F. *Hejāb va kašf-e hejāb dar Irān* [Hijab and hijab ban in Iran]. Tehran: Ataye, 1988. (In Persian).
6. Makki H. *Tārix-e bistsāle-ye Irān* [Twenty year history of Iran]. Vol. 6. Tehran: Farain; 1983. (In Persian).
7. Sallah M. *Kašf-e hejāb, zamine-hā, peyāmad-hā va vākoneš-hā* [Hijab ban, reasons, cosequences and reactiona]. Tehran: Political sciences center; 2005. (In Persian).
8. Hoofar H. The veil in their minds and on our heads: the persistence of colonial images of Muslim women. *Resources for Feminist Research Journal*. 1992;22(3/4):5–18. Available

from: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-449889261/the-veil-in-their-minds-and-on-our-heads-the-persistence> (Accessed: 12.01.2025).

9. Elwell-Sutton LP. *Modern Iran*. London: George Routledge & sons; 1942.

10. Afary J. *Sexual Politics in Modern Iran*. Cambridge: University printing house; 2011.

Информация об авторе:

Кавун Светлана Александровна — соискатель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: svetlana.sepideh@gmail.com ORCID: 0009-0000-6601-5000. SPIN-код: 4979-7179.

Information about the author:

Svetlana A. Kavun — applicant of the CAUcasian, Central Asian and Volga-Ural Studies, Institute of Oriental Studies, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: svetlana.sepideh@gmail.com ORCID: 0009-0000-6601-5000. SPIN-code: 4979-7179.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА POLITICAL HISTORY OF THE EAST AND THE WEST

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-488-499

EDN: JROMLW

Научная статья / Research article

Великие державы и англо-бурская война 1899–1902 гг.: причины невмешательства

Б.М. Горелик

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

✉ boris.gorelik@inafr.ru

Аннотация. Англо-бурская война 1899–1902 гг. вызвала повышенный интерес международной общественности, подогреваемый новостями о негуманном обращении оккупантов с гражданским населением Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства. Однако, несмотря на наличие инструментов миротворчества, таких как добрые услуги и посредничество, предусмотренных Гаагской конвенцией 1899 г., и симпатии общественности к бурам, правительства великих держав соблюдали нейтралитет. Целью исследования — выявить факторы, повлиявшие на позиции первостепенных держав, чтобы определить, почему Германия, Франция, Россия и США не смогли действовать сообща для урегулирования этого конфликта. Благожелательный нейтралитет США стал результатом их политического сближения с Великобританией, подкрепленного значительным экспортом военных материалов и предоставлением кредитов британскому правительству. Политика Германии была продиктована соперничеством с Лондоном, с одной стороны, и противостоянием русско-французскому союзу, с другой, а германский нейтралитет был платой за уступки Великобритании в колониальных вопросах. Во Франции, несмотря на антибританские настроения после Фашодского инцидента, возобладал прагматичный курс на сближение с Лондоном в противовес Германии. В России прагматические соображения (нежелание осложнять отношения с Великобританией) взяли верх над симпатиями общества к бурам. Проведенное исследование показало, что взаимные противоречия и опасения военно-морского превосходства Великобритании помешали скоординировать усилия первостепенных держав. Вместо этого Германия, Россия, США и Франция использовали отвлечение сил Великобритании на юге Африки ради достижения своих геополитических целей в других регионах.

© Горелик Б.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: внешняя политика великих держав, колониализм, империализм, Южная Африка, Великобритания, США, Россия, Франция, Германия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 09.04.2025; принята к публикации 22.07.2025.

Для цитирования: Горелик Б.М. Великие державы и англо-бурская война 1899–1902 гг.: причины невмешательства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 488–499. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-488-499> EDN: JROMLW

The great powers and the Anglo-Boer War of 1899–1902: reasons for non-intervention

Boris M. Gorelik

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ boris.gorelik@inafr.ru

Abstract. The Anglo-Boer War of 1899–1902 aroused heightened interest among the international community, fuelled by reports of the occupiers' inhumane treatment of the civilian population of the South African Republic and the Orange Free State. However, despite the availability of peacekeeping instruments such as good offices and mediation provided for in the Hague Convention of 1899, and widespread sympathy for the Boers, the governments of the great powers remained neutral. The purpose of this study was to identify the factors that influenced the positions of the major powers in order to determine why Germany, France, Russia and the United States were unable to work in concert to resolve this conflict. The benevolent neutrality of the United States was the result of its political rapprochement with Great Britain, reinforced by significant exports of military materials and the provision of loans to the British government. Germany's policy was dictated by its rivalry with London on the one hand and its opposition to the Russian-French alliance on the other, while German neutrality was the price paid for concessions to Great Britain on colonial issues. In France, despite anti-British sentiment after the Fashoda Incident, a pragmatic course of rapprochement with London prevailed in opposition to Germany. In Russia, pragmatic considerations (unwillingness to complicate relations with Great Britain) prevailed over public sympathy for the Boers. The study shows that mutual differences and fears of British naval superiority prevented the major powers from coordinating their efforts. Instead, Germany, Russia, the United States and France used Britain's distraction in southern Africa to achieve their own geopolitical goals in other regions.

Keywords: foreign policy of the great powers, colonialism, imperialism, South Africa, Great Britain, United States, Russia, France, Germany

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 09.04.2025. Accepted: 22.07.2025.

For citation: Gorelik BM. The great powers and the Anglo-Boer War of 1899–1902: reasons for non-intervention. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):488–499. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-488-499> EDN: JROMLW

Введение

В 1899 г. на юге Африки разразилась вторая англо-бурская война. В отличие от первой англо-бурской войны (1880–1881), оставшейся конфликтом регионального значения, на этот раз противостояние Британской империи и Южно-Африканской Республики в союзе с Оранжевым Свободным Государством вызвало у международной общественности повышенный интерес [1. С. 83]. Благодаря телеграфу новости о южноафриканских событиях быстро распространялись по миру. Общественные деятели и «рядовые» граждане возмущались тем, что Великобритания вознамерилась подчинить себе далекие республики на юге Африки и британская армия прибегает к тактике «выжженной земли» и массовому интернированию гражданского населения. Во многих странах начались кампании по сбору средств в помощь раненым защитникам бурских республик, а также добровольческое движение. Политические объединения и партии различных направлений рассматривали сопротивление бурских вооруженных формирований как выдающийся пример антиимпериалистической борьбы [2. С. 11–13].

При этом правительства великих держав, так же как во время первой англо-бурской войны, соблюдали нейтралитет, не оказывая республикам не только военной, но и политической поддержки. К этому времени почти вся Африка была разделена между европейскими державами; независимость сохраняли лишь Либерия, Эфиопия и две бурских республики — Южно-Африканская Республика (Трансвааль) и Оранжевое Свободное Государство. Поэтому южноафриканская война 1899–1902 гг. рассматривается в контексте империалистического передела континента. Понятно нежелание конкурентов Великобритании вступать с ней в войну за независимость бурских республик. В то время среди великих держав она вела самую активную колониальную политику, стремясь, в частности, соединить свои владения от Египта до южной оконечности континента. Главным инструментом британской экспансии служил мощный военно-морской флот, поддерживаемый самыми высокими в мире военными расходами на душу населения [3. С. 63].

Великобритания была опасным соперником других колониальных держав. Но в их распоряжении уже имелись инструменты миротворчества, не требующие использования военной силы. На Гаагской конференции 1899 г. была подписана конвенция «О мирном разрешении международных споров», нейтральные государства получили право предложить воюющим государствам добрые услуги (инициирование прямых двусторонних переговоров) или посредничество (активное участие в переговорах). Согласно конвенции, противоборствующие стороны не имели оснований рассматривать такое предложение как недружественный акт [4. С. 19]. Англо-бурская война, разразившаяся всего через 2,5 месяца после завершения конференции в Гааге, давала возможность впервые применить ее постановления на практике.

Почему же США и ведущие европейские державы не объединили усилия, чтобы побудить Великобританию прекратить боевые действия и заключить почетный мир с бурскими республиками?

США

Американский благожелательный нейтралитет во время англо-бурской войны стал результатом сближения с Великобританией, начавшегося в предыдущие годы [5. Р. 107–108]. Признаки сближения проявились во время испано-американской войны 1898 г., когда Великобритания, в отличие от континентальных европейских держав, не поддержала Испанию. Британское правительство было настроено укреплять политические отношения с Соединенными Штатами как империалистической державой, участвующей в борьбе за глобальное влияние.

Еще раньше, в 1896 г., Великобритания приняла требование США об арбитраже в споре о границе между Венесуэлой и Британской Гайаной, что американцы также расценили как проявление доброй воли. В 1899 г. Соединенные Штаты и Великобритания действовали сообща на переговорах с Германией по Самоа, а также на Гаагской конференции при разработке положений о международном арбитражном суде.

Политико-экономические интересы США на юге Африки не были существенными, поэтому в 1899–1902 гг. американское правительство продолжило курс на сближение с Великобританией. В начале южноафриканской войны Соединенные Штаты предложили Великобритании представлять ее интересы в бурских республиках. Великобритания поощряла англофильскую политику президента У. Мак-Кинли, охотно содействуя устранению разногласий по поводу строительства Панамского канала и согласованию границы между Аляской и Британской Колумбией. Идеологи этого курса — госсекретарь Дж. Хей, а позднее — Т. Рузвельт, ставший президентом в 1901 г., — полагали, что победа Великобритании, аннексия бурских республик и их вхождение в единое англоязычное государство соответствуют интересам США. В годы англо-бурской войны экспорт из Соединенных Штатов в Великобританию заметно увеличился. Из США британская армия получала боеприпасы, провиант и десятки тысяч лошадей. Американские кредиты обеспечили около 20 % финансирования британской военной кампании [5. С. 112].

Британское правительство высоко оценило благожелательный нейтралитет США во время южноафриканской войны. Администрации Мак-Кинли и Рузвельта придерживались его несмотря на пробурские настроения американской общественности, прессы и конгрессменов. По сообщению российского посла в Вашингтоне А.П. Кассини, Хей заявил представителю Трансвааля в январе 1900 г., что вмешательство в англо-бурский конфликт, включая посредничество, невозможно, поскольку

не соответствует американским политическим традициям. «Я полагаю, однако, — заметил Кассини в своем донесении, — что, если бы предложение исходило от Англии, что в настоящее время маловероятно, Соединенные Штаты согласились бы без колебания»¹.

Победа Мак-Кинли на президентских выборах 1900 г. показала, что судьба бурских республик волновала американских избирателей все же меньше, чем состояние экономики США и продолжавшийся филиппино-американский вооруженный конфликт [5. С. 117]. В годы южноафриканской войны зарождавшаяся американо-британская дружба прошла проверку на прочность. При преемнике Мак-Кинли, Т. Рузвельте, «особые отношения» с Великобританией стали основой американской внешней политики.

Германия

Попытки европейских держав организовать коллективное посредничество в англо-бурской войне неизменно наталкивались на сопротивление Германии. Без участия самой мощной в индустриальном и военном отношении континентальной державы такая инициатива была обречена. Внешняя политика Германской империи под руководством кайзера Вильгельма II определялась сложным балансированием между соперничеством с Великобританией и противостоянием русско-французскому союзу.

С 1890-х гг. Германия проводила активную политику мировой экспансии, стремясь утвердиться в качестве мировой державы. Это сопровождалось наращиванием военной мощи, особенно военно-морского флота, и дипломатическими маневрами для использования противоречий между своими вероятными противниками. Германия стремилась подталкивать Великобританию и русско-французский союз к конфликтам на других континентах, извлекая выгоду из их затруднений [6. С. 63].

Первоначально Германия демонстрировала симпатии к бурским республикам. В знаменитой телеграмме трансваальскому президенту П. Крюгеру в 1896 г. после «набега Джемсона» (инспирированной премьер-министром Капской колонии попытки государственного переворота в Южно-Африканской Республике) кайзер намекнул на возможное германское вмешательство в случае британской агрессии. Берлин даже вынашивал идею нейтрализации Южно-Африканской Республики под гарантии европейских держав. Однако это пробурское направление оказалась недолговечным. Германия не желала серьезного обострения отношений с Великобританией и вскоре перешла к тактическому сотрудничеству с ней. Идеолог германской внешней политики барон Ф.А. фон Гольштейн убедил кайзера, что

¹ Телеграмма А.П. Кассини М.Н. Муравьеву, 12 (24) января 1900 г. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 38.

целесообразнее смириться с британскими претензиями на Трансвааль в обмен на колониальные уступки в других регионах [7. С. 28].

В свою очередь, британское правительство, осознавая пределы своей политики «блестящей изоляции», рассматривало возможность сближения с Германией и Тройственным союзом. Результатом стало англо-германское соглашение 1898 г., согласно которому Германия фактически признавала, что Трансвааль и стратегически важная бухта Делагоа в Португальском Мозамбике относятся к сфере британских интересов. Курс на дистанцирование от англо-бурского конфликта был подтвержден визитом Вильгельма II и статс-секретаря по иностранным делам Бюлова в Великобританию в ноябре 1899 г. В том же месяце был урегулирован спор из-за архипелага Самоа, и Германия получила острова в Тихом океане в обмен на отказ Великобритании от претензий на них — по сути, компенсацию за германский нейтралитет в южноафриканском вопросе.

Этот нейтралитет, однако, не отражал личных симпатий германского руководства, которое, вероятно, продолжало сочувствовать бурам [8. С. 48–49]. Но прагматические соображения перевесили. С политической точки зрения, поддержка сильнейшей стороны выглядела целесообразной. С экономической — германский капитал находил более перспективные рынки вне Южной Африки, а предприниматели в Трансваале надеялись на улучшение условий для своей деятельности и рост импорта из Германии после установления британского правления [9. С. 102].

Главным же фактором, определявшим сдержанность Германии, был страх перед британским военно-морским превосходством и уязвимостью германских колоний в Африке. Кайзер Вильгельм II в письме Бюлову 29 октября 1899 г. откровенно писал: «Если бы сейчас англичанам хотя бы как-то помешали в их делах, они тут же легким движением локтя сбросили бы всех нас, сидящих на краю Африки, прямо в море, и мы не смогли бы ничего поделать с этим» [10. S. 408]. Бюлов приводил тот же аргумент в беседах с российским послом и трансваальским посланником [11. С. 24]². Германия демонстрировала лояльность Лондону, желая «успеха британскому оружию» и пытаясь сдерживать антибританскую кампанию в прессе (см. донесения сэра Ф. Ласеллса, британского посла в Германии, премьер-министру лорду Солсбери, 20 декабря 1899 г. и 2 марта 1900 г. [12. Р. 243–244, 253]). Ценой этого нейтралитета стали не только острова Самоа, но и согласие Великобритании на реализацию важного для Германии проекта Багдадской железной дороги.

В то же время Германия не отказывалась от своих долгосрочных планов экспансии. В 1900 г. был принят новый закон о флоте, ускорявший гонку морских вооружений с Великобританией. Германское правительство продолжало играть

² Телеграмма Н.Д. Остен-Сакена, 31 декабря 1899 г. (12 января 1900 г.). АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1899 г. Д. 16. Л. 109–109 об, 112.

на противоречиях Великобритании с русско-французским союзом, стремясь оставаться нужным обеим сторонам и получать дальнейшие уступки. Германский посол в Лондоне в ноябре 1899 г. так сформулировал эту тактику в письме Гольштейну: «У меня нет опасений, что мы можем оказаться между двух стульев, так как, что бы ни произошло, мы будем нужны обеим сторонам» [10. S. 411].

Однако эта двойственная политика вызвала растущее недоверие в Лондоне. К 1900 г. британское правительство стало сомневаться в возможности реального сближения с Германией, которая уклонялась от принятия на себя союзнических обязательств, но укрепляла флот, угрожавший британскому господству на море. Нейтралитет Германии в южноафриканской войне стал восприниматься как циничный оппортунизм, использование трудностей Великобритании в своих целях [7. P. 34–35, 37–38]. К концу англо-бурской войны геополитические амбиции и военно-морская программа Германии вызывали больше опасений, чем разногласия с Францией и Россией. Результатом стало изменение внешнеполитического курса Великобритании при короле Эдуарде VII: заключение соглашений с Францией (1904) и Россией (1907) и формирование Антанты — блок, противостоящий Тройственному союзу. Тактическое преимущество, полученное Германией благодаря доброжелательному нейтралитету в англо-бурской войне, обернулось для нее стратегическим проигрышем.

Франция

Заклучив в 1894 г. военный союз с Россией, французское правительство почувствовало себя увереннее в противостоянии с Германией и активизировало колониальную экспансию, что привело к усилению соперничества с Великобританией, особенно в Африке. Франция стремилась расширить свои владения от Западной Африки на восток, в то время как Великобритания, контролируя Египет и Суэцкий канал, продвигалась на юг. Кульминацией этого противостояния стал Фашодский инцидент 1898 г. Это событие, воспринятое во Франции как национальное унижение, подогрело антибританские настроения, которые достигли апогея с началом англо-бурской войны [13. С. 251].

Несмотря на давление националистов, требовавших реванша за Фашоду и вмешательства в южноафриканский конфликт, министр иностранных дел Теофиль Делькассе придерживался иного курса. Он был убежден, что интересы Франции требуют постепенного сближения с Великобританией. При этом он не отказывался от укрепления союза с Россией. Фашодский инцидент показал ограниченность этого альянса, поэтому по инициативе Делькассе в 1899–1900 гг. обязательства союзников были уточнены. Теперь союзники готовы были вместе противостоять не только Германии, но и Великобритании, особенно в случае ее присоединения к Тройственному союзу [6. С. 61–62].

Делькассе скептически относился к возможности сближения с Германией. Предложения Берлина о взаимопонимании, звучавшие в начале

англо-бурской войны, воспринимались в Париже с недоверием. Нерешенным оставался вопрос об Эльзасе и Лотарингии, от претензий на которые Франция не отказывалась. Французский МИД подозревал, что Германия пытается использовать англо-французские и англо-русские противоречия для получения уступок, а ее намеки на сближение могут быть провокацией с целью дискредитировать Францию в глазах Лондона.

Хотя симпатии Делькассе и французского общества были на стороне буров, внешняя политика Франции в годы войны оставалась прагматичной. Экономические связи с Великобританией, особенно в финансовой сфере (привлекательность лондонского Сити для французского капитала), сохраняли значение. Колониальных авантюр, способных осложнить отношения с Лондоном, Делькассе избегал, его долгосрочной целью было создание противовеса Германии путем сближения Великобритании с русско-французским союзом. В мае 1900 г. Делькассе заявил российскому послу в Париже, что союз с Англией желателен, «так как Англия закрыла бы моря для германского флота» [Цит. по: 14. С. 150].

По мере того как совместный с Германией демарш в пользу буров становился все менее вероятным, Делькассе проявлял все большую склонность избегать конфронтации с Великобританией. Франция фактически смирилась с британским преобладанием в Египте, рассчитывая получить взамен свободу действий в Марокко. В годы войны проходили англо-французские переговоры по урегулированию колониальных вопросов, например, о расширении французской концессии в Шанхае и освоении Гуанчжоуяня в Китае³.

Важную роль играли и внутривнутриполитические факторы. Франция еще не оправилась от скандала, вызванного делом Дрейфуса. Правительство стремилось к стабильности и гражданскому миру в преддверии Всемирной выставки 1900 г. в Париже. Выступая в парламенте в декабре 1899 г., Делькассе, ссылаясь на формальные причины, заявил об отсутствии оснований для предложения посредничества сторонам южноафриканского конфликта. Однако, соблюдая нейтралитет на государственном уровне, французское правительство не препятствовало французским оборонным предприятиям поставлять вооружения и отправлять консультантов в бурские республики [14. С. 148].

Россия

На рубеже XIX–XX вв. интересы России и Великобритании сталкивались, прежде всего, в Центральной и Западной Азии, на Дальнем Востоке и на Балканах. Россия не участвовала в колониальном разделе Африки. На юге этого континента политическое и экономическое присутствие России

³ Всеподданнейшая записка М.Н. Муравьева, 25 января (6 февраля) 1900 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 191/187. Л. 4 об.

было минимальным. Тем не менее, российское правительство понимало, что временное ослабление Великобритании во время южноафриканской войны давало возможность усилить позиции России в Азии. Кроме того, после Гаагской мирной конференции 1899 г. от России, как ее инициатора, ожидали моральной поддержки мира, особенно учитывая широкие симпатии российского общества к бурам.

Однако прагматические соображения взяли верх. Российские дипломаты осознавали опасность прямой конфронтации с могущественной Великобританией из-за далекого южноафриканского конфликта. Посол в Лондоне Е.Е. Стааль еще в ноябре 1899 г. предупреждал, что симпатии к бурам должны уступать национальным интересам, а перенос конфликта в Европу «может положить начало самым грозным осложнениям» [15. Р. 426–427]. Его коллега в Париже Л.П. Урусов считал идею вмешательства «донкихотской политикой», учитывая подавляющее превосходство британского флота⁴.

Решающим фактором, определившим политику невмешательства, стала внутренняя слабость самой России. Несмотря на огромную территорию и армию, страна серьезно отставала в промышленном и финансовом отношении. Нарастало социальное напряжение, вызванное забастовками, крестьянскими волнениями и общим тяжелым положением населения (по оценке министра финансов С.Ю. Витте, около 90 из 130 млн жителей были «нищими»)⁵. Главным приоритетом правительства была внутренняя модернизация и дорогостоящая экспансия в Азии, прежде всего в Китае и Центральной Азии. Огромные ресурсы поглощало строительство портов и стратегически важных железных дорог. Витте подчеркивал, что «все эти важные, но крайне дорогие предприятия <...> лежат и будут ложиться немалым бременем на русском народе»⁶.

Витте активно прибегал к внешним займам, в основном французским, и осознавал важность доступа к финансовым рынкам Лондона, что делало конфликт с Великобританией крайне нежелательным [16. С. 94]. Начавшийся в 1900 г. экономический кризис усугубил ситуацию. Россия не могла позволить себе воевать с первой морской державой мира.

Не было возможностей и для невоенного вмешательства. Неоднократные попытки России в ноябре 1899 — марте 1900 г. организовать миротворческий демарш совместно с Францией и Германией провалились из-за позиции германского правительства. Кроме того, Великобритания настаивала,

⁴ Донесение В.В. Муравьева-Амурского, 23 ноября (6 декабря) 1900 г. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 66. Л. 109–109 об.

⁵ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись от 26 декабря 1897 г. (7 января 1898 г.). Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 12.

⁶ Письмо С.Ю. Витте М.Н. Муравьеву, 10 (22) февраля 1900 г. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 191/187. Л. 17 об.–18.

что южноафриканская война — внутреннее дело ее империи и категорически отвергала международное посредничество. Строгий нейтралитет позволял российскому правительству избегать осложнений в отношениях с Великобританией. Как заметил Стааль осенью 1899 г.: «К счастью для нас, мы не имеем непосредственных интересов на юге Африки. Поэтому мы можем спокойно и беспристрастно наблюдать как за ближайшими событиями, которые там произойдут, так и за колониальными или политическими преобразованиями, которые последуют за ними» [15. С. 422].

В Петербурге надеялись использовать британские затруднения на юге Африки для укрепления российских позиций в Азии. Наибольших успехов удалось добиться в Персии (займы 1900 и 1902 гг., торговый договор 1901 г.) [17. С. 125].

Заключение

Захват Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства стал в 1899 г. принципиальным вопросом для британского правительства. Ради этой цели Великобритания была готова на большие жертвы. В то же время другие ведущие державы не имели прямых территориальных интересов в зоне англо-бурского конфликта. Они опасались военной и экономической мощи Великобритании, особенно ее флота, который мог легко пресечь попытку переброски их войск в Южную Африку. Рисковать войной с Лондоном ради суверенитета далеких республик казалось нецелесообразным.

Невоенное вмешательство, продиктованное гуманитарными соображениями и предусмотренное Гаагской конвенцией, тоже оказалось неосуществимым. Державы не решались на совместный дипломатический демарш для примирения сторон южноафриканского конфликта, опасаясь негативной реакции Лондона и будучи не в силах преодолеть собственные разногласия. Великобритания, со своей стороны, ясно давала понять, что отвергает любое международное посредничество. Поэтому Германия, Россия, США и Франция сосредоточились на том, чтобы использовать отвлечение сил Великобритании в Южной Африке для достижения своих геополитических целей. Все это помешало скоординировать усилия нейтральных держав для урегулирования вооруженного конфликта на юге Африки.

Список литературы

1. Lowry D. “The play of forces world-wide in their scope and revolutionary in their operation [J.A. Hobson]”: The South African war as an international event // South African Historical Journal. 1999. Vol. 41. No. 1. P. 83–105. <https://doi.org/10.1080/02582479908671886>
2. Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования : коллективная монография. М. : Институт Африки РАН, 2023. 372 с. EDN: WDNBUQ

3. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (Движущие силы, формы и методы). М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 188 с.
4. Мартенс Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. № 3. С. 6–24.
5. Tilchin W.N. The United States and the Boer War // *The International Impact of the Boer War* / ed. by K. Wilson. Abingdon : Routledge, 2014. P. 107–122. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.009>
6. Игнатъев А.В. Внешняя политика России в конце XIX — начале XX века (Россия перед вызовами новой эпохи). М. : ГЕОС, 2011. 220 с. EDN: PYIPMP
7. Kröger M. Imperial Germany and the Boer war: from colonial fantasies to the reality of Anglo-German estrangement // *The International Impact of the Boer War* / ed. by K. Wilson. Abingdon : Routledge, 2014. P. 25–42. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.004>
8. Баиштанов В.И. Политика правительства и позиция общественного мнения Германии в связи с англо-бурской войной (1899–1902 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 188 с.
9. Ерусалимский А.С. Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII–XIX вв. М. : Наука, 1974. 359 с.
10. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914 / ed. by J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme. Bd. 15. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte M.B. H., 1924. 561 s.
11. Van Hoek K. Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds. London, 1939. 54 p.
12. British Documents on the Origins of the War 1898–1914 / ed. by G.P Gooch., H. Temperley. Vol. 1. London : His Majesty's Stationery Office, 1927. 355 p.
13. Wesseling H.L. Divide and Rule: The Partition of Africa, 1880–1914. Westport, Connecticut; London : Praeger, 1996. 446 p.
14. Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.). М. : Наука, 1970. 213 с.
15. Correspondance diplomatique du Baron de Staal (1884–1900) / ed. by A. Meyendorff. Vol. II. Paris : Librairie Marcel Rivière, 1929. 499 p.
16. Игнатъев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М. : Международные отношения, 1989. 333 с. EDN: VVIFYQH
17. Витухновский А.Л. Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1957. Т. VII. Вып. 1. Исторические и филологические науки. С. 115–130.

References

1. Lowry D. “The play of forces world-wide in their scope and revolutionary in their operation [J.A. Hobson]”: The South African war as an international event. *South African Historical Journal*. 1999;41(1):83–105. <https://doi.org/10.1080/02582479908671886>
2. *Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: the Practice and the Future: Multi-author book*. Moscow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.). EDN: WDNBUQ
3. Parfenov ID. *Kolonial'naya ekspansiya Velikobritanii v poslednei treti XIX veka (Dvizhushchie sily, formy i metody)* [*British colonial expansion in the last third of the 19th century (Driving forces, forms and methods)*]. Moscow: Nauka publ; 1991. (In Russ.).
4. Martens F. The Hague peace conference. Cultural and historical sketch. *Vestnik Evropy*. 1900;(3):6–24. (In Russ.).

5. Tilchin WN. The United States and the Boer war. In: Wilson K, ed. *The International Impact of the Boer War*. Abingdon: Routledge; 2014, p. 107–122. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.009>
6. Ignat'ev AV. *Vneshnyaya politika Rossii v kontse XIX — nachale XX veka (Rossiya pered vyzovami novoi epokhi)* [Russian foreign policy in the late 19th — early 20th century (Russia facing the challenges of the new era)]. Moscow: GEOS publ; 2011. (In Russ.). EDN: PYIPMP
7. Kröger M. Imperial Germany and the Boer war: from colonial fantasies to the reality of Anglo-German estrangement. *The International Impact of the Boer War*. In: Wilson K, ed. Abingdon: Routledge; 2014, p. 25–42. <https://doi.org/10.1017/UPO9781844653256.004>
8. Bashtanov VI. *Politika pravitel'stva i pozitsiya obshchestvennogo mneniya Germanii v svyazi s anglo-burskoi voinoi (1899–1902 gg.)* [German government policy and the attitude of German public opinion in connection with the Anglo-Boer War (1899–1902)] [Dissertation]. Tomsk; 1999. (In Russ.).
9. Erusalimskii AS. *Kolonial'naya ekspansiya kapitalisticheskikh derzhav i osvoboditel'noe dvizhenie narodov Yuzhnoi Afriki i Kitaya v XVII–XIX vv.* [Colonial expansion of capitalist powers and the liberation movement of the peoples of Southern Africa and China in the 17th–19th Centuries]. Moscow: Nauka publ.; 1974. (In Russ.).
10. Lepsius J, Mendelssohn-Bartholdy A, Thimme F, eds. *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914*. Bd. 15. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte M.B. H.; 1924.
11. Van Hoek K. *Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds*. London; 1939.
12. Gooch GP, Temperley H, eds. *British Documents on the Origins of the War 1898–1914*. Vol. 1. London: His Majesty's Stationery Office; 1927.
13. Wesseling HL. *Divide and Rule: The Partition of Africa, 1880–1914*. Westport, Connecticut; London: Praeger; 1996.
14. Nikitina IA. *Zakhvat burskikh respublik Angliei (1899–1902 gg.)* [The seizure of the Boer republics by England (1899–1902)]. Moscow: Nauka publ.; 1970. (In Russ.).
15. Meyendorff A, ed. *Correspondance diplomatique du Baron de Staal (1884–1900)*. Vol. II. Paris: Librairie Marcel Rivière; 1929.
16. Ignat'ev AV. *S.Yu. Vitte — diplomat* [S.Y. Witte as a diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ.; 1989. (In Russ.). EDN: VVFYQH
17. Vitukhnovskii AL. On the history of Anglo-Russian relations in the Middle East in the initial period of the Anglo-Boer War. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 1957;8(1):115–130. (In Russ.).

Информация об авторе:

Горелик Борис Моисеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН, Российская Федерация, 123001, Российская Федерация, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: boris.gorelik@inafr.ru ORCID: 0000-0001-8839-3889. SPIN-код: 4373-7972.

Information about the author:

Boris M. Gorelik — Candidate of Sciences in History, Senior Research Fellow, Centre for Sub-Saharan Africa, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 30 Spiridonovka st, bldg. 1, Moscow, 123001, Russian Federation, e-mail: boris.gorelik@inafr.ru ORCID: 0000-0001-8839-3889. SPIN-code: 4373-7972.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509

EDN: JPKDWA

Научная статья / Research article

Мемуары — вид биографических исторических источников или источники личного происхождения: проблемы терминологии

Н.Г. Георгиева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ navladi@list.ru

Аннотация. Рассмотрена история решения проблемы классификации исторических источников и появления трех классификационных терминов: категория (тип), вид и «источники личного происхождения» — при выделении биографических источников из общего корпуса исторических источников. Внимание автора сосредоточено на актуальной проблеме терминологического единства, точнее логической чистоты (строгости) терминологии при классификации биографических источников в научных исследованиях. Показаны научные ситуации, в которых возможно применение классификационного таксона «источники личного происхождения». Сделан вывод о преимуществе использования классификации исторических источников по видам на основе их прагматической функции.

Ключевые слова: критерий классификации, таксон классификации, тип исторических источников, вид исторических источников, классификация исторических источников по видам, прагматическая функция исторического источника

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Для цитирования: Георгиева Н.Г. Мемуары — вид биографических исторических источников или источники личного происхождения: проблемы терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 500–509. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509> EDN: JPKDWA

Memoirs as a sort of biographical historical sources or as historical sources of personal origin: problems of terminology

Natalia G. Georgieva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ navladi@list.ru

Abstract. The study examines the history of solving the problem of classification historical sources and the history of the emergence of three classification terms: category (type), sort (species) and “source of personal origin” when selecting biographical sources from the general body of historical sources. The author’s attention is focused on the current issue of terminological unity, or rather, logical purity (rigor) in the classification of biographical sources in scientific research. The study discusses scientific situation in which it is possible to apply the classification taxon “sources of personal origin”. The study concludes that it is advantageous to classify of historical sources by kind based on their pragmatic function.

Keywords: criteria of classification, taxon of classification, type of historical sources, kind of historical sources, pragmatic function of the historical source

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 10.04.2025. Accepted: 25.07.2025.

For citation: Georgieva NG. Memoirs as a sort of biographical historical sources or as historical sources of personal origin: problems of terminology. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):500–509. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509> EDN: JPKDWA

Введение

Проблема классификации исторических источников во второй половине XX в. стала «проблемой № 1» в российском источниковедении — она целенаправленно обсуждалась на университетских кафедрах и научных конференциях. Готовились, обсуждались и публиковались тексты учебников, которые должны были руководить исследовательской работой молодых историков и источниковедов. В лексиконе ученых последовательно утверждались *три понятия* в качестве основных классификационных таксонов — *происхождение, тип и вид*.

Дискуссии о возможности применения этих понятий продолжают до настоящего времени, порождая разногласия и потребность выработки единого классификационного стандарта для его использования в научных исследованиях (особенно в диссертациях).

Цель исследования — определить научно-исследовательские ситуации (обзоры), в которых возможно применение классификации биографических исторических источников на основе видового принципа их выделения из общего корпуса исторических источников по целевой направленности или по принципу «личного происхождения».

Первый опыт применения деления источников по их происхождению

Особенно активно проблема классификации исторических источников дискутировалась в 1960–1970-х гг. В 1962 г. историки С.М. Каштанов и А.А. Курносов предложили свое определение понятия «происхождение», понимая под этим «сумму признаков, определяющих место источников в общественной жизни: их целевое назначение, авторство, обстоятельства появления» [1. С. 179].

В предложенной схеме источники различались по возникновению в *трех разных сферах*: социально-экономических отношений; социально-политической борьбы, общественной мысли и культуры; личностно-семейных отношений. Однако предложение вызвало ряд возражений, оно не было принято большинством российских источниковедов [2. С. 38]. В 1969 г. С.М. Каштанов опубликовал новую формулировку, указав, что «под происхождением понимается сумма признаков, характеризующих конкретные условия и причины создания источника (сфера возникновения, авторство, цель)» [3. С. 155]. Заметим, и в первом предложении, и во втором как-то ненавязчиво, мимоходом звучало слово «цель» или «целевое назначение» как возможный таксон классификации. Однако он не стал главным, основополагающим.

Представим, что была принята схема с классификационным таксоном «происхождение источников». В такой ситуации в источниковедческих обзорах вовлеченные в диссертационное исследование источники следовало распределять по четырем *сферам*, в которых проходила деятельность человека и в которых создавались источники, сопровождавшие путь человека как гражданина и члена общества. Первая отражалась в источниках официального происхождения, возникших в сфере государственного аппарата управления (законы, договоры, международные акты). Вторая — в источниках, возникавших в сфере экономики, имущественных и производственных отношений (промышленность, финансы, строительство). Третья отражалась источниками, возникавшими в социальной сфере — в практике деятельности политических партий и общественных организаций (программы и уставы, протоколы и стенограммы заседаний); СМИ (эпизодические и периодические издания); публицистика в разных формах: манифесты, воззвания, эссе. И четвертая сфера — семейно-личностная. Информация о ней содержалась в разных источниках, как правило, биографического жанра: мемуары, дневники, личная переписка, нотариальные акты, удостоверяющие распоряжение имуществом (завещание, дарение, брачный договор) и др.

Классификации исторических источников на основе принципа их происхождения в той или иной сфере вскоре была отвергнута российскими источниковедами, поскольку она не позволяла провести формально-логическое разграничение источников, однако следы такого подхода надолго сохранились в трудах, посвященных биографиям различных исторических личностей.

Рождение термина «источники личного происхождения»

С.С. Дмитриев, автор главы «Воспоминания, дневники, частная переписка» в двух изданиях учебника по источниковедению, хотя и относил упомянутые материалы к «различным *видам* источников», но предложил два варианта формулировки термина, связанного с классификацией по принципу «происхождения»: «источники *частного* происхождения» [4. С. 347] и источники *личного* происхождения, возникающие «в частном порядке» [5. С. 342]. Отметим, что предложения С.С. Дмитриева учитывали исключительно близость происхождения источника к личности его автора, а *цель* создания биографического источника (как его возможный видовой признак) принималась во внимание лишь при намерении мемуариста опубликовать свое творение «для обширной читательской среды — для современников, потомства, историков» [5. С. 343].

Хотя предложение термина С.С. Дмитриевым совпало по времени с внедрением в российское источниковедение нового принципа классификации исторических источников, но термин не был забыт и получил развитие и новую трактовку в конце XX в.

Влияние теории информации на решение проблемы классификации исторических источников

В 1975–1980-х гг. в результате теоретических исследований Л.Н. Пушкарева [6] и И.Д. Ковальченко [7. С. 129–148; 8. С. 106–125] в решении проблемы классификации исторических источников произошел методологический прорыв. Он явился результатом внедрения в российское источниковедение теории информации и принятия историками категории «информация» в качестве общего, изначально присущего источнику свойства [6. С. 191].

В основе нового подхода лежала идея И.Д. Ковальченко о *синтаксическом аспекте* (признаке) информации исторических источников как критерии при их распределении по категориям (типам) [8. С. 122].

Вводилось двухуровневое деление ресурсов исторического познания. Первый — типологический — на основе деления (распределения) источников по способу и форме воплощения, отражения, сохранения и передачи социальной информации о прошедшей объективной реальности [9. С. 219]. На этом уровне весь корпус исторических источников делился на *четыре категории* (на типы по знаковому воплощению — форме передачи, кодировании информации): вещественные, фонические (звуковые), изобразительные и письменные (перечислены в произвольном порядке).

Второй уровень деления — видовой — касался письменных источников, в свою очередь, распределенных по отдельным группам — видам, выделенным на основе выявления социальной функции источника, которая

предопределяла сознательно отобранный и выстроенный каркас информации источника. При таком подходе главным *признаком* того или иного вида источника становится «его *прагматическое назначение*, цель, ради которой он был создан и которую он выполнял в процессе своего функционирования в прошедшей реальности» [9. С. 222]. Каждый вид исторических источников обладает устойчивыми, общими (первоначальными) свойствами (признаками), заложенными создателем (автором) источника в соответствии с целью его существования в окружающей исторической (общественно-политической, социокультурной или личностной) обстановке.

Виды исторических источников

В источниковедческой литературе рассматриваются *пять видов* письменных источников, выделенных на основе выполняемой ими функции во время существования (создания и введения в общественную практику) в прошлом:

- *нормативно-законодательные (правовые) документы*, нацеленные на организацию функционирования государственного аппарата, закрепление отношений государства с обществом и другими государствами, регулирование взаимоотношений граждан в разных общественных сферах («национальной, культурной, религиозной и бытовой») [9. С. 224];
- *делопроизводственные документы* (в т.ч. и статистические), создающиеся и сопровождающие осуществление какой-либо общественно-полезной (хозяйственной, образовательной и др.) деятельности или процесс строительства партийно-общественных организаций (деловая переписка, инструкции, протоколы, стенографические отчеты, уставы и т.п.);
- *публицистические произведения*, включающие рукописные и печатные материалы, созданные для воздействия на общественное сознание (его формирование и формулирование), эпизодические или периодические, существующие в различной форме — листовые издания, брошюры, газеты, журналы, книги и альманахи;
- *биографические источники* (мемуары, воспоминания, записки, дневники), главная функция которых состояла в сохранении и передаче потомкам информации о прошедшем, чему автор был свидетелем или участником, а также в установлении (закреплении) «вторичных» связей между человеком (автором) и обществом (современниками и последующими поколениями);
- *эпистолярные источники* (личная или частная переписка), выполнявшие информационные функции (связь) между современниками.

Казалось бы, что в 1980-х гг. вопрос был решен в пользу видовой классификации, учитывающей целевую функциональность биографического источника. Однако на рубеже XX–XXI в. возник новый методологический подход к пониманию природы биографических источников на основе

антропологически ориентированной парадигмы и общегуманитарного метода исторического познания, направленного не только на выяснение коэксистенциальных связей автора с современниками и его эпохой, но и с эволюционным ходом истории, последующими поколениями.

Возрождение принципа деления источников по их происхождению

Так, в 1998 г. в учебнике, созданном группой ученых из Российского государственного гуманитарного университета, возможность использования термина «источники личного происхождения» (названия главы 11 в разделе 2 и главы 11 в разделе 3) была объявлена следствием формирования новой сферы возникновения исторических источников под влиянием процесса становления межличностных отношений в новейшее время.

М.Ф. Румянцева, автор текста этих глав, объединила два классификационных подхода (по происхождению и по видам) в примененном ею определении характерных признаков биографических источников. Она считала, что «источники *личного происхождения* — группа *видов* исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и автокоммуникации» [10. С. 466; 11. С. 202]. По идее автора, источники личного происхождения включают разновидности биографических источников — воспоминания, дневники и мемуары разных форм (мемуары-автобиографии, мемуары-портреты и мемуары — «современные истории», т.е. рассказы о современниках и эпохе), а также эпистолярные источники (частная переписка). Однако объединение мемуаров с личными письмами противоречит видовой классификации, поскольку функции эпистолярных источников не совпадают с целевым назначением мемуаров — эпистолярный образует отдельный вид исторических источников.

В начале XXI в. идея М.Ф. Румянцевой о возможности одновременного использования двух понятий «вид», выделенного на основе целевой функции источника, и «источник личного происхождения», обрела силу непрерываемого авторитета. Ее «подхватили» в 2000 г. авторы учебника по источниковедению, хотя и выстроили его в соответствии с видовой классификацией, но упомянули «комплекс материалов личного происхождения», связанный «с личностными запросами отдельного человека, проявлением его социальной активности, интеллектуальным развитием, профессиональными интересами и т.д.» [12. С. 153]. В дальнейшем идея о возможности применения термина «источники личного происхождения» сохранила свое влияние на концепции молодых исследователей, что и проявилось в их исследованиях. В статье И.А. Люцай «документы личного происхождения» названы одним из *видов* исторических источников, с уточнением, что «для их разграничения основным критерием является целевое назначение» [13. С. 375]. А.В. Карабалыкова

в 2025 г. использовала «источники личного происхождения» для изучения инакомыслия в СССР, определив их (вслед за М.Ф. Румянцевой) как «группу видов исторических источников» [14].

Несмотря на якобы всеобщее принятие видовой классификации письменных исторических источников, появлялись рецидивы использования термина «источники личного происхождения» современными исследователями в учебных пособиях, диссертациях и научных статьях, «защищающих» классификационный таксон «происхождение источника».

Рассмотрим несколько примеров систематизации корпуса исторических источников в источниковедческих обзорах некоторых диссертационных исследований.

В 2003 г. была защищена диссертация Э.Е. Абдрашитова, специально посвященная изучению «источников личного происхождения», среди разновидностей которых указаны «частные письма и мемуары» [15. С. 3]. Определяя особенности познавательной ценности информации изученных источников личного происхождения, автор сделал совершенно справедливый вывод о том, что она в перспективе представит значительный интерес для историко-культурных исторических исследований. Однако следующий вывод автора о том, что особо значимой станет **«объективно представленная потенциальная информация о трансформации сознания российских солдат и офицеров в условиях войны и плена...»** (выделено нами — *Авт.*) вызывает некоторые сомнения.

Заметим, что в литературе принято считать субъективную уникальность информации главным отличием повышения познавательной ценности мемуарных источников, а наличие в них объективной информации не только подвергалось сомнению, но иногда и вовсе отвергалось. Е.В. Тарле, который сам активно вводил мемуары в свои произведения, тем не менее, считал, что для источников этого вида характерна предвзятость (субъективность) и «совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки лишь в известном освещении: выявить одно, скрыть другое, извратить третье» [16. С. 102]. Кроме того, потенциальной информацией обладают все виды исторических источников (вне зависимости от их происхождения), и успех ее выявления зависит от профессиональной подготовленности исследователя — уровня владения им методами критического анализа источников.

В диссертациях, нацеленных на изучение жизни и деятельности отдельных общественно-политических деятелей, т.е. в исследованиях, имеющих биографический характер, возможно использование исторических материалов под термином «источники личного происхождения». Так, в диссертации 2019 г., посвященной В.М. Флоринскому, в эту группу источников были включены не только воспоминания и дневники, но и (ошибочно) личные и служебные (!) письма философа, которые являются частью двух других видов источников — эпистолярия и делопроизводственных документов [17. С. 13].

Диссертация о культурных связях России и Испании, по словам автора, опирается на информацию четырех видов источников: *нормативно-правовых, делопроизводственных, публицистических и документов личного происхождения* [18]. Однако к видовой классификации относятся только три первых из указанных видов источников, а выделение последней группы — источников по их «происхождению» — с видовым делением не связано: другой принцип классификации.

Сохранение традиции объединения мемуаров, дневников и личной переписки в единой категории под названием «источники личного происхождения» встречается в статьях довольно часто.

В 2006 г. Н.И. Иванова опубликовала статью, в названии которой прозвучало два противоположных или взаимно исключающих понятия, используемых при классификации исторических источников: «вид» и «происхождение» [19. С. 105]. Отметим, что одновременное использование понятий «происхождение» и «вид» источника не соответствует концептуальному подходу, принятому в видовой классификации, поскольку вид источника определяется не его происхождением в той или иной среде или из-под пера какого-либо автора, а по той *функции*, которую, по замыслу своего создателя, этот источник будет выполнять. Однако, разрабатывая проблему источниковедческого анализа источников личного происхождения (определение автора статьи), Н.И. Иванова специально указала, что при их изучении необходимо придерживаться идеи о цели (назначении) источника, а этот признак лежит в основе видовой классификации.

В 2014 г. В.С. Кодан совместил два прямо противоположных принципа деления исторических источников — по принципу их происхождения и целевого назначения. «Выделение источников личного происхождения в системе носителей исторической информации строится на видовой классификации», как уверял читателя автор, хотя все разновидности биографических источников (мемуары, дневники, личные письма) он объединил под одним термином «источники личного происхождения», определив всю эту группу источников как некий единый «вид» [20; 60].

В 2017 г. С.В. Кодан продолжил традицию объединения источников, относящихся к разным видам, определив три подхода к изучению источников личного происхождения. Первый — информационный, всегда имеющий прагматический аспект и относящийся «и к законодательству, и к правовым актам..., и к личной переписке, и к мемуарам, которые преследовали цель самовыражения, самосознания и самоутверждения личности». Второй — биографический, предоставляющий «возможность изучить источники личного происхождения в сопоставлении с жизненным путем автора». И третий — коммуникативный, связанный с изучением источников личного происхождения в контексте «концепции индивидуализации человека». Оценивая познавательную ценность источников личного происхождения, автор полностью

разделял точку зрения М.Ф. Румянцевой о том, что эти источники «наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений» и что в их состав входят «дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары..., эссеистика, исповеди» [21].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что при решении вопроса о правомерности использования в источниковедческой литературе, научных трудах и диссертационных исследованиях термина «источники личного происхождения», одновременно охватывающего разные виды биографических источников, следует дать категорический отрицательный ответ — классификация исторических источников должна основываться на едином критерии, соответствующем правилам формальной логики.

Однако признаем, что использование классификационного таксона «происхождение» возможно в ситуации, если все источники, вовлеченные в исследование, будут разделяться по тому же принципу — месту создания, авторству происхождения. Если же одни источники будут указаны в соответствии с видовым распределением, а другие — как источники личного происхождения — то такое нарушение правил классификации совершенно неприемлемо.

Рост интереса в современном обществе не только к истории, но и к личностным проблемам людей прошлого, их мыслям и чувствам, поступкам, психологии, изменениям самосознания и мировоззрения, отражает тенденцию гуманизации российского исторического знания. Это неизбежно приведет к целенаправленному внедрению в научный оборот новых биографических источников любых исторических эпох. Выявление в архивохранилищах и публикации разных форм этих материалов, чаще основанных на человеческой памяти, реже — на сохранных мемуаристами документах, — будут способствовать информационному насыщению исследовательского поля, а их изучение — качественному расширению возможностей исторического познания.

Список литературы

1. *Кашианов С.М., Курносоев А.А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. №4. С. 173–196. EDN: ZPWIDV
2. *Беленький И.Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.) : аналитический обзор. М. : ИНИОН АН СССР, 1985. 69 с. EDN: PDHCQB
3. *Кашианов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теория и методологические проблемы. М., 1969. С. 134–171.
4. *Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. : учеб. пособие для студ. ист. фак. / под ред. И.А. Федосова.* М. : Изд-во Московского университета, 1970. 469 с.

5. Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1981. 496 с.
6. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. : Наука, 1975. 282 с. EDN: PXOVTH
7. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148. EDN: XPJLFZ
8. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987. 439 с. EDN: ХРQВКР
9. Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы : учебник для вузов. М. : Проспект, 2017. 256 с.
10. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
11. Румянцев М.Ф. Теория истории : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 2002. 319 с.
12. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории / под общ. ред. проф. А.Г. Голикова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2000. 440 с. EDN: XWDUJV
13. Люцай И.А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6 (140). С. 375–378. URL: <https://moluch.ru/archive/140/39375> (дата обращения: 08.04.2025). EDN: XXJWVV
14. Карабалыкова А.В. Источники личного происхождения как фактор изучения инакомыслия в СССР // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс» (Scientific Cooperation center “Interactive plus”) URL: <https://interactive-plus.ru/e-article/710/Action710-541375.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
15. Абдрашитов Э.Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны : автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2003. 18 с. EDN: NMIBTL
16. Тарле Е.В. Значение архивных документов для истории // Вестник архивоведения. 1961. № 3. С. 102.
17. Качин Н.А. Архив и коллекция В.М. Флоринского: опыт источниковедческого анализа : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2019. 27 с. EDN: PGOYCD
18. Филимонова К.Н. Сотрудничество России и Испании в области сохранения и популяризации культурного наследия (1991–2020) : автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М. : РУДН, 2025. 30 с.
19. Иванова Н.И. Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблема источниковедческого анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 3. С. 105–110. EDN: LRIUSP
20. Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования. 2014. № 3. С. 60–93. EDN: RZVQCD
21. Кодан С.В. Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: Теоретические и методологические основы исследования // Universum iurii. 2017. № 1. URL: <https://universum-juris.org/?q=ru/node/32> (дата обращения: 07.03.2025). EDN: YNGXMO

Информация об авторе:

Георгиева Наталья Георгиевна — доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры истории России, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, e-mail: navladi@list.ru ORCID: 0000-0003-2359-1088. SPIN-код: 6037-8857.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-510-520

EDN: JOUETG

Научная статья / Research article

Вклад Ю.Н. Рериха в историю монголоведения

А.М. Шустова

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

✉ ashustova@ivran.ru

Аннотация. Впервые выполнен анализ работ тибетолога и историка Востока Ю.Н. Рериха (1902–1960), посвященных истории монголоведения. Актуализируются результаты его исследований тибетских и монгольских хроник, посвященных деятельности буддийского ученого Чойджи-одсера. Рерих установил год рождения Чойджи-одсера (1214) и подтвердил высказанное ранее мнение российского монголоведа Б.Я. Владимирцова и французского востоковеда П. Пеллио о том, что Чойджи-одсер не создавал новое монгольское письмо. Тем не менее Чойджи-одсер проделал большую грамматическую и филологическую работу, переводя буддийские тексты на монгольский язык. Рерих считал его работу новаторской, а вклад этого ученого в развитие монгольского языка и монгольско-тибетских культурных связей значительным и придавал важность труду Чойджи-одсера в качестве автора и переводчика. Проанализированы работы Рериха, посвященные развитию тибетско-монгольских и монгольско-тибетских межязыковых связей. Установлено, что Рерих определил исторические этапы формирования монгольского литературного языка, его тесную связь с переводческой работой тибетских буддийских текстов, а также проследил как изменялся состав заимствованных тибетских слов в монгольском языке. Сделан вывод об актуальности и значимости трудов Ю.Н. Рериха для монголоведения: современные ученые не только изучают, но и используют их в своей научной работе. Отмечена высокая оценка в Монголии при работе над составлением тибетско-монгольских словарей Тибетско-русско-английского словаря Ю.Н. Рериха.

Ключевые слова: Монголия, Чойджи-одсер, монгольско-тибетские культурные связи, монгольский буддизм, исторические хроники, Тибет

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 01.02.2024; принята к публикации 25.05.2025.

Для цитирования: Шустова А.М. Вклад Ю.Н. Рериха в историю монголоведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 510–520. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-510-520> EDN: JOUETG

© Шустова А.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

George N. Roerich's contribution to the history of Mongolian studies

Alla M. Shustova

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ ashustova@ivran.ru

Abstract. The study is the first to analyze the works of Tibetologist and historian of the East Yu.N. Roerich (1902–1960), dedicated to the history of the development of the Mongolian Studies. The results of his research into Tibetan and Mongolian chronicles dedicated to the activities of the Buddhist scholar Choydzhi-odser are updated. Roerich established the year of birth of Choydzhi-odser (1214) and confirmed the previously expressed opinion of the Russian Mongolian scholar B.Ya. Vladimirtsov and the French orientalist P. Pelliot that Choydzhi-odser did not create a new Mongolian script. However, Choydzhi-odser did a great deal of grammatical and philological work in translating Buddhist texts into Mongolian. Roerich considered his work innovative, and the contribution of this scholar to the development of the Mongolian language and Mongolian-Tibetan cultural ties was significant. He attached great importance to Choydzhi-odser's work as an author and translator. In the study analyzes Roerich's works devoted to the development of the Tibetan-Mongolian and Mongolian-Tibetan interlingual connections. It has been established that Roerich traced the stages of formation of the Mongolian literary language, its close connection with the translation work of Tibetan Buddhist texts, and also traced how the composition of borrowed Tibetan words in the Mongolian language changed. For the development of Mongolian studies, the works of Yu.N. Roerich are relevant and significant. Modern Mongolian scientists not only study them, but also use them in their scientific work. Roerich's Tibetan-Russian-English dictionary was highly appreciated in Mongolia for his work on compiling Tibetan-Mongolian dictionaries.

Keywords: Mongolia, Choydzhi-odser, Mongolian-Tibetan cultural connections, Mongolian Buddhism, historical chronicles, Tibet

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 01.02.2024. Accepted: 25.05.2025.

For citation: Shustova AM. George N. Roerich's Contribution to the history of Mongolian Studies. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):510–520. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-510-520> EDN: JOUETG

Введение

Для Ю.Н. Рериха монгольский язык стал первым из порядка десяти восточных языков, которые ему приходилось изучать в течение жизни. Еще будучи юношей, он стал брать уроки монгольского языка у известного петербургского монголоведа А.Д. Руднева.

Впервые в Монголию Ю.Н. Рерих приехал в 1926 г. в рамках Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. В Улан-Баторе ему представилась хорошая возможность продолжить изучение монгольского

языка у его носителей. Молодой монгол Бат-Очирын Содов стал давать уроки монгольского для Юрия.

Рерих использовал любую возможность, чтобы усовершенствовать язык, по возвращению на родину, практиковался со своим монгольским аспирантом Ш. Бирой. В итоге знания были таковы, что Ю.Н. Рерих смог зачитать свой доклад на Первом Международном конгрессе монголоведов в 1959 г. на превосходном монгольском языке.

Рерих в своей научной деятельности особое внимание уделял изучению исторических хроник. Его заинтересовала история происхождения монгольской письменности. Монголы стали плотно соприкасаться с буддийской культурой через уйгурское, а также тангутское посредство. Тесные культурные контакты с буддизмом на северной границе Тибета привели к тому, что монгольские кочевники стали частью большого мира тибетского буддизма. По свидетельству Рериха, о сильном влиянии уйгурской культуры на монголов свидетельствует тот факт, что даже в XVII в. они, переписывая буддийские тексты, все еще использовали уйгурский язык XIV в.

Исследование деятельности буддийского ученого Чойджи-одсера

Ю.Н. Рерих попытался сделать анализ исторических этапов в развитии монгольского письма, результаты которого были отражены им в статье «Kun-mkhyyen Chos-kyi hod-zer and the origin of the Mongol alphabet», опубликованной в научном журнале Королевского Азиатского общества Бенгалии в 1945 г. [1].

В тибетских и монгольских хрониках утверждается, что в создании монгольской письменности приняли участие двое лам из буддийских монастырей школы Сакья. Это Сакья-пандита, или Сакья Панчен Сапанг (1182–1251 гг.) и Чойджи-одсер¹. В тибетских источниках он известен под именем Чойку-одсера, но в монгольских текстах его обычно называют Чойджи-одсером или Номун-герелом.

О Сакья-пандите известно достаточно много. Он — известный буддийский учитель и исторический деятель. Хорошо знал санскрит и философские учения буддизма. Много сделал для возвышения тибетского монастыря и буддийской школы Сакья. Способствовал сближению Тибета и Монголии как в политическом, так и религиозном плане².

Рерих в [1], используя хроники «Синего дептера» (Deb-ther sngon-po), который он перевел с тибетского на английский язык [4], дает краткое описание прибытия Сакья-пандиты ко двору монгольского хана Годана. Согласно этому источнику, слухи об учености Сакья-пандиты дошли

¹ Ю.Н. Рерих в своей русскоязычной статье [2] транскрибирует это имя как Чо-кьи о-сэр.

² О Сакья-пандите см. [3. С. 225].

до монголов. Узнав о большой учености Сакья-пандиты, Годан снарядил посольство в монастырь Сакья с приглашением посетить его в Ланьчжоу. Прославленный лама принял приглашение, в котором увидел возможность расширить влияние своей школы и монастыря. В 1244 г. с большой делегацией он выехал в ставку Годана в сопровождении своих племянников Пакпы-лотро и Чакпы. Как обнаружил Рерих, существовало несколько тибетских версий³, утверждавших, что Сакья-пандита, находясь в ставке Годана, создал новое монгольское письмо (*yi-ge gsar-pa*). Он также отмечал, что похожий рассказ можно найти и в монгольской книге «*Jirüken-u tolta-yin tayilburi*»⁴. Ученый сделал сравнение этих версий, и пришел к выводу, что все они восходят к общему источнику.

Однако на основании других авторитетных источников⁵, как далее обнаружил Рерих, все же нельзя однозначно сделать заключение о создании Сакья-пандитой нового монгольского письма. На самом деле, Сакья-пандита не создавал новое письмо монголам, а использовал уйгурский алфавит, который уже был в распоряжении монголов для деловой переписки, а также для переводов тибетских буддийских текстов на монгольский язык. Он лишь усовершенствовал уже существующее письмо. Несмотря на то, что Сакья-пандита не изобретал новой монгольской письменности, его деятельность при дворе хана Годана была признана монголами успешной.

Еще одним создателем монгольского письма тибетские и монгольские хроники XVIII и XIX вв. называют сакьяпинского ламу Чойджи-одсера. Если с Сакья-пандитой в этой истории было все более-менее ясно, то по поводу причастности Чойджи-одсера имелись вопросы. Дело в том, что и в более ранних источниках есть упоминание о Чойджи-одсере, но не говорится, что он был как-то связан с разработкой нового монгольского письма. Чтобы разрешить проблему Рерих проанализировал следующие тексты: сочинение XVIII в. Лондол-ламы Агвана Лубсана *bsTan-paḥi sbyinodag byuñ-tshul-gyi miñ-gi graṅs*, «*Jirüken-u tolta-yin tayilburi*» [5. С. 364], то же в [7. С. 193–194], и «Историю» Саранг Сечина, составленную в 1662 г. [6. S. 120].

В этих источниках деятельность Чойджи-одсера рассматривается в связи с правлением юаньского императора Кулуга (1307–1311). В монгольском сочинении «*Jirüken-u tolta-yin tayilburi*», как его цитирует Рерих, сказано, «что император Кайсан Кулуг-каран поручил сакьяскому ламе Чойджи-одсеру переводить буддийские священные книги на монгольский язык, и что Чойджи-одсер вместо того, чтобы воспользоваться официальным монгольским

³ *Thu-kwan grub-mthah*, написанная в 1801 г. Тхуваном Лобсанг Чойкынимой (1737–1802), глава о «Распространении Учения в Монголии, Лиюле и Шамбале», л. 3а; “*Hor-ḥos-’byung*”, ed. G. Nuth, pp. 83 ff. (тиб. текст).

⁴ Опубликована в [5. С. 360–379]. История о новом письме находится в [5. С. 362].

⁵ См. «Синий дебтер» (*Deb-ther sngon-po*), Книга IV (Nga, л. 4b); «*rGyalrabs*» Пятого Далай-ламы (л. 56a); Саранг Сечин [6. S. 110–113].

письмом, или хор-йиг (*dürbeljin üsüg*), использовал письмо, разработанное Сакья-пандитой, и прибавил к нему несколько конечных букв (*segül-tü üsüg*). Он использовал это письмо при переводе буддийского священного писания на монгольский» [8. С. 167].

Однако, как установил Рерих, большинство авторов-составителей тибетских хроник XVIII и XIX вв. деятельность Чойджи-одсера относят на более ранние сроки — в правление предшественника императора Кулуга — Темура Ульджейту (сына Чинкима, 1265–10 февраля 1307).

Рерих замечал: «В книге „*Nor-čhos-ñbyuñg*“ сказано, что Чойджи-одсер был придворным ламой (*mčhod-gnas*) императора Ульджейту и позднее занимал ту же должность в правление императора Кулуга. В этот последний период Чойджи-одсер разработал письмо из 98 знаков на основе письма, созданного Сакья-пандитой. Этот текст дает также некоторые биографические данные о Чойджи-одсере, основанные, очевидно, на рассказе, имеющемся в „Синем дебтере“» [8. С. 167–168].

В результате анализа тибетских и монгольских текстов Рерих пришел к выводу о том, что все они относят деятельность Чойджи-одсера в начало XIV в. Однако при анализе биографической справки о Чойджи-одсере, которую можно найти в «Синем дебтере», упоминается источник, который, по мнению Рериха, является наиболее достоверным в вопросе датировки годов жизни Чойджи-одсера. Это чрезвычайно редкий манускрипт содержит жизнеописание-намтар Чойджи-одсера и написан его учеником Кунпангжангом. Этот более ранний тибетский источник относит годы жизни Чойджи-одсера к XIII в. В нем говорится, что Чойджи-одсер был современником Пагба-ламы, племянника Сакья-пандиты.

Согласно «Синему дебтеру», Чойджи-одсер родился в 1214 г. и был сыном известного в свое время буддийского наставника Сердингпа Жонну-ода. Имя Чойджи-одсер он получил при поступлении в монахи, а в молодости его звали Дагмэ-дорджэ. Пакба-лама называл его Чойку-одсер. Умер Чойджи-одсер, по тибетским источникам, в 1292 г. Однако при описании жизни Чойджи-одсера более ранние источники («Синий дебтер») не упоминают о создании им нового монгольского письма.

На основании своего исследования Рерих пришел к заключению: «что Чойджи-одсер, как и его предшественник Сакья-пандита, не создал новое письмо, но просто использовал существовавшее уйгурское письмо вместо официального монгольского, хор-йига, созданного Пагба-ламой⁶. Чойджи-одсер, вероятно, проделал огромную филологическую и грамматическую работу, позволившую ему перевести тибетские буддийские тексты на монгольский язык, и в этой области его влияние было значительным» [8. С. 169].

⁶ Владимирцов Б. Монгольский сборник рассказов из Панчатантры. Л., 1921. С. 47. Примеч. 1. Прим. Ю.Н. Рериха.

Таким образом, исследование Рериха подтвердило высказанное ранее мнение российского монголоведа Б.Я. Владимирцова и французского востоковеда П. Пеллио о том, что Чойджи-одсер не создавал новое монгольское письмо.

Что касается годов жизни Чойджи-одсера, то Рерих писал, «что нет причин подвергать сомнению год рождения Чойджи-одсера (1214), указанный в «Синем дебтере» и связанный с точно установленной датой отбытия Кхаче-панчена в Кашмир. Дальнейшие исследования, несомненно, помогут уточнить дату смерти Чойджи-одсера» [8. С. 170]. Рерих склонялся к мнению, что датой его смерти, согласно тибетским источникам [9. С. 57], надо считать 1292 г.

Несмотря на то, что Чойджи-одсер не создал новое монгольское письмо, Рерих считал его работу новаторской, а его вклад в развитие монгольского буддизма и монгольско-тибетских культурных связей значительным. Рерих придавал большое значение труду Чойджи-одсера в качестве автора и переводчика. Его переводы на монгольский «Панчаракши» (gZungs-gra-lnga) и «Бодхичарьяватары» Шантидевы, а также Саддхармапундарикасутры вошли в сокровищницу монгольской буддийской мысли. «Бодхичарьяватара» Шантидевы в переводе Чойджи-одсера была издана Б.Я. Владимирцовым в серии Bibliotheca Buddhica. Чойджи-одсер также считается автором «Jirüken-ü tolta-yin tayilburi», и, как замечал Рерих, «вероятно, этим объясняется сообщение источников об усовершенствовании им монгольского письма» [10. С. 149].

Исследование тибетско-монгольских и монгольско-тибетских межязыковых связей

Рассматривая вклад Ю.Н. Рериха в монголоведение, следует отметить его работы, касающиеся проблемы межязыковых связей монгольского и тибетского языков [11–14]. Рерих относил первые монгольские контакты с Тибетом к XIII в. Первые переводы на монгольский с тибетского отличались тем, что заимствование из санскрита сводилось к минимуму. Тибетские буддийские философские и религиозные термины на монгольский язык переводились, а не включались в текст как заимствованные слова. В таком подходе к переводу сыграла свою роль традиция, заложенная ранними тибетскими переводчиками, которые приняли за правило именно перевод, а не заимствование иностранных слов.

Во второй половине XVI в., как отмечал Рерих, работа по переводу получила новый импульс, связанный с постройкой в Монголии большого монастырского комплекса Эрдени-дзу.

Далее в истории монгольской языка и литературы Рерих отмечает период, относящийся к XVII в., когда в южной Монголии произошло великое, на его взгляд, литературное возрождение и на монгольский язык был

переведен тибетский Канджур (1624), а в XVIII в. появилось его исправленное ксилографическое издание (1720). Благодаря длительной переводческой практике сложилась классическая форма монгольского языка. Нужно отметить, что, как и в тибетской культуре, монгольский литературный язык весьма отличался от монгольского разговорного, который, к тому же разветвлялся на множество диалектов, говоров и даже жаргонов.

Следующий исторический этап, по Рериху, был связан с бурным распространением монашества в Монголии во второй половине XVIII и в XIX в. Монгольские монахи начали массово отправляться учиться в тибетские монастыри. Возник особый монгольский монастырский говор, или жаргон. Рерих замечал: «с распространением знания тибетского языка, в монгольский вошли отдельные слова и даже целые выражения, используемые в повседневной речи, и это дошло до такой степени, что человеку, знающему разговорный монгольский, было трудно понять своего собеседника, говорящего на монастырском жаргоне, базирующемся на тибетских заимствованиях. Предложение может полностью состоять из тибетских слов, склоняемых и спрягаемых по-монгольски» [14. С. 76].

Рерих установил, что монгольское произношение тибетских слов опиралось на тибетский диалект восточно-тибетской области Кхам, в котором наблюдался переход велярных согласных в палатальные. Кроме того, Рерих заметил, что произношение тибетских слов в северной Монголии отличалось от произношения на юге Монголии главным образом в переходе тибетских консонантных дифтонгов. Он объяснял это особенностью распространения буддизма в Монголии в XVI–XVII вв., который проникал, с одной стороны, из Джунгарии, а, с другой, — из южной Монголии и Амдо.

Заимствованные тибетские слова, по его мнению, можно разделить на два класса, а именно: вошедшие в монгольскую речь собственно заимствованные слова и часто встречаемые в эпистолярном жанре тибетские выражения, которые переведены на монгольский язык.

На развитие монгольского языка также повлияло установление в конце XVII в. отношений между маньчжурским императором и монгольскими ханами. Возник особый эпистолярный стиль, в котором помимо тибетского начало прослеживаться китайское и маньчжурское влияние. Рерих замечал: «В монастырях и при дворах высоких церковных сановников влияние классического тибетского языка было преобладающим, и многие стандартные выражения, используемые в письмах, это просто перевод существующих тибетских почтительных выражений. В документах царских владений влияние маньчжурского и китайского было значительным на протяжении всего периода маньчжурского господства» [14. С. 76].

Таким образом, Рерих проследил исторические этапы формирования монгольского литературного языка, его тесную связь с переводческой работой тибетских буддийских текстов.

Ю.Н. Рерих в статье «Тибетские заимствованные слова в монгольском языке» [14] привел множество примеров проникновения тибетских слов в монгольский язык, а также рассмотрел особенности их произношения.

Свое исследование межязыковых связей Рерих дополнил исследованием монгольских слов в тибетском языке. Этой теме Рерих посвятил доклад «Монгольские заимствования в тибетском языке» («Тувэд хэлэнд орсон Монгол уг») [13], с которым выступил на Первом Международном конгрессе монголоведов, состоявшемся в Улан-Баторе в 1959 г., причем, как уже упоминалось, читал он его на монгольском языке.

Л. Хурэлбаттар отметил: «На Первом Международном съезде монголоведов-филологов, состоявшемся в 1959 году в Улан-Баторе, Ю.Н. Рерих сделал интересный доклад под названием „Монгольские заимствования в тибетском языке“». В одноименной статье Рерихом изучены монгольские слова, перешедшие в тибетский язык, и факт этого заимствования ученый связывал с периодом усиленного монгольского влияния в Тибете. Произношение таких слов в тибетском языке соответствует монгольской фонетике того времени, и это играет важную роль в реконструкции старого произношения. Например, встречающиеся в оригинальных тибетских сочинениях XIV и XV вв. слова „хаан“ (хан), „мэргэн“ (ученый) и другие, обозначающие чины и звания, часто отражают орфографию „Сокровенного сказания“ и памятников квадратного письма. А монгольское слово, обозначающее „врач“ и некоторые другие почти полностью вытеснили собственные тибетские слова» [15. С. 405].

Рассматривая вклад Ю.Н. Рериха в историю монголоведения, обязательно надо упомянуть его тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями [16]. Он явился первым многоязычным словарем тибетского языка подобного рода, причем его объем достаточно большой — около ста печатных листов.

Составлением словаря Рерих стал заниматься еще вначале своей научной карьеры в 1924 г. Основная работа над ним была завершена к 1935 г., но Рерих продолжал и дальше пополнять его словник. Словарь был подготовлен к публикации его учениками, тибетологами Ю.М. Парфионовичем и В.С. Дылыковой, уже после смерти ученого. Они же подготовили русский словник. Словарь издан в одиннадцати выпусках с 1983 по 1993 гг. [16].

Тибетско-русско-английский словарь Рериха высоко оценили в Монголии при работе над составлением тибетско-монгольских словарей. Монгольский тибетолог Д. Бурнээ отметила, что словарные статьи Рериха носят научный характер, отличаются краткостью и точностью в пояснении. Кроме того, они отвечают правилам современной лексикографии. В словнике имеется немало заимствований из монгольского языка.

Д. Бурнээ писала: «Мы при составлении нашего словаря взяли из словаря Рериха те пояснения, которые отсутствовали в других словарях. А таких

пояснений было немало. Так, например, только в словаре Рериха мы можем встретить грамматические пояснения и примеры к ним. <...> Если в наших традиционных тибетско-монгольских словарях явственно чувствуется авторское преклонение перед Буддой, подчас узко религиозное мировоззрение автора, то в словаре Рериха присутствует именно научный взгляд на те или иные понятия. Например, в наших словарях авторы-приверженцы буддизма собственное имя Гаравванчуг поясняют как „злой дьявол“ (монг. „чивэлт шуламс“). Рерих же, будучи глубоким знатоком буддизма, даёт научный комментарий: „Эпитет Камадевы, бога любви“» [17. С. 408].

Заключение

Для развития монголоведения и, в частности, истории монгольского языкознания работы Ю.Н. Рериха актуальны и значимы по настоящее время. Современные монголоведы не только изучают, но и используют их в своей научной работе.

Для установления событий биографии и вклада в развитие монгольской письменности выдающихся ученых лам Сакья-пандита и Чойджи-одсера Ю.Н. Рерих проанализировал монгольские и тибетские исторические хроники. Благодаря кропотливой исследовательской работе ему удалось установить дату рождения Чойджи-одсера и подтвердить предполагаемую дату его смерти. Рерих также установил, что в своей переводческой работе Чойджи-одсер использовал хорошо известный ему уйгурский алфавит и не создавал новое монгольское письмо. Вклад Чойджи-одсера в историю развития буддизма в Монголии Ю.Н. Рерих в своей статье «Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв.» характеризует как значительный, благодаря тем текстам, которые Чойджи-одсер сделал достоянием монгольского буддизма.

Значимость результатов исследований Ю.Н. Рериха в истории монголоведения признана ведущими монгольскими учеными.

Список литературы

1. Roerich G.N. Kun-mkhyen Chos-kyi hod-zer and the original of the Mongol alphabet // Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal Letters. 1945. Vol. 11. P. 52–58.
2. Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв // Филология и история монгольских народов: памяти акад. Б.Я. Владимирцова. М. : Изд-во вост. лит., 1958. С. 333–346.
3. Цендина А.Д., Андросов В.П. Сакья-пандита // Большая российская энциклопедия: в 35 томах / гл. ред. Ю.С. Осипов. М., 2015. Т. 29. С. 199–200. EDN: VXTEVB
4. Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись = Deb-ther sNgon-po: история буддизма в Тибете / пер. с тибет. Ю.Н. Рериха ; пер. с англ. О.В. Альбедилы, Е.Ю. Харьковской. СПб. : Евразия, 2001.
5. Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб. : тип. Акад. наук, 1900. С. 360–379.

6. Schmidt I.J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. Saint Petersburg, 1829.
7. Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1895/96 акад. году. Т. I. / записал и издал студент Х.П. Кристи. СПб. : Литогр. И. Трофимова, 1896. С. 193–194.
8. Перух Ю.Н. Кункхьен Чойджи-одсер и происхождение монгольской письменности // Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы / науч. ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара : Агни, 1999. С. 164–172.
9. Dās B.S.C. Life of Sum-Pa Khan-Po, also styled Yeśes-Dpal-hbyor, the author of the Rehumig (chronological table.) // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1889. Vol. 58. № II. 37–84.
10. Перух Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв // Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы / науч. ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара : Агни, 1999. С. 140–152.
11. Roerich G.N. Tibetan loan-words in Mongolian // Liebenthal Festschrift (Sino-Indian studies). 1957. Vol. 5. № 3/4. P. 174–180.
12. Roerich G.N. Tibetan loan-words in Mongolian // Избранные труды. М. : Наука, 1967. С. 248–254.
13. Перух Ю.Н. Монгольские заимствования в тибетском языке // Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. 2. Улан-Батор, 1961. Т. 2. С. 278–286.
14. Перух Ю.Н. Тибетские заимствованные слова в монгольском языке // Буддизм и культурное единство Азии. М. : МЦР, 2002. С. 75–81.
15. Хүрэлбатыр Л. Вклад Ю.Н. Рериха в монголоведение // Рерихи и Монголия : сб. ст. / отв. ред. Ш. Бира. Улан-Батор : Бемби сан, 2008. С. 404–406.
16. Перух Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. Вып. 1–11. М. : Наука, 1983–1993.
17. Бурнээ Д. Ю.Н. Рерих и тибетско-монгольская лексикография // Рерихи и Монголия : сб. ст. / отв. ред. Ш. Бира. Улан-Батор : Бемби сан, 2008. С. 406–409.

References

1. Roerich GN. Kun-mkhyen Chos-kyi hod-zer and the original of the Mongol alphabet. *Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal Letters*. 1945(11):52–58.
2. Roerich YuN. *Mongol-Tibetan relations in the XIII and XIV centuries. Philology and history of the Mongolian peoples: in memory of Academician B.Ya. Vladimirtsova*. Moscow: Izd-vo vost. lit. publ.; 1958:333–346. (In Russ.).
3. Tsendina AD, Androsov VP. Sakya-pandita. In: Osipov YuS, ed. *Great Russian Encyclopedia: in 35 volumes*. Moscow; 2015;(29):199–200. (In Russ.). EDN: VXTEVB
4. ‘Gos lo-tsa-ba gZhon-nu-dpal. *The Blue Annals Deb-ther sNgon-po. The History of Buddhism in Tibet, VI-XV cc*. Roerich GM, translated from Tibetan. Calcutta: Motilal banarsidass; 1949.
5. Pozdneev AM. *Mongolian anthology for initial teaching*. Saint Petersburg: Printing house of the Academy of Sciences; 1900:360–379. (In Russ.).
6. Schmidt IJ. *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus*. Saint Petersburg; 1829.
7. Christie HP, recorded and published. *Lectures on the history of Mongolian literature, given by ordinary professor of St. Petersburg University A.M. Pozdneev in 1895/96 academician year*. Vol. I. Saint Petersburg: Litogr. I. Trofimova; 1896:193–194. (In Russ.).
8. Roerich GN. Kunkhyen Choji-odser and the origin of Mongolian writing. In: Roerich G. In: Vorob’ova-Desyatovskaya MI, ed. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni; 1999:164–172. (In Russ.).

9. Dās BSC. Life of Sum-Pa Khan-Po, also styled Yeśes-Dpal-hbyor, the author of the Rehumig (chronological table.). *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1889;58(II), 37–84.
10. Roerich YuN. Mongol-Tibetan relations in the XIII and XIV centuries. In: Roerich G. In: Vorob'ova-Desyatovskaya MI, ed. *Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations*. Samara: Agni; 1999:140–152. (In Russ.).
11. Roerich GN. Tibetan loan-words in Mongolian. *Liebenthal Festschrift (Sino-Indian studies)*. 1957;5(3/4):174–180.
12. Roerich GN. *Selected Works*. Moscow: Nauka publ.; 1967:248–254. (In Russ.).
13. Roerich GN. Mongolian Loan words in Tibetan language. *Olon ulsyn mongol hel bichgijn erdemtnij anhdugaar ih hural*. 2. Ulan-Bator, 1961:278–286. (In Mong.).
14. Roerich GN. Tibetan Loan words in Mongolian language. In: Roerich GN. *Buddhism and Cultural Unity of Asia*. Moscow: MCR, 2002:75–81. (In Russ.).
15. Khurelbatar L. Contribution of Yu.N. Roerich in Mongolian studies. In: Bira Sh, ed. *Roerichs and Mongolia: collection of articles*. Ulaanbaatar: Bambi san; 2008: 404–406. (In Russ.).
16. Roerich G; Parfionovich Yu, Dylykova V, eds. *Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels*. Moscow: Nauka publ.; 1983–1993;(1–11). (In Russ.).
17. Burnee D. Yu.N. Roerich and Tibetan-Mongolian lexicography. In: Bira Sh, ed. *Roerichs and Mongolia: collection of articles*. Ulaanbaatar: Bambi san; 2008:406–409. (In Russ.).

Информация об авторе:

Шустова Алла Михайловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра Индийских исследований, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: ashustova@ivran.ru ORCID: 0000-0002-7130-1762. SPIN-код: 9589-1579.

Information about the author:

Alla M. Shustova — PhD (Philosophy), Senior Research Fellow of Center of Indian studies, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: ashustova@ivran.ru ORCID: 0000-0002-7130-1762. SPIN-code: 9589-1579.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-521-532

EDN: JNGPKZ

Научная статья / Research article

Итальянский фехтовальный трактат XVII в. Ридольфо Капо Ферро в собрании Государственной публичной исторической библиотеки России

Р.И. Уразбахтин

Государственная публичная историческая библиотека России, *Москва, Российская
Федерация*

Институт всеобщей истории Российской академии наук, *Москва, Российская
Федерация*

✉ ruslan.ruslan-95@yandex.ru

Аннотация. В последние три десятилетия набирает обороты изучение истории фехтовального искусства Европы. Основным типом источника здесь выступают пособия по фехтованию — трактаты, учебники и наставления рассматриваемого периода. Большая часть российских исследователей, интересующаяся историей европейских боевых искусств, изучает старинные фехтовальные трактаты и наставления по скан-копиям в сети Интернет. И не подозревает, что оригиналы таких изданий гораздо ближе. Действительно, в эпоху Средневековья и Раннего Нового времени в нашей стране подобные книги не издавались. Но европейские фехтовальные трактаты все же имеются в российских библиотеках. Так, в отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ России) в Москве был обнаружен оригинал трактата итальянского автора Ридольфо Капо Ферро «Великое представление искусства и применения фехтования» 1610 г. о бое на рапирах. Лаконично написанный и хорошо изданный, он пользовался относительным успехом — последующие итальянские мастера ссылались на него. Цель исследования — описание экземпляра этого трактата из ГПИБ России и выяснение пути его попадания в данное книжное собрание. Автор приходит к заключению, что, вероятнее всего, в апреле 1914 г. в Риме эту книгу купил Степан Павлович Рябушинский из известной семьи предпринимателей. После революции 1917 г. книга вместе с остальной конфискованной коллекцией оказалась в библиотеке Исторического музея, которая впоследствии стала отдельной Исторической библиотекой. Трактат имеет обложку начала XX в. и наклейку римского антикварного магазина К.Э. Раппопорта, где и был куплен. Трактат доступен для изучения в читальном зале отдела редких книг ГПИБ России.

Ключевые слова: рапира, Италия, Рябушинский, книжность

© Уразбахтин Р.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Автор выражает благодарность сотрудникам научно-просветительского отдела и отдела редких книг ГПИБ России, лично Михаилу Борисовичу Башмакову, Любове Борисовне Шицковой, а также Александру Александровичу Вярсу за всемерную помощь при проведении настоящего исследования. Также автор выражает огромную благодарность сеньору Бернару Сикомбу, без которого достигнутые результаты были бы невозможны.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.01.2025; принята к публикации 16.06.2025.

Для цитирования: *Уразбахтин Р.И.* Итальянский фехтовальный трактат XVII в. Ридольфо Капо Ферро в собрании Государственной публичной исторической библиотеки России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 521–532. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-521-532> EDN: JNGPKZ

XVII century Italian fencing treatise by Rudolpho Capo Ferro in the collection of the State Public Historical library's of Russia

Ruslan I. Urazbakhtin

State Public Historical Library of Russia, *Moscow, Russian Federation*

Institute of World history, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ ruslan.ruslan-95@yandex.ru

Abstract. In three recent decades, the study of the history of European fencing art has been gaining momentum among historians. The main type of source in this area of research are fencing manuals — treatises, textbooks and manuals of the period under consideration. Most of Russian researchers, interested in the history of European martial arts, study fencing treatises of the past by scans in the Internet. And does not suspect that the originals of such editions are much closer. Indeed, in the Middle Ages and Early Modern times such books were not published in Russia. But European fencing treatises are still available in Russian libraries. Thus, in the Rare Books Department of the State Public Historical Library of Russia in Moscow was found the original work of the Italian author Ridolfo Capo Ferro da Cagli “The Great Presentation of the Art and Application of Fencing” of 1610 about fencing on rapiers. Succinctly written and well-published, it enjoyed relative success — subsequent Italian masters referred to it. The purpose of study is to describe a copy of this treatise from the State Public Historical Library of Russia and to clarify how it came to be in this book collection. The conclusions of the study are as follows: the treatise has an early XX century cover and a sticker of the Roman antique shop of C.E. Rappoport, where it was purchased. We connected with this family shop, specifically with senior Bernard Seacombe, grandson of Carl Ewald Rappoport. He provided us with a photo of his grandfather’s catalogue, where it was written as follows: in April 1914 in Rome this book was bought by Stepan Pavlovich Ryabushinsky from a famous family of industrialists, bankers and philanthropists Ryabushinsky. After the Russian revolution of 1917, the book, together with the rest of Stepan Riabuschinsky’s confiscated collection, was transferred to the library of the

State Historical Museum of Russia. In 1934 this library became a separate State Public Historical Library (SPHL of Russia). Nowadays the treatise is available for study in the reading room of the Rare Book Department of the Library.

Keywords: Italy, rapiers, Historical European martial arts, Cappel Ferro, Ryabushinsky, literacy

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the staff of the Department of Research and Education and the Department of Rare Books of the State Historical Public Library of Russia, personally to Mikhail Borisovich Bashmakov, Lyubov Borisovna Shitskova, and also to Alexander Alexandrovich Vyars for their comprehensive assistance in this research. The author also expresses gratitude to Señor Bernard Sicombe, without whom the results achieved would not have been possible.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 15.01.2025; accepted 16.06.2025.

For citation: Urazbakhtin R.I. XVII century Italian fencing treatise by Rudolpho Capo Ferro in the collection of the State Public Historical library's of Russia. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):521–532. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-521-532> EDN: JNGPKZ

Введение

Среди исторических исследований особняком стоит изучение истории боевых искусств и, в частности, фехтовального. К 2025 г. об истории европейского фехтования вышло немалое количество работ как в российской историографии [1; 2], так и в зарубежной [3; 4]. Переводятся и публикуются исторические источники [5; 6], издается специализированный рецензируемый журнал¹, и была защищена диссертация [7]. Изучается довольно широкий круг вопросов — от самих техник фехтования и до социальной истории фехтовальных сообществ.

Одно из основных направлений исследований — изучение фехтования на рапирах в Западной Европе в Раннее Новое время и особенно в итальянских государствах. Важность этой темы связана с тем, что именно итальянцы в тот период заложили основы фехтовального искусства, живущего и сейчас в виде спортивного фехтования. Именно в Италии в течение XVI–XVII вв. появляются такие знакомые любому современному фехтовальщику термины, как выпад, темп, дистанция (мера), финт, парад и рипост и другие. Тогда же появляется нумерация позиций и линий вместо средневековых названий.

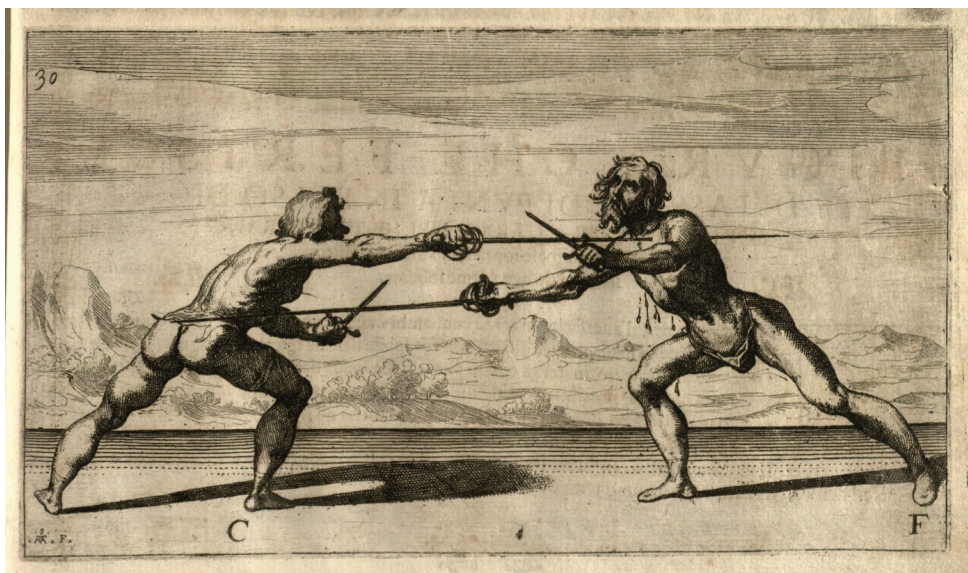
Основным типом текстового источника для изучения истории фехтовального искусства является фехтовальный трактат — учебник. В Европе подобные книги начинают появляться как минимум с начала XIV в. В России они появляются существенно позже — в XVIII в., а первый учебник, написанный уроженцем России, и вовсе вышел в свет в эпоху Николая I [8].

¹ Acta Periodica Duellatorum. URL: <https://bop.unibe.ch/apd> (дата обращения: 02.03.2025).

Фактически отсутствуют исследования сохранившихся экземпляров фехтовальных трактатов как книг. Малоизученными остаются вопросы о том, какой путь эти трактаты проделали от издательства до нынешних библиотек, кто их покупал и читал тогда, а кто и зачем коллекционировал потом.

Значительная часть трактатов периода Средних веков и Раннего Нового времени хранятся в библиотеках и архивах зарубежных государств. Однако и в российских библиотеках есть подобные книги. Некоторая их часть была представлена на популярной выставке в музеях Московского Кремля «Дуэль. От божьего суда до благородного преступления» и в ее каталоге².

В отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России (г. Москва) нами был найден печатный экземпляр трактата 1610 г. Ридольфо Капо Ферро да Кальи под названием «Gran Simulacro dell'Arte e dell'Uso della Scherma = Великое представление искусства и применения фехтования», изданного в типографии Салвестро Марчетти и Камилло Тури в Сиене в 1610 г. Иллюстратором выступил гравёр Рафаэль Счьяморосси (рис. 1). Впоследствии трактат переиздавался в 1629, 1632, 1652 гг., правда, в значительно сокращенном виде, но с иллюстрациями, раскрашенными акварелью.

Рис. 1. Одна из гравюр Рафаэля Счьяморосси, выполненная для фехтовального трактата Ридольфо Капо Ферро да Кальи «Великое представление искусства и применения фехтования». ГПИБ России
Источник: фото Р.И. Уразбахтина.

Figure 1. One of engraving by Rafael Schiamirossi for the Capo Ferro's treatise "The Great Presentation of the Art and Application of Fencing". State Historical Public Library of Russia
Source: photo by Ruslan I. Urazbakhtin.

² Дуэль. От божьего суда до благородного преступления : материалы выставки, Музеи Московского Кремля, 3 марта — 16 июня 2022 г. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Моск. Кремль» ; ред.-сост. Л. Ковальчук и др. М. : Московский Кремль, 2022. 243 с.

Ридольфо Капо Ферро из Кальи

Об авторе, как водится, мало что известно. «Капо Ферро» вполне может быть не фамилией, а прозвищем, означавшим «Железная голова». Исходя из окончания его имени, можно предположить, что родился он в городе Кальи, герцогство Урбино. Большую часть жизни провел в г. Сиена, Тоскана. Трактат был посвящен урбинскому принцу, а затем герцогу Федерико Убальдо делла Ровере (1605–1623). Сам Капо Ферро называет себя «мастером великой германской нации», что, возможно, говорит о том, что он преподавал для германских студентов в Сиенском университете, где, как было принято в университетах того времени, студенты делились на «нации»³.

О трактате в целом

Трактат состоит из краткого введения и двух частей. Первая часть — «Искусство фехтования» — носит теоретический характер: автор рассуждает о фехтовании вообще, о теле, об идеальной длине оружия, о дистанции (мере) и темпе, об ударах вообще. Вторая часть — «Применение фехтования» — состоит из множества коротких заметок с детальными иллюстрациями. Капо Ферро описывает четыре основные позиции в рапирном фехтовании и основные техники: выпад, укол, удар, захват, перевод, финт, укол «с оппозицией» — одновременный укол и защита. В целом, однотемповым (одновременным) действиям Капо Ферро отдает предпочтение перед разделенными защитой и ответным уколом. Поэтому большое внимание автор уделяет фехтованию на парном оружии — рапире с кинжалом, плащом или щитом. Их наличие облегчало задачу одновременного укола и защиты.

Тактику поединка автор излагает по принципу: «Фехтовальщик А выполняет прием против фехтовальщика В и побеждает. Если бы В был умным, он бы выполнил контрприем. На это А мог бы ответить своим контрприемом». Порой предлагает несколько вариантов ответа на одно и то же действие противника.

Книга Капо Ферро не была новаторской, и автор не претендовал на какие-либо открытия в области фехтования. Тем не менее, она была кратко и внятно написана и хорошо издана. Об определенном успехе трактата свидетельствует, помимо переизданий, тот факт, что последующие авторы ссылались на Капо Ферро в своих книгах [9]. Оставался известен этот мастер и в XIX в.: его труд высоко оценивает пионер истории фехтования Эгертон Кастл [10].

³ Уваров П.Ю. Университет // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2007. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/medieval-culture/articles/99/universitet.htm> (дата обращения: 02.02.2025). EDN: QPHIBH

Характеристика российского экземпляра

Однако данная статья посвящена именно российскому экземпляру трактата. Благодаря тому, что оцифровано сразу несколько экземпляров данного издания из европейских библиотек, мы можем сравнить с ними российский экземпляр⁴.

Издание имеет альбомную ориентацию и формат in quarto. Переплет и обложка явно более поздние, XIX — начала XX в. Также, как и форзадные листы. На обороте передней обложки, в углу, имеется небольшой наклеенный экслибрис с надписью (рис. 2).

Рис. 2. Экслибрис на обороте передней обложки трактата Ридольфо Капо Ферро да Кальи «Великое представление искусства и применения фехтования». ГПИБ России
Источник: фото автора Р.И. Уразбахтина.

Figure 2. Exlibris in the corner of the turn-in of front board of the Capo Ferro's treatise "The Great Presentation of the Art and Application of Fencing". State Historical Public Library of Russia.
Source: photo by Ruslan I. Urazbakhtin

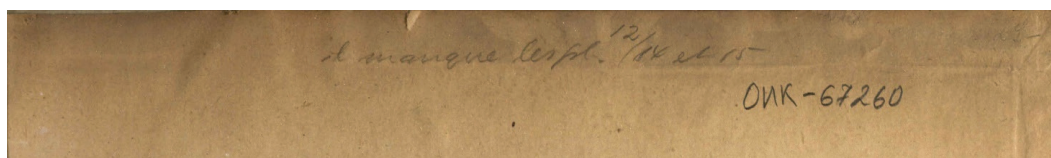
На том же обороте обложки карандашом подписан библиотечный шифр ОИК 8⁰-2986⁵. На форзадном листе имеется синего цвета круглая печать с надписью «Библиотека исторического музея 10163». Листы до страницы 40 очень тонкие, на одном даже имеется дырка от пальца. Местами есть заклеенные разрывы. Между двумя страницами была обнаружена мертвая муха.

На нахзаце (рис. 3) карандашом написано по-французски «il manque le...pl 12/14 et 15», что означает ««Отсутствуют иллюстрации 12/14 и 15». Действительно, иллюстраций с этими номерами в этом экземпляре книги нет. Затем подписан библиотечный шифр ОИК-67260.

⁴ Gran Simulacro dell'Arte e dell'Uso della Scherma (Ridolfo Capo Ferro da Cagli) // Wiktenauer. URL: [https://wiktenauer.com/wiki/Gran_Simulacro_dell%27Arte_e_dell%27Uso_della_Scherma_\(Ridolfo_Capo_Ferro_da_Cagli\)](https://wiktenauer.com/wiki/Gran_Simulacro_dell%27Arte_e_dell%27Uso_della_Scherma_(Ridolfo_Capo_Ferro_da_Cagli)) (дата обращения: 20.10.2025 г.).

⁵ Отдел истории книги (ОИК) — бывшее название отдела редких книг ГПИБ России.

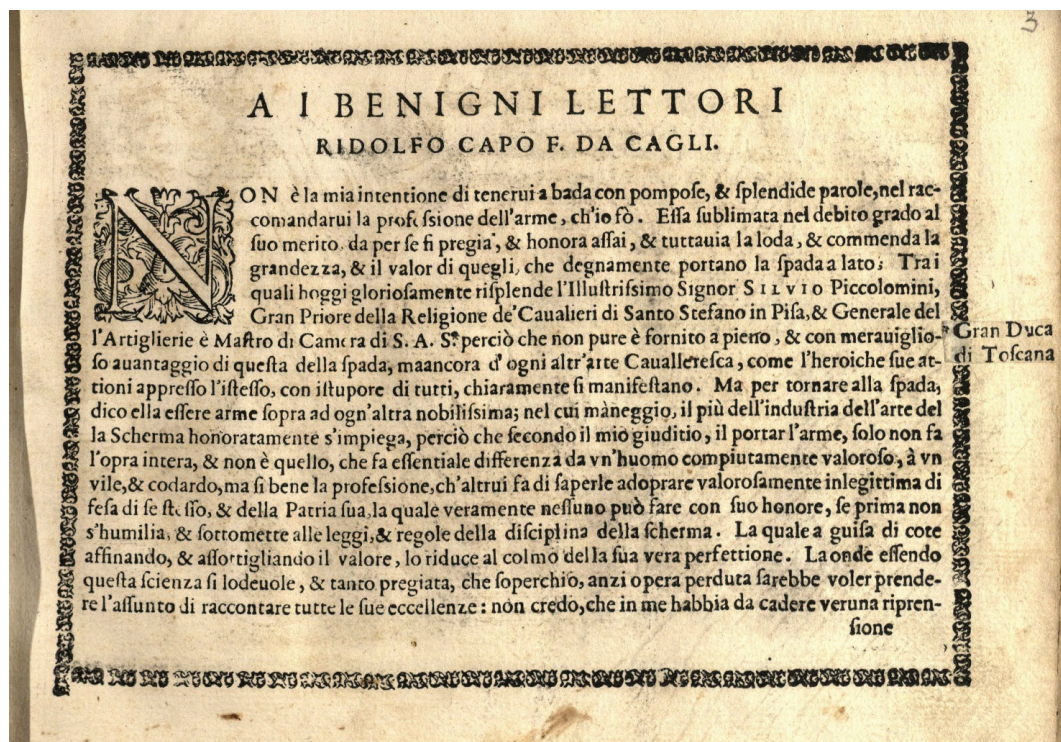

Рис. 3. Позднейший нахзац трактата Ридольфо Капо Ферро да Кальи «Великое представление искусства и применения фехтования» с надписями карандашом. ГПИБ России
Источник: фото Р.И. Уразбахтина.

Figure 3. A later nachsatz with pencil inscriptions in French and Russian. The upper one means “Ill. 12, 14 and 15 are absent”. The lower one means “Department of Book History” — the former title of the Department of Rare Books of the State Historical Public library. The Capo Ferro’s treatise “The Great Presentation of the Art and Application of Fencing”. State Public Historical Library of Russia
Source: photo by Ruslan I. Urazbakhtin.

На третьей странице текста (рис. 4.), где расположено обращение к читателю, имеется наклейка с надписью «Gran Duca di Toscana», что означает «Великий Герцог Тосканский». На момент публикации книги в 1610 г. им был Козимо II Медичи (1590–1621 гг.). На сканах других экземпляров из европейских библиотек такой наклейки нет.

Рис. 4. Третья страница трактата Ридольфо Капо Ферро да Кальи «Великое представление искусства и применения фехтования» с наклеенной сноской. ГПИБ России
Источник: фото Р.И. Уразбахтина.

Figure 4. The third page with a stucked note, which is absent on other copies of the treatise. The Capo Ferro’s treatise “The Great Presentation of the Art and Application of Fencing”. State Historical Public Library of Russia
Source: photo by Ruslan I. Urazbakhtin.

Не сразу мы обратили внимание на знак «*» на самой наклейке и на точно такой же — в тексте. Т.е. это — сноска, сделанная уже после того, как трактат был напечатан. Любопытно, что в тексте такая же «звездочка» есть и в других экземплярах трактата, но наклеек с самой сноской там нет.

Что эта сноска означает? В тексте речь идет о «Сильвио Пикколомини, великом приоре ордена Санто-Стефано и Генерале артиллерии Его Светлости*». Очевидно, что должно быть «Его Светлости Великого герцога Тосканского».

Полководец Сильвио Пикколомини, выходец из известной итальянской фамилии, преподавал совсем молодому Козимо II военное дело. В тексте Капо Ферро ставит его в пример читателю как человека, «кто поразительно владеет мечом и всеми другими благородными искусстваами».

Отсутствующая на европейских экземплярах наклеенная сноска позволяет несколько дополнить перевод текста.

История российского экземпляра

Наконец, перейдем к главному вопросу исследования. Как эта книга оказалась в России, в Исторической библиотеке?

В отдел редких книг она попала из отдела книгохранения в 1998 г., а туда попала из библиотеки Государственного Исторического музея (ГИМ) при образовании ГПИБ в 1934 г. Отсюда и печать Исторического музея на обороте передней обложки. Но как эта книга попала в ГИМ?

Путеводной нитью к ответу на этот вопрос ожидаемо стал небольшой наклеенный экслибрис на передней обложке книги «С.Е. RAPPAPORT Librairie ancienne Rome». Раппапорт — как очевидно, фамилия владельца магазина. Вторая часть по-французски означает «Антикварный книжный магазин. Рим». Этот экслибрис имеется в каталоге итальянских владельцев книг библиотеки Марциана⁶.

На сайте магазина указано, что он был основан в Риме в 1906 г. Карлом Эвальдом Раппапортом, имевшим к тому моменту десятилетний опыт работы в подобных магазинах в Германии⁷. Его дело продолжили дочь Элизабет Сикомб и внук Бернард Сикомб. Но, по информации Google, не так давно магазин был «закрыт навсегда».

В «Контактах» была указана электронная почта последнего владельца. Без всякой надежды на ответ мы написали туда. И сеньор Бернард Сикомб ответил! Он сообщил, что интересующий нас трактат был заново переплетен в феврале 1914 г., и в апреле того же продан. Но кому?

⁶ L'Archivio dei possessori. URL: <https://archiviopossessori.it/archivio/1927-libreria-antiquaria-c-e-rappaport> (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Libreria Antiquaria C.E. RAPPAPORT. URL: <https://www.rappaport.it/> (дата обращения: 02.02.2025).

У сеньора Сикомба сохранился каталог деда, куда от руки кропотливо были записаны данные обо всех продажах. Есть графа и о трактате Капо Ферро⁸. То, что это именно наш трактат, доказывает наличие записи об отсутствии в книге рисунков под номерами 12, 14 и 15 — точно, как в экземпляре Исторической библиотеки.

Итак, согласно журналу продаж сеньора Сикомба, в апреле 1914 г. за 65 швейцарских франков трактат Капо Ферро купил некто...*Riabuschinskiy*.

Рябушинские — династия российских предпринимателей, банкиров и меценатов из числа старообрядцев. Первоначально занимались текстильной промышленностью. У Павла Михайловича Рябушинского (1820–1899) было 8 сыновей, почти все они были известными коллекционерами книг [11].

В ГПИБ России хранится собрание только одного из средних братьев, Степана Павловича (1874–1942)⁹, и книга, вероятно, принадлежала ему. Вероятность этого повышает и тот факт, что после 1917 г. он иммигрировал в Италию — в отличие от братьев, уехавших в другие страны. Однако точно на данный момент утверждать нельзя, среди актов документов Государственного музейного фонда, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), упоминаний изучаемой книги не обнаружено¹⁰, как и среди писем Рябушинских, хранящихся в архиве Дома Русского зарубежья¹¹.

До Революции Степан Павлович заведовал торговой частью товарищества мануфактур «П.М. Рябушинский с сыновьями» и был совладельцем банковского дома братьев Рябушинских. В 1916 стал соучредителем завода автомобильного Московского общества, будущего знаменитого ЗИЛ. Председатель Совета и попечитель старообрядческой общины Рогожского кладбища в Москве. Многие сделал для сохранения памятников истории старообрядцев. Почетный археолог, попечитель и преподаватель техники иконописи в Московском археологическом институте (ныне кафедра археологии Исторического факультета МГУ). Умер в Милане. Особняк Степана Рябушинского на Малой Никитской улице сохранился до сих пор [12. Р. 292–296.].

⁸ Помимо этого, в соседней графе значится другой известный итальянский фехтовальный трактат того периода — «О фехтовании, или науке об оружии» Сальватора Фабриса 1606 г. Он был продан не в Россию.

⁹ Экслибрисы и штампы частных коллекций в фондах Исторической библиотеки : каталог / Гос. публич. ист. б-ка России ; составитель В.В. Кожухова ; ред. М.Д. Афанасьев, А.А. Вярс. Вып. 2. М. : Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России (ГПИБ), 2015. С. 105.

¹⁰ Центральное хранилище Государственного музейного фонда Главнауки Наркомпроса РСФСР (Москва, 1922–1929) // РГАЛИ. Ф. 686.

¹¹ Рябушинский Николай Павлович (1877–1951) — меценат, живописец, коллекционер // ДРЗ. Ф. 51.; Рябушинский Павел Павлович (1871–1924) — предприниматель, банкир, старообрядец // РГАЛИ. Ф. 54.

Коллекционировал Степан Павлович в первую очередь иконы. Его собрание считалось одним из лучших, и некоторая часть икон сейчас хранится в Третьяковской галерее. А книжная его коллекция оказалась после революции 1917 г. в библиотеке Исторического музея, которая стала затем Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР¹².

На суперэкслибрисах большинства его книг написано «С.П. Рябушинский» на нижней части корешков книг. Однако на нашем трактате суперэкслибриса нет. Можно предположить, начавшаяся вскоре Первая Мировая война, а затем Революция, помешали Рябушинскому заняться книгой.

Покупка недешево ему обошлась — 65 швейцарских франков, самая дорогая книга на этой странице каталога. Для сравнения, трактат «La Mageschalerie» за авторством Лора Рюзе того же 1610 г. продавался в том же каталоге за 15 швейцарских франков. Пока что невыясненным остается вопрос, была ли это единственная покупка Рябушинского в магазине.

Заключение

Итак, подведем итоги. Нам удалось выяснить, что фехтовальный трактат итальянского автора XVII в. Капо Ферро попал в Россию следующим образом. В апреле 1914 г. некто Рябушинский купил эту книгу в магазине антикварной книги К.Э. Раппопорта и привез в Москву. Скорее всего это был Степан Павлович Рябушинский, неоднократно бывавший в Италии. За два месяца до этого книгу заново переплели с новой обложкой. После октября 1917 г. Рябушинские эмигрировали в Европу. Книжное собрание Степана Павловича было национализировано и передано в библиотеку Исторического музея, которая в 1934 г. стала Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР.

Остается совершенно неизвестной история этого экземпляра трактата до попадания в Россию. На данный момент мы не знаем, кому принадлежала эта книга на протяжении трех столетий после издания — XVII–XIX вв. Внук продавца Б. Сикомб не смог нам сообщить, как книга попала к его дедушке.

Непонятно и то, с какой целью Рябушинский ее приобрел. В сообществе любителей фехтования он не отметился, и всеядным собирателем книг, как А.П. Бахрушин, он не был. Этот вопрос остается предметом дальнейших изысканий.

¹² Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах Исторической библиотеки : каталог / Гос. публич. ист. б-ка России ; составитель В.В. Кожухова ; ред. М.Д. Афанасьев, А.А. Вярс. Вып. 2. С. 106.

Список литературы

1. Асламов Н.Е. Искусство Солнца: фехтование на мечах в германских землях XIV–XVII вв. Ярославль : Академия 76, 2023. 162 с.
2. Самгин С.В. Фехтование в Русской императорской армии в XVIII–XIX веках: длинноклинковое оружие. М., 2019. 166 с.
3. Jaquet D. *Combattre au Moyen Âge. Une histoire des arts martiaux en Occident XIVe–XVIe*. Paris : Arkhé, 2020. 200 p. <https://doi.org/10.3917/rma.263.0559zi>
4. Lodà F. *Historical Fencing Manual : Rapier-Fencing in the XVII–XVIII c.* Wheathon : Freelance Academy press, 2019. 140 p.
5. Либери дelli Фиоре. Цветок битвы. Боевое искусство средневековой Европы / сост. В.Е. Сеничев. М. : Вече, 2022. 303 с.
6. Giganti N. The “Lost” Second Book of Nicoletto Giganti (1608): A Rapier Fencing Treatise / ed. by P. Terminello, J. Pendragon. Lutterworth : Vulpes, 2013. 170 p.
7. Ijäs A. *Study of the Language and Genre of Royal Armouries MS I.33 : Dissertation*. Helsinki, 2022. URL: <https://helda.helsinki.fi/items/e91439c3-6354-4bd8-9203-8df6aaa0d196> (дата обращения: 02.03.2025).
8. Соколов Н.В. Начертание правил фехтовального искусства: с рисунками : в пяти частях. СПб., 1843. 74 с.
9. Alfieri F.F. *La Scherma*. Padua : Sebastiano Sardi, 1640.
10. Castle E. *Schools and Masters of Fence: From the Middle Ages to the Eighteenth Century*. London : George Bell & sons, 1892. 356 p.
11. Петров Ю.А. Династия Рябушинских : книга-альбом. М. : Рус. Кн., 1997. 200 с.
12. Полунина Н.М., Фролов А.И. Коллекционеры старой Москвы : биографический словарь. М. : Независимая газета, 1997. 528 с.

References

1. Aslamov NE. *Iskusstvo Solntsa: fekhovanie na mechakh v germanskikh zemlyakh XIV–XVII vv.* [The Art of the Sun: swordsmanship in German lands during XIV–XVII cc.]. Yaroslavl : Akademiya 76 publ.; 2023. (In Russ.).
2. Samgin SV. *Fekhtovanie v Russkoi imperatorskoi armii v XVIII–XIX vekakh: dlinnoklinkovoe oruzhie* [Fencing in the Imperial Russian Army during XVIII–XIX cc.: Long-bladed weapons]. Moscow; 2019. (In Russ.).
3. Jaquet D. *Combattre au Moyen Âge. Une histoire des arts martiaux en Occident XIVe–XVIe*. Paris: Arkhé; 2020. <https://doi.org/10.3917/rma.263.0559zi>
4. Lodà F. *Historical Fencing Manual: Rapier-Fencing in the XVII–XVIII c.* Wheathon: Freelance Academy press; 2019.
5. Liberi delli Fiore. *Tsvetok bitvy. Boevoe iskusstvo srednevekovoi Evropy* [Flower of Battles. Medieval martial art]. Moscow: Veche publ.; 2022. (In Russ.).
6. Giganti N, Terminello P, Pendragon J, eds. *The “Lost” Second Book of Nicoletto Giganti (1608): A Rapier Fencing Treatise*. Lutterworth: Vulpes; 2013.
7. Ijäs A. *Study of the Language and Genre of Royal Armouries MS I.33*. [Dissertation]. Helsinki; 2022. Available from: <https://helda.helsinki.fi/items/e91439c3-6354-4bd8-9203-8df6aaa0d196> [Accessed: 02 February 2025].
8. Sokolov NV. *Nachertanie pravil fekhtoval'nogo iskusstva: s risunkami : v pyati chastyakh* [Outline of the rules of fencing: with drawings: in five parts]. Saint Petersburg; 1843. (In Russ.).
9. Alfieri FF. *La Scherma*. Padua: Sebastiano Sardi; 1640.
10. Castle E. *Schools and Masters of Fence: From the Middle Ages to the Eighteenth Century*. London: George Bell & sons; 1892.
11. Petrov YA. *Dinastiya Ryabushinskikh : kniga-al'bom* [Ryabushinsky dynasty: Book-album]. Moscow: Russkaya Kniga publ.; 1997. (In Russ.).

12. Polunin NM, Frolov AI. *Kollektsionery staroi Moskvy : biograficheskii slovar'*. [Collectors of old Moscow. Biographical dictionary]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta publ.; 1997. (In Russ.).

Информация об авторе:

Уразбахтин Руслан Ильдарович — научный сотрудник, Государственная публичная историческая библиотека России, Российская Федерация, 01990, Москва, Старосадский пер., д. 9, с. 1; аспирант, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, д. 32а, e-mail: ruslan.ruslan-95@yandex.ru ORCID: 0000-0002-2669-7008. SPIN-код: 7034-5730.

Information about the author:

Ruslan I. Urazbakhtin — Research Fellow, State Public Historical Library of Russia, 9 Starosadsky alley, bldg. 1, Moscow, 101990, Russian Federation; Postgraduate Student, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation, e-mail: ruslan.ruslan-95@yandex.ru ORCID: 0000-0002-2669-7008. SPIN-code: 7034-5730.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА RELIGION AND CULTURE

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-533-550

EDN: JLYPSS

Научная статья / Research article

Корейское религиозное движение Тэсун чинрихо: проект земного рая и методы его достижения

Ю.Г. Смертин

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ my@jusmertin.ru

Аннотация. Тэсун чинрихо (кор. 대순진리회) является одной из многих новых религиозных организаций, возникших в Корее во второй половине XIX — первой половине XX в. как альтернатива традиционным религиозно-философским учениям (буддизму, даосизму, конфуцианству) и насаждаемому западному христианству. Некоторые из них не вышли за рамки замкнутых сообществ, в то же время организация Тэсун чинрихо, опиравшаяся на богатые традиции интеллектуального и социального сопротивления властям и экспансии Запада, смогла не только выжить в современном мире, но и стать успешной и самой быстрорастущей в Республике Корея. Цель исследования состоит в анализе идейных корней Тэсун чинрихо, основополагающих аспектов религиозной доктрины движения и его современного состояния. Основным источником для изучения вероучения, принципов и целей Тэсун чинрихо — каноническое произведение «Чонгён», опубликованное впервые в 1929 г. и представляющее собой запись деяний Кан Чынсана, ставшего, согласно религиозной догме, земным воплощением Верховного бога Санчже и в этом качестве приступившего к переустройству Вселенной. «Чонгён» состоит из нескольких разделов, написанных на *ханча* (корейская письменность, основанная на китайских иероглифах) и описывающих жизнь и чудеса Кан Чынсана в конкретных жизненных ситуациях. Другой источник — «Конституция Дао» — представляет собой перечень прав, обязанностей и правил поведения членов организации, описывает ее внутреннюю структуру и систему руководства. В российской историографии нет академических работ, посвященных исследуемой теме. Автор опирался на труды корейских и западных исследователей, в той или иной степени освещавших историю создания и деятельности Тэсун чинрихо. Выводы данного исследования заключаются в том, что популярность

© Смертин Ю.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

учения Тэсун основана на апелляции к идеям и образам традиционных для Кореи религий, ставших частью национального менталитета, и включенностью организации в современную национальную и мировую повестку.

Ключевые слова: новые корейские религии, Тонхак, Чынсандо, Санчже, Кан Чынсан, Чо Чынсан, Пак Удан

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 09.03.2025; принята к публикации 22.06.2025.

Для цитирования: *Смертин Ю.Г.* Корейское религиозное движение Тэсун чинрихо: проект земного рая и методы его достижения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 533–550. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-533-550> EDN: JLYPSS

The Korean religious movement Daesoong jinrihoe: the project of earthly paradise and methods of achieving it

Yuri G. Smertin

Kuban State University, *Krasnodar, Russian Federation*

✉ my@jusmertin.ru

Abstract. Daesoong Jinrihoe (Korean: 대순진리회) is one of many new religious organizations that emerged in Korea in the second half of the 19th — first half of the 20th century as an alternative to traditional religious and philosophical teachings (Buddhism, Taoism, Confucianism) and imposed Western Christianity. Some of them did not go beyond the closed communities, while the Daesoong Jinrihoe organization, relying on rich traditions of intellectual and social resistance to the authorities and expansion of the West, was able not only to survive in the modern world, but also to become successful and the fastest growing in the Republic of Korea. The purpose of the study is to analyze the ideological roots of Daesoong Jinrihoe, the fundamental aspects of the religious doctrine of the movement and its current state. The main source for studying the doctrine, principles and goals of Daesoong Jinrihoe is the canonical work “Jeongyeong”, first published in 1929 and representing a record of the deeds of Kang Jeungsan, who became, according to religious dogma, the earthly incarnation of the Supreme God Sangje and in this capacity began to reorganize the Universe. “Jeongyeong” consists of several sections written in hanja (Korean writing based on Chinese characters) and describing the life and miracles of Kang Jeungsan in specific life situations. Another source — “The Constitution of Dao” is a list of rights, duties and rules of conduct for members of the organization, describes its internal structure and management system. In domestic historiography there are no academic works devoted to the topic under study. The author relied on the works of Korean and Western researchers, who to one degree or another covered the history of the creation and activities of Daesoong Jinrihoe. The conclusions of this study are that the popularity of the Daesoong teaching is based on its appeal to the ideas and images of traditional Korean religions that have become part of the national mentality, and the inclusion of the organization in the modern national and world agenda.

Keywords: new Korean religions, Donghak, Jeungsando, Sangje, Kang Jeungsan, Cho Jeungsan, Park Wudang

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 09.03.2025. Accepted: 22.06.2025.

For citation: Smertin YuG. The Korean religious movement Daesoong Jinrihoe: the project of earthly paradise and methods of achieving it. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):533–550. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-533-550> EDN: JLYPSS

Введение

У истоков нетрадиционных корейских культов, или так называемых новых корейских религий, возникших во второй половине XIX — начале XX в., в т.ч. и Тэсун чинрихо (Братство истины Тэсун), стоит Чхве Чжеу (1824–1864), выходец из семьи обедневшего янбана (дворянина), жившего в селении Ёндам (провинция Кёнсан). Он получил какое-то домашнее конфуцианское образование, но рано лишившись отца, был вынужден заняться торговлей. Эта деятельность предполагала постоянные путешествия по стране и знакомство с людьми из разных слоев общества. Видимо, действительность показалась ему весьма мрачной, так он ушел в горы Янсан, где провел три года в уединении. В 1859 г. Чхве Чжеу возвращается в родные места и сообщает об откровении, полученным им от Высшего (Небесного) бога Санчже (кит. *Шанди* — верховное божество в древнекитайской мифологии), поручившего ему распространять добродетель среди всех людей ради их спасения.

В 1860 г. Чхве Чжеу начал проповедовать в родной деревне новое учение, получившее название «Тонхак» («Восточное учение»). Вскоре оно быстро распространилось в южных провинциях Кореи, переживавшей во времена династии Чосон в очередной раз трудные времена. Борьба влиятельных кланов за власть в государстве сопровождалась репрессиями и казнями соперников. Происходила поляризация между ортодоксальными конфуцианскими учеными — приверженцами ригористического неоконфуцианства в изложении Чжу Си (1130–1200), ставшего государственной идеологией, и конфуцианцами-реформаторами, считавшими чжусианство оторванным от политических и экономических реалий страны и стремившимися изменить все стороны жизни корейского общества на пути модернизации.

Крестьянство было разорено постоянно повышавшимися налогами, значительную часть которых присваивало местное чиновничество, а то, что поступало в казну, растрачивалось власть предержащими. Крестьянские восстания под лозунгом справедливости становились все более многочисленными и разрушительными¹. Государство поводило политику «закрытия»

¹ Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. С. 293–294.

страны от внешних влияний, но западные державы не оставляли попыток установить с Кореей неравноправные торговые отношения. В то же время довольно широкое распространение среди образованного сословия и простого народа приобрело насаждаемое католическими миссионерами христианство, получившее корейское название «Сохак» («Западное учение»). Все это создавало благоприятную почву для возникновения новых религиозных движений. Многие из них возникли для удовлетворения духовных потребностей людей, осознавших бессилие их традиционных религий и стремящихся преодолеть трудности сложившейся ситуации [1. С. 2]. Среди них наиболее популярным было вероучение Тонхак («Восточное учение») в силу его ориентации на широкие народные массы, далекие от конфуцианской образованности и христианской ортодоксии, запрещавшей культ предков. Его основателем стал Чхве Чжеу.

«Восточное учение» в условиях социальной и политической турбулентности

Основы учения Чхве Чжеу изложены в книгах *«Тонгён тэчжон»* («Великий свод Восточного канона») и *«Ёндам юса»* («Оставшиеся речи [из селения] Ёндам»), подготовленные его учеником Чхве Синхёном на основе проповедей основателя учения. Из них следует, что в основе Тонхака лежала идея об изначальной взаимосвязи и даже тождестве человека и божественных Небес. Однако мирские дела, стремление к богатству разрушают эту связь, лишают человека его небесной сущности и способности познать истину. Поэтому люди должны следовать Небесному пути (*Чхондо*) и Небесной добродетели» (*Чхондок*), что предполагало равенство всех людей, независимо от возраста и пола, любовь к ним, ценность каждой жизни. Достигнуть такого идеального состояния личности и общества можно на пути нравственного самосовершенствования каждого человека, что приведет к возникновению рая на земле. В этих установках нашли свое отражение постулаты всех существовавших в Корее периода Чосон учений: конфуцианства, буддизма, даосизма. Исследователи отмечают и влияние христианства, что сочеталось с лозунгами изгнания из страны иностранцев [2. С. 51]. Растущая популярность Чхве Чжеу и его эгалитаристского учения, тенденция создания на его основе тайных организаций заставили власти принять серьезные меры. В 1864 г. основатель Тонхака был обвинен в распространении ложных религиозных идей и казнен вместе с двадцатью своими наиболее активными сторонниками.

Дело Чхве Чжеу продолжил и развил второй патриарх Тонхака Чхве Сихён (1829–1898). Он, как уже отмечалось, опубликовал компедиум основных положений «Восточного учения» и провел большую работу по сплочению сторонников и созданию организационной структуры движения,

опиравшуюся на многочисленные низовые ячейки по всей стране. Основными политическими требованиями, предъявляемыми властям в форме петиций, были реабилитация основателя религии и свобода религиозной деятельности организации Тонхак. Однако власти в этом категорически отказывали. В ответ на это, в 1893 г., Чхве Сихён и его сподвижники перешли от умеренных лозунгов к политическим, включавшим удаление иностранцев из Кореи и наказание коррумпированных чиновников в центре и на местах. Все это происходило на фоне постоянных крестьянских волнений во многих районах, среди которых в этом отношении выделялась провинция Чолла, опорная база Тонхак. Именно здесь в 1884 г. началось мощное народное восстание, которое в корейской и российской историографии называют «крестьянской войной».

К этому времени внутренняя ситуация в Корее претерпела значительные изменения. С начала 1870-х гг. важные посты в государственном аппарате стали занимать сторонники королевы Мин, ставшей неформальным лидером партии, выступавшей за открытие Кореи для внешнего мира и ее реформирование [3. Р. 35–51]. Начало было положено в 1876 г. подписанием договора с Японией. Он не был равноправным по многим статьям, но главное — для японских торговцев открывались корейские порты, что подразумевало свободу торговли и установление дипломатических отношений [4. С. 459–460]. Отчасти договор был навязан демонстрацией военной силы, отчасти это было желанием реформаторов сблизиться с Японией, добившейся уже значительных успехов на пути строительства современной государственности, экономики и армии после отказа от политики самоизоляции. Вскоре подобные договоры корейские власти подписали с Великобританией и Германией в 1882 г., Россией и Италией в 1884 г., с Францией в 1886 г. В 1882 г. был заключен корейско-китайский договор, дававший обновлявшемуся Китаю значительные экономические привилегии и усиливавший его политические позиции на Корейском полуострове. Так был положен конец затворническому существованию «королевства-отшельника», что широко распахнуло двери для западного влияния.

После заключения договоров «о дружбе и торговле» с европейскими державами в Корее началась активная деятельность западных протестантских церквей всех направлений. Протестантизм, в отличие от ригористического католицизма, был более уважителен к местным обычаям и институтам². В 1895 г. протестантские миссионеры решили при переводе Библии на корейский язык называть христианского Бога именем Хананим (Небесный царь). Это верховный бог в корейском шаманизме, контролирующий весь мир

² Darier G. The Success of Protestantism in Korea, 1870–1920: Continuation, Accommodation & National Interest. P. 5–7. URL: https://www.academia.edu/11336556/THE_SUCCESS_OF_PROTESTANTISM_IN_KOREA_1870_1920_Continuation_Accommodation_and_National_Interest // (дата обращения: 06.05.2025).

божеств и духов, наказывающий за прегрешения и вознаграждающий за добрые поступки [5. С. 100]. Такая тактика во многом облегчила для корейцев восприятие новой религии. К тому же, миссионеры занимались благотворительностью, открывали школы и больницы, что делало это иностранное учение привлекательным для людей из низших сословий.

Крестьянская война 1884 г. организационно и идеологически была подготовлена лидерами Тонхак. Ее возглавил радикально настроенный мелкий чиновник Чон Бонджун (1853–1895), пытавшийся воплотить в жизнь идеи государства всеобщей справедливости и изгнания из страны европейцев и японцев [6. С. 80–83]. Созданная им армия одержала ряд побед над правительственными войсками и помогавшими им японцами. Чхве Сихён, пользовавшийся влиянием в северных провинциях, не поддержал восстание в провинции Чолла, опасаясь уничтожения организации, и настаивал на мирном решении целей Тонхака. Однако некоторая часть его последователей отправилась на юг и влилась в армию Чона. В ноябре 1884 г. повстанцы были разгромлены с помощью японских войск. Последовали кровавые репрессии, унесшие вместе с войной до 300 тыс. человек. Чон Бонджун и Чхве Сихён были схвачены и казнены [7. С. 346].

Идеи Тонхака пустили глубокие корни в стране и приобрели новую актуальность в связи с тем, что в 1905 г. над Кореей был установлен японский протекторат. Корейские националисты использовали основные идеи «Восточного учения» для формирования национального самосознания соотечественников. Японцы преследовали новых тонхакистов, арестовывали и заключали в тюрьму. В конце 1905 г. третий патриарх Тонхака Сон Пёнхи (1861–1922) решил модернизировать учение, убрать из него политическую составляющую, усилить просветительские моменты и сделать его таким образом приемлемым для японских властей [8. Р. 113–121]. Теперь оно стало называться «Чхондогё» — «Учение Небесного пути». В его основе лежат идеи о единстве Бога (Хананима) и человека, возможности и необходимости создания идеального мира,рая на земле, через личное совершенствование всех людей, обязанности каждого человека служить другим людям, а значит, и Богу. Эта религиозное учение и его структуры сыграли определенную роль в движении за независимость, но после смерти Сон Пёнхи организация Чхондогё раздробилась на отдельные группировки и перестала играть заметную роль в политической и религиозной жизни страны.

История создания Тэсун чинрихо

Еще одной новой корейской религией, возникшей в начале XX в., стало учение Чынсандо. Ее основателем был Кан Ильсун (1871–1909), более известный под почетным именем Чынсан. Он родился в бедной деревенской семье, жившей в провинции Чолла. Кану удалось получить какое-то конфуцианское

образование, что позволило ему преподавать в местной школе. Он постоянно занимался самообразованием, изучал все существовавшие в Корее религиозные системы. Кан Ильсун предсказал, что восстание Тонхак потерпит неудачу и убедил своих учеников не участвовать в нем. Он утверждал, что проблемы в этом мире будут решены «переосмыслением Вселенной», а не насилием и протестами. Будучи корейским националистом, он верил, что Корея станет мировым лидером и станет во главе всех стран с помощью убеждения, используя духовную силу [9. С. 48]. Наблюдая за плачевной участью народа после восстания, Кан Чынсан в 1897 г. отправился в трехлетнее путешествие по стране в поиске духовных решений комплекса возникших проблем. После возвращения домой он совершил 49-дневный ретрит в храме Дэвонса на горе Моак (провинция Чолла) и, как считают его последователи, стал воплощением Небесного бога, живущего на Девятом небе (Санчже), открыл «Великое Дао Неба и Земли» и приступил к «упорядочению Вселенной» через свою организационную деятельность и многочисленные ритуалы [10. Р. 28.]. Новая религия была основана на философии Тэсун (Великое странствие по Трем Сферам и перестройка Вселенной), разработанной ее основателем Кан Ильсуном. Суть ее заключается в идее установления земного рая через обновление сознания всех человеческих существ.

Кан Чынсан скончался в 1909 г., не назначив преемника. Его ученики и родственники разделились на несколько соперничающих ветвей, которые, в свою очередь, раздробились на конкурирующие организации, которых насчитывалось более ста [11. С. 363].

В результате этих расколов возникла крупная ветвь, основанная Чо Чынсаном (1895–1958). Он не был учеником Кан Чынсана, но утверждал, что осознал «Истину Тэсуна» благодаря откровению Санчже. Чо отправился на поиски семьи Санчже-Кана и 15 января 1919 г. встретился с его сестрой, госпожой Сондоль, слышавшей за десять лет до этого визита от Санчже, что его преемник, родившийся в год Юльми (1895 г.) посетит ее в январское полнолуние. Все сошлось, и женщина передала визитеру запечатанный конверт, который Санчже просил передать объявившемуся преемнику³. С тех пор Чо Чынсан стал утверждать учение Санчже.

В 1925 г. Чо Чынсан (почетное имя Тоджу — Властитель Дао) основал религиозный орден Мугыкдо и сформулировал доктринальную систему принципов, верований, целей, методов совершенствования и церемониальных процедур, которыми члены Тэсун чинрихо руководствуются и по сей день. Под давлением японских властей, враждебно относившихся к новым

³ Daesoon Institute of Religion and Culture. The History and Theology of Daesoonjinrihoe // A New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy. Yeosu : Daesoon Jinrihoe Press, 2016. P. 204.

корейским религиям из-за их националистического характера, организация была распущена в 1941 г.

С окончанием Второй мировой войны в 1945 г. Корея была освобождена, и у корейских новых религий, которые в значительной степени находились в подполье, появилась надежда на возрождение. Однако, хотя американское военное правительство в Корее (1945–1948) и последующая администрация Ли Сынмана на словах гарантировали свободу религий, на деле они попытались реорганизовать корейское религиозное сознание, сосредоточившись на христианстве, и особенно на протестантизме. Новые религии объявлялись «псевдорелигиями» и «ложными религиями» [12. Р. 92, 98–99].

В этих непростых условиях Чо Чынсан в 1948 г. восстановил организацию, назвав ее «Тэгыкдо». Он также составил правила для обучения и воспитания последователей, работа над которыми была завершена в 1957 г. Тогда же Чо назвал своим преемником Пак Удана (1918–1996), тесно сотрудничавшего с ним с 1954 г. [13. С. 56]. После кончины в возрасте 64 лет Чо Чынсан был обожествлен как Нефритовый император (верховное божество даосского пантеона).

Под руководством Пака последователи Чо Чынсана сохраняли единство в течение десяти лет. В 1968 г. орден раскололся: часть адептов последовала за одним из сыновей Чо, сохранившим название «Тэгыкдо» и штаб-квартиру неподалеку от Пусана. Большинство же встало на сторону Пак Удана, который в 1969 г. построил новый храмовый комплекс в Сеуле и создал новую организацию, назвав ее «Тэсун чинрихо». Для ее популяризации он, по примеру протестантских миссионеров, стал открывать школы и больницы, проявив себя умелым менеджером [14. Р. XIII]. После смерти Пака в 1995 г. возник конфликт между меньшинством, выступавшим за его обожествление, наряду с Кан Чынсаном и Чо Чынсаном, и большинством, отвергавшим эту идею. Новое движение быстро распространилось и стало крупнейшей новой религией в Корее.

Священная история и «Четыре принципа»

Теология Тэсун чинрихо содержится в ее фундаментальных доктринах, таких как догматы, вероучение и цели. Кроме того, в ней присутствует значительный дискурс мифологической истории.

В основе доктрины Тэсун чинрихо лежит священная история, согласно которой католический миссионер-иезуит Маттео Риччи (1552–1610), распространявший христианство в Китае, в ходе своей деятельности открыл границу между Небом и Землей. Это позволило божествам Востока отправиться на Запад, что способствовало культурному прогрессу европейских стран. Однако и Запад, и Восток были подвержены материализму и жадности, стремились покорить природу, что привело к общему кризису,

распространившемся и на духовный мир⁴. Все божественные духи, будды и бодхисаттвы обратились к Верховному богу Санчже с просьбой спасти людей и божеств. Идя им навстречу, он начал «Великое странствие», посетив три царства Вселенной — Небесное, Земное и Человеческое. Целью его путешествия было установление гармонии между ними и возвешение о конце Старого мира (*Сончхон*) и наступлении Будущего мира (*Хучхон*). Эти действия называются «*Тэсун*», что можно перевести как Великая итерация (последовательные действия для получения нужного результата)⁵.

Затем Санчже спустился на землю, чтобы спасти всех божественных существ и людей. Он вошел в золотую статую будды Майтрейи (будда будущего мирового устройства) в храме Кымсасна, где оставался в течение 30 лет. В 1860 г. Санчже открыл свое божественное учение и планы по созданию небесного порядка, Великого Дао, Чхве Чжеу, основателю Тонхака. Однако Чхве не смог выйти за рамки консервативного конфуцианства и, к тому же, был казнен в 1864 г. После этого Санчже в 1871 г. воплотился в Кан Чынсана, т.е. преобразовался в осязаемого бога, активно действующего в реальном мире, и в этом качестве он открыл путь в Будущий мир, занимаясь девять лет переустройством Вселенной (1901–1909 гг.). За это время Санчже устранял все обиды во Вселенной, превращал взаимные конфликты во взаимную благосклонность.

Эта деятельность обосновывается китайским мифом о Яо и Шуне, двух совершенномудрых первоимператора Поднебесной, изложенным в «Чонгёне» весьма произвольно. Санчже утверждает, что в основе человеческой истории лежит обида Даньчжу, сына Яо, на отца, передавшего трон не ему, а добродетельному простолюдину Шуню. Это привело к гибели двух дочерей Яо (жен Шуня), утопившихся в реке, и его самого. (Заметим, что во всех мифах о Шуне говорится, что он благополучно дожил до ста лет.) «Это была коренная обида, которая непрерывно, из поколения в поколение, опустывала мир и привела к тому, что Небо и Земля переполнились обидой и оказались на грани катастрофы. Поэтому, пытаясь спасти человечество от этого состояния разрушения, я должен пройти через эту Упорядочивающую Работу по Разрешению Обид»⁶. Тем самым, как считается, Санчже заложил основу для наступления Будущего мира после нынешнего Старого мира.

Он совершал всевозможные чудеса. Уже в самом начале своей божественной деятельности, вернувшись в родное селение после трехлетних

⁴ Jeon-Gyeng. Reordering Works. 3:1. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 17.04.2025).

⁵ Daesoon Institute of Religion and Culture. The History and Theology of Daesoonjinrihoe // A New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy. Yeosu : Daesoon Jinrihoe Press, 2016. P. 199–216.

⁶ Jeon-Gyeng. Reordering Works. 3:1. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 17.04.2025).

странствий по стране, Санчже немало удивил своих земляков. «В год Кенджа (1901 г.) ... Он, сидя на горе, превратился в тигра. Лесорубы, проходившие мимо, увидели тигра на том месте, где обычно сидел Санчже. Они были очень напуганы и рассказали отцу Санчже об увиденном. Его отец в растерянности взобрался на вершину, но не смог найти там тигра. Он видел только Санчже, совершавшего Святые дела, как будто ничего не произошло»⁷. Но были чудеса и посерьезнее. Так, однажды он остановил утренний подъем Солнца. «Когда Солнце поднялось наполовину, Санчже сказал своим последователям: „Мир зашел в тупик. Как я могу стабилизировать положение вещей, не имея силы остановить солнце? Я проверю это“. Заявляя об этом, Санчже курил свою трубку до тех пор, пока солнце не перестало подниматься»⁸.

Однако большинство из огромного количества чудес, описанных в «Чонгёне», имели прикладное значение и касались повседневной жизни. Санчже вел нравоучительные диалоги с учениками, лечил больных, улаживал конфликты, вызывал дождь или разгонял облака для блага крестьян, кормил голодных и т.п. Важное место в его деятельности занимали нравоучительные беседы с учениками и последователями. Это было в духе конфуцианской традиции, но здесь появились некоторые новации. «Санчже отменил традиционные отношения между учителем и учениками и разрешил им сидеть удобно и курить перед Ним»⁹.

Отдельно следует остановиться на том, как выглядит будущий земной рай в каноническом писании. Какого-то целостного его описания нет, но по отдельным высказываниям, приписываемым Санчже, можно воссоздать следующую картину.

В *Чингёне* не бывает ни жарко, ни холодно, но всегда царит умеренная температура, характерная для теплого климата. Почва здесь плодородная, а не бесплодная. Земля остается зеленой независимо от времени года. Здесь не будет опасных для человека существ: тигров, леопардов, койотов, волков, комаров, вшей, блох и клопов¹⁰. Земной рай описывается как мир, свободный от стихийных бедствий. В Священном писании это звучит так: «... Три бедствия, вызванные водой, огнем и ветром, исчезнут из мира»¹¹.

Простая повседневная жизнь в *Чингёне* описана в следующем метафорическом высказывании Санчже: «В грядущем благом мире можно будет

⁷ Jeong-Gyeng. Acts 2:7 // <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 18.04.2025).

⁸ Explanatory Paintings of the Sacred History of Daesoon. Yeosu : Religious Research and Education Dept. of Daesoon Jinrihoe, 2018.

⁹ Jeong-Gyeng. Reordering Works. 1–4. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁰ Jeong-Gyeng. Reordering Works. 3:8. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 17.04.2025).

¹¹ Jeong-Gyeng. Prophetic Elucidations. 81. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 18.04.2025).

готовить рис, не разводя огня, и заниматься сельским хозяйством, не прикасаясь к земле. И у каждого дома посвященного в Дао должна быть установлена световая башня, освещающая всю деревню подобно солнечному свету. Сегодняшние электрические лампы — это всего лишь прототипы. Дверные ручки и вешалки для одежды должны быть сделаны из золота, а обувь должна быть золотой»¹².

Языки всех народов будут объединены, чтобы установить мир между различными цивилизациями. «Санчже сказал: „Поскольку Восток и Запад будут объединены, ... языки также будут объединены в будущем“»¹³. По мере того, как мировые политики будут становиться благородными личностями, наступит политическая стабильность. Они будут придерживаться моральных принципов, соборности и целостности. В мире наступит экономическое равновесие [15. С. 138].

Этот рай не будет маскулиноцентричным. Эпоха *Чингён* станет временем проявления Инь, а женщины являются символом этой пассивной, созерцательной стороны природы. «Достижения женщины также должны оцениваться в зависимости от ее совершенствования. Из-за этого обычай преобладания мужчин над женщинами... должен быть отменен»¹⁴. Учтены и права меньшинств: «В Будущем мире слабым будет дарована благосклонность; больным будет даровано крепкое здоровье; смиренным будет дарован высокий статус; глупым будет дарована мудрость»¹⁵.

Предполагается, что Корейский полуостров станет центром этой новой вселенной. Горный массив Кымгансан в Корее (в настоящее время расположен в Северной Корее) упоминается как центр Будущего мира¹⁶. Предсказания о конкретной дате наступления земного рая запрещены, но подразумевается, что это произойдет не в слишком отдаленном будущем усилиями приверженцев религии Тэсун. Продлится *Чингён* 50 тыс. лет.

Итак, пророчество о грядущем мире в каноническом священном писании «Чонгён» рисует идеальную картину, согласно которой обожествленные люди, преодолевшие страх смерти, болезней, бедности, бедствий и споров, поддерживают неограниченные отношения со своим Богом Девятого неба (Санчже).

Судя по «Чонгёну» и его интерпретациям, суть вероучения сводится к четырем принципам¹⁷.

¹² Jeong-Gyeng. Reordering Works. 1:31. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 17.04.2025).

¹³ Jeong-Gyeng. Dharma. 3:40. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁴ Jeong-Gyeng. Dharma. 1:68. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁵ Jeong-Gyeng. Dharma. 2:11. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 19.04.2025).

¹⁶ Jeong-Gyeng. Prophetic Elucidations. 45. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 18.04.2025).

¹⁷ Daesoon Institute of Religion and Culture. The History and Theology of Daesoonjinrihoe //

Первый — «творческое согласие Инь и Ян» (*Ымъян хандок*). Тэсун чинрихо считает, что Инь и Ян (тьма и свет, мужское и женское, пассивное и активное, внутреннее и внешнее и т.п.) находятся во взаимном конфликте, а не в гармонии, из-за чего возникает много противоречий и болезней. Задача — устранить противоречия между этими противоположными силами, являющимися первопричинами изменчивости в природе, добиться их творческого согласия. Этот постулат применим ко всем аспектам человеческой жизни и деятельности, включая расовое и гендерное равенство, международное примирение, гармонию между человечеством и природой, людьми и божественными существами, материальной и духовной цивилизацией и т.д. Эти идеальные отношения люди увидят в Будущем мире, земном рае.

Второй — «гармоничный союз божественных и человеческих существ» (*Синин чохва*). Такие взаимоотношения были в прошлом, но человеческая цивилизация впала в материализм, стала покорять природу, что породило высокомерие среди людей; они стали пренебрегать богами, отвергать божественные сущности. Гармоничный союз возникнет тогда, когда каждый человек на пути самосовершенствования восстановит свою изначальную природу, станет абсолютно искренним, сделает свой ум чистым и станет единым с божеством. Это союз равных, здесь нет доминирования и подчинения. Человек становится существом божественным, а значит всемогущим.

Третий — «устранение обид ради взаимного благодеяния» (*Хэвон сансэн*). Этот постулат рассматривается в двух аспектах. С точки зрения космологии, речь идет о великом изменении Вселенной, в ходе которого все обиды и противоречия, накопленные с древних времен, будут устранены в Будущем мире благодаря деятельности Санчже по переустройству универсума. С практической точки зрения это означает, что каждый человек должен устранить накопившиеся старые обиды и начать новый образ жизни ради взаимного блага. Тэсун учит, что воздавать злом за зло — это то же самое, что смывать кровь кровью. Нужно прощать своих врагов, быть по отношению к ним добродетельными и это принесет людям блаженство. Взаимное благодеяние, взаимовыручка — это концепция универсальных отношений, которая применяется ко всем существам. Люди должны сотрудничать, возвращать и распространять истину, избегая разногласий. Возвращение истины включает в себя почитание Санчже, распространение добродетели, выполнение определенных ритуалов, в т.ч. ритуальных заклинаний и религиозных подношений.

Четвертый — «совершенное единение с Дао» (*Тотон чингён*). Этот принцип означает, что человек становится совершенным существом и достигает состояния всеведения и всемогущества благодаря единению с Дао. Когда люди достигнут этого состояния, начнется Будущий мир, в котором каждое

существо обретет новую жизнь и судьбу, а больная Земля будет преобразована в цветущую планету, земной рай, где не будет бедности, болезней и войн, а божественные сущности и люди будут существовать в состоянии единения с Дао, т.е. наступит совершенное состояние как людей, так и всего мира. Люди станут подобны богам.

Важное место в движении к этим целям занимают духовные практики. Среди них главным является так называемое самосовершенствование. Оно включает, во-первых, «святые дела» (*гунбо*) — ритуальное произнесение заклинаний в храмовом комплексе в Ёджу, призванное достичь состояния единения с Дао и открыть земной рай. Церемония проводится ежедневно группой из 36 человек, которые по очереди произносят определенные мантры без перерыва в течение 24 часов. Во-вторых, это «ритуальные молитвы» (*кидо*) адептов в храмах, центрах коллективного богослужения и домашней обстановке. Практикующие прислушиваются к «голосу Санчже», произносят божественные имена, чем достигают, как считается, совершенства своего «я». *Кидо* проводятся четыре раза в день с утра до позднего вечера. В-третьих, самосовершенствование предполагает «духовное обучение», заключающееся в повторении даосской магической формулы «Тхэыльджу» («Заклинание Высшего единства»), которую ввел в обрядовую практику Кан Ильсун и ускоряющую объединение с Дао, в любом месте и в любое время суток. Цель всего этого — духовное развитие для «совершенной интеграции с божественными духами»¹⁸. Что касается ежедневных четырехкратных молитв, то это предписание нелегко выполнять в условиях современной жизни. Член прихода г-н Ким Гонсик говорит, что «очень мало людей, которые молятся четыре раза в день. Обычно это происходит один раз в день, но со всей душой»¹⁹.

Религия Тэсун, как и другие новые корейские религии, включает в себя термины и постулаты буддизма, даосизма и конфуцианства. В «Чонгёне» прямо заявляется о таком синкретизме: «Буддизм — это форма, даосизм — это творение, конфуцианство — это пристойность»²⁰. Можно согласиться с американский ученый Д. Бэйкером, считающим, что это вероучение «больше, чем сумма его частей», это «квинтэссенция корейской религии» [16. С. 15]. Тэсун чинрохо делает акцент на гармонии, гармоничных отношениях внутри человеческого общества, а также между людьми и природой, людьми и духовными сущностями, что резонирует с корейскими традициями и придает движению убедительную силу.

¹⁸ Сайт Тэсун чинрохо. URL: <http://eng.daesoon.org/app/en/introduction/practice> (дата обращения: 12.05. 2025).

¹⁹ Интервью автора статьи с г-ном Ким Гонсиком (8 апреля 2025 г.) // Личный архив автора.

²⁰ Jeong-Gyeng. Reordering Works. 3:39. URL: <http://dict.dirc.kr/app/e/1/page> (дата обращения: 17.04.2025).

Религия Тэсун в современной Южной Корее

Тэсун имеет многочисленных последователей из разных слоев общества. Организация оценивает их численность в 6 млн чел. Даже если эти цифры завышены, все согласны с тем, что эта религия является пятой (после буддизма, протестантизма, католицизма и вон-буддизма) основной формой верований для современных корейцев²¹. В большой степени это объясняется активным прозелитизмом и многогранной общественной деятельностью.

Каждый месяц члены организации делают денежный взнос, который отправляют в головной офис. Сообщается, что 70 % собранных средств направляются на три основные общественные цели: социальное обеспечение, образование и благотворительную помощь. Движение утверждает, что Тэсун чинрихо «является практической религией, которая активно претворяет свои доктрины в жизнь, и ее деятельность более влиятельна и плодотворна, чем деятельность любых других религий в Корее»²².

Социальные услуги предоставляются через создание больниц широкого профиля, Фонда благосостояния, управляющего гериатрической больницей и центрами по уходу за престарелыми с высокотехнологичным оборудованием.

В образовательной деятельности важную роль играет Университет Тэджин, основанный в 1991 г. в Пхочхоне, на границе с Северной Кореей. В структуру университета входят восемь колледжей (инженерный, международного сотрудничества, свободных искусств, гуманитарных наук и искусства, мировой торговли и промышленности, медицинских наук, искусственного интеллекта, изучения Тэсун), предоставляющих степень бакалавра. Также имеются магистратура и аспирантура²³. В вузе обучаются и иностранные студенты на платной основе. Уделяется внимание и подрастающему поколению: под эгидой организации действуют шесть средних школ.

Благотворительная помощь оказывается как внутри страны, так и за рубежом силами Международной ассоциации волонтеров Тэджин. Тэсун чинрихо глобально и на местном уровне поддерживает жертв стихийных бедствий, предоставляя еду, воду, машины, занимается поиском пропавших детей, предотвращением преступности, уборкой улиц [17. С. 146]. В центре ее внимания также находятся вопросы сохранения окружающей среды, гендерного равенства, воссоединения Кореи и достижения мира во всем мире.

В организационном плане Тэсун чинрихо представляет собой сложную структуру. Во главе всех подразделений организации стоит так называемый

²¹ Daesoon Institute of Religion and Culture. *The History and Theology of Daesoonjinrihoe // A New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy*. Yeosu : Daesoon Jinrihoe Press, 2016. P. 199.

²² Там же. P. 200.

²³ Сайт университета Тэджин. URL: <https://www.daejin.ac.kr/sites/english/index.do> (дата обращения: 29.04.2025).

Святой лидер. Эта должность, несмотря на название, носит скорее административный характер. Под непосредственным руководством Святого лидера находятся Центральный совет и Руководящий комитет Центрального совета. Центральный совет состоит из высших священнослужителей и имеет право вносить изменения в Конституцию Дао. Ему подчиняются шесть институций: образовательные учреждения, Ведомство обучения теологии Тэсун, Ведомство аудита и инспекции, Ведомство религиозных услуг, Ведомство надлежащего руководства и Ведомство распространения и просвещения, которые, в свою очередь, делятся на несколько отделов²⁴. Члены этих институций являются священнослужителями высокого уровня, избираются выборными комиссиями внутри ведомств и получают зарплату.

Организация имеет развитую инфраструктуру. В стране существует пять храмовых комплексов Тэсун, построенных в корейском стиле в гг. Ёджу, Тосон, Пхочхон, Чингок и Чеджу [2. Р. 303–307]. Кроме того, имеется более 120 зданий братства, более 200 конференц-залов, более тысячи залов для собраний, а также более 2 тыс. миссионерских офисов по всей Южной Корее²⁵.

Все вышесказанное говорит о том, что эта религиозная организация успешно выжила, трансформировалась и распространилось в современном обществе, сохраняя корейскую оболочку.

Заключение

Тэсун чинрихо как организация и Тэсун как учение стали важным компонентом религиозного ландшафта Южной Кореи в XXI в. Причины успеха заключаются прежде всего в соответствии декларируемых религиозных постулатов национальному менталитету, формировавшемуся на протяжении всей истории страны под влиянием шаманизма, буддизма и конфуцианства. В XIX в. к этому списку добавилось и христианство. В этом заключается такой феномен корейского мировоззрения, как религиозный синкретизм. В то же время эта религия использует терминологию и образы, которые одновременно знакомы ее аудитории и являются достаточно новыми, чтобы отличать ее от других религий.

Тэсун чинрихо делает акцент на гармоничные отношения внутри человеческого общества, а также между людьми и природой, людьми и духовными сущностями, что соответствует корейским традициям и придает движению убедительную силу для его последователей.

²⁴ The Dao Constitution (The Regulations of Daeson Jinrihoe). Article 16. URL: <http://eng.daesoon.org/upload/files/books/Dao%20Constitution,%20180917.pdf>

²⁵ *Daesoon Institute of Religion and Culture. The History and Theology of Daesoonjinrihoe // A New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy.* Yeosu: Daesoon Jinrihoe Press, 2016. P. 199.

Теология Тэсуна предлагает диагноз того, что не так с современным миром, диагноз, выраженный на языке, знакомом корейцам, а также решение, которое является правдоподобным и желательным в рамках традиционного корейского мировоззрения. Она обещает лучший мир в недалеком будущем и учит поведению, духовным практикам и ритуалам, которые должны приблизить конец старого мира постоянных конфликтов и привести к появлению нового мира всеобщего сотрудничества и процветания.

Тэсун чинрихо не ограничивается декларацией своих религиозных догм. Большая, полезная и заметная для общества социальная работа привлекает в организацию новых членов и вызывает уважение у части адептов других религий. Не чужды этой организации и глобальные проблемы — сохранение окружающей среды, прекращение войн между государствами, гендерное равенство. Концепция «устранение обид ради взаимного благодеяния» рассматривается как универсальное средство для создания нового мирового порядка для блага человечества. Она же применяется к истории противостояния между Северной и Южной Кореей.

Пример Тэсун чинрихо показывает, что консервативные националистические религиозные движения могут выживать в современную эпоху, если они отвечают некоторым глубинным запросам общества и не чуждаются насущных проблем страны и мира.

Список литературы

1. Kim D.W. Daesoon Jinrihoe in Modern Korea. The Emergence, Transformation and Transmission of a New Religion. London : Cambridge School Publishing, 2020.
2. Толстокулаков И.А. Модернизационные мотивы корейского религиозного общества Тонхак // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2009. № 5. С. 50–57. EDN: LATARH
3. Choe C.Y. The Rule of the Taewon'gun, 1864–1873: Restoration in Yi Korea. Cambridge : Harvard University Press, 1972.
4. Тихонов В.М. История Кореи. Т. 1. С древнейших времен до 1876 г. М. : Муравей, 2003.
5. Hong S. Naming God in Korea: The History of Protestant Missions in Korea, 1832–1910. Oxford : Regnum Books International, 2008.
6. Ермолаева Е.М. Тонхак: история, идеология, политика // Роль религиозного фактора в жизни корейского общества / под ред. И.А. Толстокулакова. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2004. С. 72–159.
7. Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2022.
8. Young c. eastern learning and the heavenly way: the Tonghak and Chondogyo Movements and the Twilight of Korean Independence. Honolulu : University of Hawai'i Press. 2014.
9. Chong K.R. Kang Jeungsan trials and triumphs of a visionary pacifist/nationalist, 1894–1909 // Daesoon Jinrihoe: a New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy. Yeosu : Daesoon Jinrihoe Press, 2016. P. 17–58.
10. Introigne M. Daesoon Jinrihoe: An Introduction // The Journal of Center for Studies on New Religions. 2018. № 5. P. 26–48. <https://doi.org/10.5840/jrv20186360>
11. Jorgensen J. Taesunjillihoe // Handbook of East Asian New religious movements / ed. by L. Pokorny, F. Winter. Leiden : Brill, 2018. P. 360–381.

12. Kim J.-Y, Lee J., Choi H. Revitalization of Korean New Religions // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2020. Vol. 19. № 55. Pp. 85–104. <https://doi.org/10.35745/ecei2019v2.033>
13. Chang F. Hsin-Fang. New Religions in Taiwan and Korea: A Comparative Study of Weixin Shengjiao (唯心聖仁) and Daesoon Jinrihoe (大巡理會) // *The Journal of Center for Studies on New Religions*. 2017. Vol. 1. Vol. 2. P. 40–65. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2017.1.2.3>
14. Baker D. Preface // *Daesoon Jinrihoe in Modern Korea. The Emergence, Transformation and Transmission of a New Religion* / D.W. Kim. London : Cambridge Scholars Publishing, 2020. P. XIII–XV.
15. Kim D.W., Jin-gyeong, Sin-ingan. The Prophecy of the Later World in the Canonical Scripture of Daesoon Jinrihoe // *Journal of Daesoon Thought and the Religions of East Asia*. 2021. Vol. 1. № 1. P. 127–151. <https://doi.org/10.25050/jdtrea.2021.1.1.127> EDN: WBVGSI
16. Baker D. Daesoon Sasang: a quintessential korean philosophy // *Daesoonjinrihoe: A New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy*. Daesoon Academy of Science, 2016. P. 1–16.
17. 김 데이비 (Kim D.B.) 한국 신종교 운동으로서 대순진리회 (Тэсун чинрихо как новое религиозное движение в Кореи) // *The Journal of Daesoon Academy of Science*. 2014. № 24. P. 145–166. (на кор.)

References

1. Kim DW. *Daesoon Jinrihoe in Modern Korea. The Emergence, Transformation and Transmission of a New Religion*. London: Cambridge School Publishing; 2020.
2. Tolstokulakov IA. Modernization motives of the Korean religious society Tonghak. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*; 2009;(5):50–57. (In Russ.). EDN: LATARH
3. Choe CY. *The Rule of the Taewon'gun, 1864–1873: restoration in Yi Korea*. Cambridge: Harvard University Press; 1972.
4. Tikhonov VM. *History of Korea. Volume I. From ancient times to 1876*. Moscow: Muravei publ.; 2003. (In Russ.).
5. Hong S-W. *Naming God in Korea: the History of Protestant Missions in Korea, 1832–1910*. Oxford: Regnum Books International; 2008.
6. Ermolaeva EM. Tonghak: history, ideology, politics. In: Tolstokulakov IA, ed. *The role of the religious factor in the life of Korean society*. Vladivostok: Far Eastern Federal University publ.; 2004. Pp. 72–159. (In Russ.).
7. Kurbanov SO. *History of Korea from ancient times to the beginning of the 21st century*. Saint Petersburg: St. Petersburg University publ.; 2022. (In Russ.).
8. Young C. *Eastern Learning and the Heavenly Way: the Tonghak and Chondogyo Movements and the Twilight of Korean Independence*. Honolulu: University of Hawai'i Press; 2014.
9. Chong KR. Kang J. Trials and Triumphs of a Visionary Pacifist/Nationalist, 1894–1909. In: *Daesoon Jinrihoe: a New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy*. Yeosu: Daesoon Jinrihoe Press; 2016. P. 17–58.
10. Introvigne M. Daesoon Jinrihoe: an introduction. *The Journal of Center for Studies on New Religions*. 2018;5:26–48. <https://doi.org/10.5840/jrv20186360>
11. Jorgensen J. Taesunjinrihoe. In: Pokorny L, Winter F, eds. *Handbook of East Asian New Religious Movements*. Leiden: Brill; 2018. Pp. 360–381.
12. Kim J.-Y, Lee J, Choi H. Revitalization of Korean new religions. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2020;19(55):85–104. <https://doi.org/10.35745/ecei2019v2.033>
13. Chang F, Hsin-Fang. New religions in Taiwan and Korea: a comparative study of Weixin Shengjiao (唯心聖仁) and Daesoon Jinrihoe (大巡理會). *The Journal of Center for Studies on New Religions*. 2017;1(2):40–65. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2017.1.2.3>

14. Baker D. Preface In: Kim D.W. *Daesoon Jinrihoe in Modern Korea. The Emergence, Transformation and Transmission of a New Religion*. London: Cambridge Scholars Publishing, 2020. Pp. XIII–XV.
15. Kim DW. Jin-gyeong, Sin-ingan: the prophecy of the later world in the canonical scripture of Daesoon Jinrihoe. *Journal of Daesoon Thought and the Religions of East Asia*. 2021;1(1):127–151. <https://doi.org/10.25050/jdtrea.2021.1.1.127> EDN: WBVGSI
16. Baker D. *Daesoon Sasang: A Quintessential Korean Philosophy*. Daesoonjinrihoe: A New Religion Emerging from Traditional East Asian Philosophy. Daesoon Academy of Science; 2016. Pp.1–16.
17. Kim DW. Daesoon Jinrihoe as a Korean new religious movement. *The Journal of Daesoon Academy of Science*. 2014;(24):145–166. (In Kor.).

Информация об авторе:

Смертин Юрий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, e-mail: my@jusmertin.ru ORCID: 0000-0002-0432-0197. SPIN-код: 2702-7941.

Information about the author:

Yuri G. Smertin — Doctor of Science in History, Professor, Head of Department of Foreign Regional and Oriental Studies, Kuban State University, 149 Stavropol'skaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation, e-mail: my@jusmertin.ru ORCID: 0000-0002-0432-0197. SPIN-code: 2702-7941.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-551-565

EDN: JLVAZE

Научная статья / Research article

Буддийские памятники Орхоно-Туульского региона

М.М. Игнатова , Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

 masaignatova@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено историко-культурному развитию Орхоно-Туульского региона в период с VIII по XVII вв. Основное внимание уделено археологическим памятникам — руинам столицы уйгурского каганата Ордубалык (Хар Балгас), киданьским городищам Хар Бухын Балгас и Чин-Толгой, а также буддийскому монастырю XVII в., построенному на месте Хар Бухын Балгаса. Рассмотрены фортификационные элементы, административные и культовые комплексы указанных памятников, демонстрирующие влияние различных этносов и религиозных традиций на культурный ландшафт Орхонской долины. Особое внимание уделено роли буддизма, который, начиная с уйгурского периода, постепенно укреплял свои позиции в Монголии. Археологические находки и письменные источники права подтверждают, что Орхоно-Туульский регион являлся важным центром культурного и экономического обмена, где религия, урбанизация и правовые системы оказывали сильное влияние на развитие уйгуров, киданей и монголов. Результаты исследования способствуют углубленному пониманию процессов этноконфессионального взаимодействия народов центральной Монголии и их влияния на формирование культурно-исторического облика региона.

Ключевые слова: Ордубалык, Хар Бухын Балгас, Чин-Толгой, монголы, уйгуры, кидань, буддизм, археология, правовые памятники

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, сбор и интерпретацию данных, подготовку статьи к публикации.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20.01.2025; принята к публикации 15.06.2025.

Для цитирования: Игнатова М.М., Китинов Б.У. Буддийские памятники Орхоно-Туульского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 551–565. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-551-565> EDN: JLVAZE

© Игнатова М.М., Китинов Б.У., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Buddhist monuments in the Orkhon-Tuul region

Maria M. Ignatova , Baatr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

 masaignatova@gmail.com

Abstract. The study deals with the historical and cultural development of the Orkhon-Tuul region, covering the period from the VIII to the XVII centuries, when three nationalities (Uyghurs, Khidans and Mongols) existed and interacted successively on the territory of modern Mongolia. Much attention is given to the archaeological monuments — the ruins of Ordubalyk (Khar Balgas) — the capital city of the Uyghur Kaganate, the Kidan settlements of Khar Bukhyn Balgas and Chin Tolgoi, as well as the XVII century Buddhist monastery built on the site of Khar Bukhyn Balgas. The study considers fortification elements, administrative and cult complexes of these structures, demonstrating the influence of different ethnic groups and religious traditions on the cultural landscape of the Orkhon Valley. It is specially noted about the role of Buddhism, which gradually strengthened its position from the Uighur period onwards, and finally established itself in Mongolia in the XVII century. Archaeological evidence and written legal sources confirm that the Orkhon-Tuul region was an important centre of cultural and economic exchange, where religion, urbanization and legal systems strongly influenced the development of the Uyghurs, Kidans and Mongols. The results of the study contribute to a deeper understanding of the processes of ethno-confessional interaction in central Mongolia and their influence on the formation of the cultural and historical image of the region.

Keywords: Ordu-Baliq, Khar Bukh Balgas, Chin-Tolgoi, Mongols, Uyghurs, Kidan, Buddhism, archaeology, legal documents

Contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the concept, collection of data and their interpretation, and preparation of the article for publication.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 20.01.2025; accepted 15.06.2025.

For citation: Ignatova MM, Kitinov BU. Buddhist monuments in the Orkhon-Tuul region. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):551–565. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-551-565> EDN: JLVAZE

Введение

Культурный ландшафт долины реки Орхон представляет собой комплекс археологических объектов, иллюстрирующих этноконфессиональную динамику кочевых народов, проживавших на территории Монголии в VIII–XVII вв. В нашем исследовании изучены материалы, связанные с руинами столицы уйгурского каганата Ордубалык (Хар Балгас), киданьских городищ Хар Бухын Балгас и Чин-Толгой, расположенных вдоль р. Туул в аймаке Булган Монголии.

Выбор городищ обусловлен тем, что данные памятники относятся к периоду, когда на ограниченном пространстве степи одна за другой существовали три

культуры: уйгурская, киданьская и монгольская. Исследованные объекты также являются одними из наиболее исторически значимых памятников Орхоно-Туульского региона, так как они отражают локальные особенности развития кочевых народов центральной Монголии. Ордубалык, основанный около 715 г. уйгурским ханом Пейло, сохранился лишь в виде руин жилых кварталов. При киданях, стремившихся защитить границы и контролировать соседние кочевые племена, в долинах рек Туул и Керулен были построены крепости, такие как Хар Бухын Балгас и Чин-Толгой. В XVII в. на месте Хар Бухын Балгаса возведен буддийский монастырь, стены которого сохранились до наших дней.

Ордубалык (Хар Балгас)

Городище Хар Балгас — столица Уйгурского каганата в VIII–IX вв., называвшаяся также Ордубалык (Столичный город) или Балыклык, расположено на левом берегу р. Орхон. Таким Хар Балгас увидел член Орхонской экспедиции В.В. Радлов в 1892 г.: «В каких-нибудь 10 км к югу от угэй-нурского моста на левом берегу р. Орхон высятся величественные развалины Хара-балгаса (Черного города) — остатки крепости и обширных городских кварталов Орду-Балыка, столицы могущественного уйгурского ханства, подчинившего всю Центральную Азию в VIII–IX вв. До сих пор видны следы непоправимых разрушений, нанесенных этому огромному городу и его цветущим окрестностям енисейскими хакасами-кыргызами, ниспровергнутыми в 840 г. власть ненавистного „хойхорского хана“»¹.

В археологическом дневнике своей поездки 1891 г. в Среднюю Монголию Д.А. Клеменц писал: «Низкой линией вырисовывался наконец вал, окружающий развалины, а за ними высокий черный силуэт главного здания ... Мы располагали остановиться здесь, чтобы быть ближе к развалинам, но наши рабочие монголы, а отчасти и напуганные их рассказами казаки из бурят ни за что не решались ночевать здесь, около места, где живут злые духи»².

В «Статистическом описании Китайской империи» Хар Балгас был известен как Син-хо-чен. Н.Я. Бичурин писал, что город был основан киданями, а в 1263 г. переименован в Лун-син. В этот период здесь был построен дворец, служивший стратегическим военным пунктом Китая до XV в. [1. С. 416].

Исследователи связывают местоположение Ордубалыка с «Отюкеном» — политической и сакральной родиной нескольких могущественных кочевых империй, где сосредоточены все земные блага. Согласно традиционным представлениям тюркских и монгольских народов, Отюкен располагается в Хангайских горах на территории современной Монголии, в пределах

¹ Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892. Вып. 1. С. 9.

² Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб., 1895. С. 28.

Орхонской долины [2. С. 5]. Для оседлых уйгуров, обосновавшихся в этом регионе, Ордубалык стал символом Отюкена — благодатного края, обладание которым означало господство над всей Монголией [3. С. 283]. Не случайно все кочевые народы монгольских степей, от хунну до монголов, стремились основать центр своей власти именно здесь, в долине р. Орхон.

В 924 г. Елюй Абаоцзи, основатель империи Ляо (916–1125 гг.) на территории современной Монголии, приказал взять немного воды и камней из Орхона, чтобы перевезти их на киданьские земли³ [4. С. 154], вылить воду в Шара-Мурэн и возложить камни на родовую гору, символически представляя дань от рек и гор⁴. Действия Елюя Абаоцзи можно трактовать как признание киданьским лидером особого сакрального значения Орхонской долины и стремление утвердить свою преемственность по отношению к уйгурскому Отюкену как в политическом, так и в духовном аспектах.

Кроме сакрального значения, выбор Орхоно-Туульского региона в качестве одного из центров власти также имел геополитические основания. Из долины Орхона было удобно контролировать пути в Китай, в т.ч. торговые дороги через Ганьсу, а также организовывать военные походы в Джунгарскую впадину [5. С. 44]. Поэтому после 924 г., когда кидани установили контроль над степью, в Орхонской долине они основали городища, такие как Эмгэнтйин-хэрэм, Хар Бухын Балгас, Чин-Толгой Балгас, Хэрмэндэнж, Улан-хэрэм, Талын-хэрэм и другие [6. С. 62]. В первой половине XII в. чжурчжэни вытеснили киданей из этой долины, что привело к потере киданями контроля над сакральным Отюкеном и последующему ослаблению их позиций в степи. Л. Моузес утверждает, что утрата киданями контроля над степью была напрямую связана с потерей ими Отюкена, что подчеркивает его важнейшее значение как в политическом, так и в сакральном аспектах для народов Монголии и Центральной Азии [7. С. 115].

Несмотря на значительное влияние буддизма в Уйгурском каганате, государственной религией уйгуров было манихейство, что подтверждается сохранившимися в 50 м от городской стены Ордубалыка 15 фундаментами, которые содержат в себе архитектурные элементы манихейства [8. С. 208]. Тем не менее буддийские традиции сохранялись среди орхонских уйгуров, формируя уникальный религиозный синкретизм, свойственный степным кочевым народам.

Помимо манихейских культовых сооружений внутри городских стен располагались дворец, храмовый комплекс и хозяйственные здания, об этом свидетельствует найденная в Ордубалыке стела в виде дракона с надписями на согдийском, уйгурском и китайском языках. Все предметы декора дворца можно

³ Первоначальным местом проживания киданьских племен принято считать район верхнего течения р. Шара-Мурэн в юго-восточной части современного автономного района Внутренняя Монголия в КНР.

⁴ *Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*. New York, 1888. Vol. 1. P. 44.

отнести к уйгурскому периоду (VIII–IX вв.). Декоративные элементы дворца демонстрируют сильное влияние искусства династии Тан (618–907 гг.) [9. С. 31].

Советский монголовед-географ А.Д. Симук в письме П.К. Козлову от 25 декабря 1926 г. писал, что «на Туин-голе, близ монастыря Туин-голийн-хур, имеется надпись на скале, которую не могут прочесть ни монголы, ни китайцы... Кроме надписи, близ этого монастыря имеются развалины — прежнее место этого монастыря, по словам монголов» [10. С. 103]. Качественные эстампажи надписей в Ордубалыке удалось сделать В.В. Радлову во время археологической экспедиции в Орхонскую долину. В «Атласе древностей Монголии» он описал расколотую каменную стелу с трехязычной надписью [11]. Также были сделаны оттиски стелы в Ордубалыке, содержащие оригинальную тукюэскую руническую и уйгурскую надписи, которые были частично стерты буддийскими монахами, заменившими их молитвами и буддийской символикой⁵.

Д.А. Клеменц зафиксировал следы буддийского влияния на архитектуру Хар Балгаса. Он писал, что на северной и восточной сторонах вала, окружавшего городище, имеются невысокие кучки из битой глины, которые исследователь принял за грубо сбитые субурганы⁶. Помимо основного здания на расстоянии 59,13 м на север находилась обширная четырехугольная постройка с нишами. Клеменц сделал предположение, что в более крупные ниши помещали бурханы, а маленькие ниши в северной стене служили поддержкой галереи и горизонтальных шестов, на которых висели хоругви, молитвы или священные буддийские изображения⁷. На гладких камнях стен некоторых построек часто встречались нацарапанные или выдолбленные отдельные буквы тибетского алфавита. Южная стена ворот выполнена в тибетском стиле⁸. Рядом со стеной в горе мусора были найдены терракотовые буддийские изображения, в т.ч. хорошо сохранившееся рельефное глиняное изображение Цаган-дара-эхе⁹. Примечательно, что на известных памятниках с лапидарными надписями в окрестностях Ордубалыка отсутствуют как монгольские, так и тибетские тексты. В своем дневнике Клеменц задается вопросом: «Если постройка Хар Балгаса относится к буддийскому или точнее, древнебуддийскому, до-Хубилаевскому периоду, то можно ли допустить, что он попал в Монголию, через Тибет? Можно ли думать, что бы тибетский монах где-либо не оставил на камнях знаменитого изречения Ом-мани?»¹⁰.

⁵ Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1892. Вып. 1. С. 9.

⁶ Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб., 1895. С. 28.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же. С. 42.

¹⁰ Клеменц Д.А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. II. СПб., 1895. С. 52.

В.Л. Котвич написал краткий отчет о поездке 1912 г. в Хар Балгас и находках, происходящих с территории городища, треть из которых — буддийские артефакты, позволяющие проследить религиозное многообразие и культурные контакты Уйгурского каганата. К ним относятся фрагменты надписей на камнях, архитектурные фрагменты, буддийские терракотовые образки «ца-ца», миниатюрные субурганы, керамика, фрагменты дерева и кости животных¹¹. Преобладание буддийских артефактов, среди которых встречаются как элементы центральноазиатской, так и тибетской традиции, указывает на тесное религиозное взаимодействие между уйгурскими, тибетскими и другими буддийскими общинами в IX в. Характерные для тибетского буддизма терракотовые образки «ца-ца», упоминавшиеся выше, свидетельствуют о присутствии тибетского влияния, что может объясняться контактами разного уровня уйгуров и тибетцев, так и военно-политическими событиями долины р. Орхон, например, тибетским вторжением в Ордубалык в 816 г.¹²

На территории Хар Балгаса сохранились развалины ступы, вероятно, Махапаринирваны, судя по ее колоколообразному тулову [9. С. 32]. С.В. Данилов считал, что она была культовым сооружением правившего каганского рода [12. С. 58]. В ходе археологических экспедиций найдены буддийские фигурки локапал (хранителей четырех сторон света) и калавинок (мифических певчих птиц с женскими головами) [13. С. 38]. Также обнаружены навершие субургана в форме солнечного диска, лежащего на полумесяце, миниатюрная ступа, кровельное украшение в форме льва и фрагменты круглой концевой черепицы, декорированной изображением лотоса [9. С. 33].

Сопоставление приведенных выше мнений специалистов с результатами археологических раскопок позволяет заключить, что буддизм имел определенное влияние среди уйгуров в их имперский период (каганатство). Скорее всего, это был буддизм, принесенный в степи, как и манихейство, из Танской империи, хотя имеющиеся материалы допускают присутствие буддизма среди уйгурской элиты уже в первой трети VII в. [14. С. 509].

Чин-Толгой Балгас

Исследователи отождествляют городище Чин-Толгой Балгас с поселением Чэн-Чжоу — крупным административным центром киданей в Монголии, построенном на месте уйгурского города Хэдун. Это подтверждается наличием слоя, датируемого уйгурской эпохой, под слоем киданьского времени [2. С. 11]. Поселение сохраняло свою значимость и позже: известно, что, стремясь объединить киданьские племена для противодействия

¹¹ Котвич В.Л. Поездка в долину Орхона летом 1912 г // ЗВОРАО. 1914. Т. 22. Вып. 1. С. 165.

¹² Beckwith Christopher I. *The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages*. Princeton University Press, 1993.

чжурчжэньской экспансии, в 1124 г. в Чэн-Чжоу прибыл Елюй Даши — потомок основателя империи Абаоцзи в восьмом поколении.

Во время полевых исследований венгерские археологи сделали предположение, что поселение киданьского периода Чин-Толгой Балгас было региональным центром, они также обнаружили скопления керамики на поверхности между другими более мелкими городищами, что подразумевает, что правящая элита киданей не проживала постоянно в поселении, а вела кочевой образ жизни вокруг него. Анализ частоты находок керамики и черепицы показал, что границы поселения простирались на 200–300 м от южной стены и 400–500 м от восточной [15. С. 4]. Спутниковые снимки выявили удлинённый земляной вал, оказавшийся в итоге остатком рва [16. С. 19].

Важный этап в истории Чин-Толгой связан с заключительным периодом династии Ляо и деятельностью Елюя Даши, который в последние годы существования империи был одним из наиболее активных военачальников [17. С. 166]. Под давлением чжурчжэней, в день цзя-у второго месяца (13 марта) 1130 г. Елюй Даши покинул Кэдунь, принеся в жертву Небу, Земле и предкам серого быка¹³. Так окончательно завершилась история киданьской империи Ляо.

Последнее письменное свидетельство о Чин-Толгойе связано с эпохой Чингисхана. Сохранилось описание путешествия даосского мудреца Чан Чуня, который в 1221 г. пересекал Монголию. В путевых заметках даос отобразил бедствия, постигшие Азию после монгольского нашествия: «Некогда здесь рощи доходили до небес, а теперь селения виднеются кое-где. Без числа погибло живых тварей от острия меча, сколько прекрасных жилищ обратилось в серый пепел!»¹⁴. В одном из разрушенных городов путешественник увидел хорошо сохранившиеся следы улиц. Чан Чуню сказали, что этот город был построен киданями, которые ушли на запад, не желая подчиниться чжурчжэням¹⁵. В этом же городе даос обнаружил стелу с киданьскими надписями, установленную на панцире каменной черепахи. Именно в Чин-Толгойе были найдены две обезглавленные черепахи, которые в настоящее время находятся около входа в музей другого киданьского города — Хар Бухын Балгаса. Можно с большой уверенностью утверждать, что Чан Чунь посетил Чин-Толгой. Вместе с тем местонахождение указанной выше стелы остается неизвестным.

Во времена династии Ляо буддизм в Монголии получил дальнейшее развитие, чему способствовало покровительство киданьской элиты, в т.ч. Елюя Абаоцзи. Однако, несмотря на это, в городище Чин-Толгой не обнаружено буддийских артефактов. Вместо этого археологи нашли

¹³ 辽史 [Ляо ши; История династии Ляо]. 北京: 中华书局, 1958. 页 30.

¹⁴ Там же. 页 347.

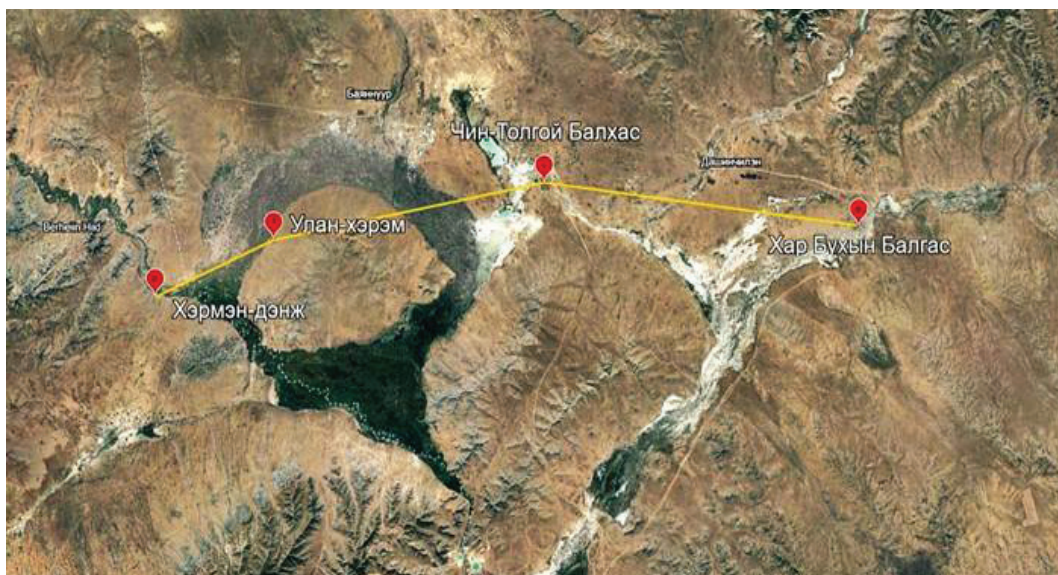
¹⁵ *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. New York, 1888. Vol. 1. P. 54–55.

множество керамических сосудов, бытовую утварь и остатки гончарных печей [17. С. 65]. Чин-Толгой Балгас был не только административным, но и торгово-ремесленным центром, располагавшимся на периферии империи Ляо. Отсутствие находок материальных следов буддизма в городище заставляет предположить, что здесь могло не быть каких-то значимых культовых сооружений, которые обнаруживаются в соседних киданьских поселениях. Впрочем, последующая история киданей (кара-киданей), образовавших Западное Ляо (1125–1218), четко очертит буддийский вектор их культурного развития.

Хар Бухын Балгас

Результаты полевых работ археологов из Венгрии показывают, что в районе р. Туул находилось более двух десятков памятников киданьского времени. Среди них выделяются четыре крупных городища: Хар Бухын Балгас, Чин-Толгой, Улан хэрэм и Хэрмэн дэнж. Первые три расположены в непосредственной близости друг от друга, формируя единый историко-культурный комплекс, что может указывать на их административную или стратегическую взаимосвязь. Интересно, что городища расположены почти по прямой линии с запада на восток, которую зрительно можно провести, если смотреть на карту или снимок из космоса (рис.) [17. С. 22].

Киданьские городища Орхоно-Тульского региона

Источник: Google Earth. URL: <https://goo.su/UR6N4> (дата обращения: 26.03.2025).

Kidan sites of the Orkhon-Tuul region

Source: Google Earth. URL: <https://goo.su/UR6N4> (accessed: 26.03.2025).

Городище Хар Бухын Балгас, изученное в рамках венгерского археологического проекта¹⁶, представляет собой более крупное укрепленное поселение площадью около 500 м², обнесенное рвом с канавами для отвода воды [15. С. 1–8]. Внутри стен расположены дворец, ступа и две центральные перекрестные улицы с сооружениями, отельные из которых имеют собственные рвы, ворота и стены, содержащие вулканическую породу и сланец. Длина валов: северный — 660 м, южный — 670 м, западный — 690 м, восточный — 760 м. По углам двухэтажного дворца, стены которого имеют толщину 3–4 м, находятся башни. Между угловыми башнями и главными воротами стоят дополнительные 3–4 квадратные башни, всего 30 башен, включая угловые [16. С. 22]. В «Ляо ши» Хар Бухын Балгас упоминается как Фанчжоу¹⁷. Судя по количеству башен, местные кочевники постоянно совершали набеги на приграничные крепости.

В XVII в. на руинах Хар Бухын Балгаса возвели буддийский монастырь, от которого сохранились только стены высотой 2–3 м. Этот монастырь является современником ставки Цогто-тайджи, находящейся в 27 км севернее Хар Бухын Балгаса [16. С. 21]. Д. Гонгор писал, что из дворцов и крепостей, построенных в XVII в., известны монастырь Эрдэнэ-дзу, Белый дворец (Цаган-хэрэм) на берегу р. Туул, воздвигнутый Цохур Цогто-хунтайджи и его матерью Чин Тайху Тайгал, и городище Хар бухын гол на северо-востоке от сопки Хадасан, построенный Номгуй-хунтайджи¹⁸. Связь монастыря Хар Бухын Балгаса с Цогто-тайджи представляет особый интерес, поскольку его 3D-модель [18] может быть использована для предположительной реконструкции архитектурного облика монастыря, так как сооружения были построены в одно время. Более того, политическая деятельность Цогто-тайджи, его роль в буддийском возрождении и контакты с тибетскими религиозными центрами могут открыть дополнительные сведения об этом монастыре.

Монастырь включал в себя несколько зданий. В период полевых работ венгерской археологической экспедиции в центральном святилище в 2017–2023 гг. было найдено большое количество религиозных артефактов, включая изображения Будды, текстильные и металлические предметы [16. С. 4]. В 1990–1993 гг. монгольско-японская исследовательская группа обнаружила 60 страниц рукописей XV–XVII вв., написанных на бересте.

¹⁶ Значительный вклад в исследование руин городища Хар Бухын Балгас сделала венгерская археологическая экспедиция (Лхагвасурэн Эрдэнэболд, Каталин Толнаи, Андраш Хармат Чилла Шиклуди, Жолт Силадьи, Йожеф Ласловский), которая совместно с университетом истории и археологии Монгольской академии наук в рамках проекта по изучению ландшафтов киданей на территории Монголии (KHI-LAND) с 2017 по 2023 гг. проводила полевые исследования. См.: [16. С. 1].

¹⁷ 辽史 [Ляо ши; История династии Ляо]. 北京: 中华书局, 1958. 页 164.

¹⁸ Гонгор Д. Халх товчоон II. Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1970. С. 322.

Коллекция состоит исключительно из тибетских буддийских текстов, написанных на монгольском, часть относится к Кангьюру и Сунгдую. Тексты делятся на четыре категории: буддийские молитвы и гимны, поклонение Авалокитешваре, защитные дхарани и астрологические тексты. Среди наиболее примечательных — краткое изложение «Сутры золотистого блеска», обращение к Алтан-хану, четыре молитвы для бардо, поклонение Гэсэру, руководство по сновидениям и свадебные календари. Другие тексты посвящены ритуалам для преодоления присущих миру страданий: признание грехов, молитвы божествам и просьбы о рождении в Чистой земле Амидахи [19. С. 8]. Обнаружение столь обширного корпуса монгольских и тибетских буддийских текстов свидетельствует о том, что монастырь в Хар Бухын Балгасе выполнял не только культовые, но и образовательные функции, что подчеркивает его значимую роль в распространении буддизма в регионе.

В 1970 г. Э.В. Шавкунов и Х. Пэрлээ обнаружили рядом с северным валом Хар Бухын Балгаса «Восемнадцать степных законов» — уникальный юридический памятник 1580–1620 гг. [20. С. 123]. Правовой документ восполняет хронологический пробел между «Ясой» Чингисхана и «Великим уложением» 1640 г. Одним из составителей «Восемнадцати степных законов» был Цогто-тайджи, принимавший участие в разработке нескольких ключевых законодательных актов. Интересно отметить, что со временем политическое влияние Цогто-тайджи уменьшалось, что отразилось на его позиции среди составителей законов. Если в 1603 г. он занимал четвертое место в списке, то к 1614 г. опустился на шестое, а к 1620 г. его имя оказалось в конце списка из двадцати авторов, что и свидетельствует о снижении влияния Цогто-тайджи среди политической элиты Монголии начала XVII в. [21. С. 59].

В документе выделяется частная собственность на движимое имущество, долговые обязательства как отдельных лиц, так и хошунов, содержится большое количество статей, касающихся брачных отношений, мер наказаний и размеров штрафов [22. С. 169–182]. Особо интересны пункты, касающиеся преступлений против религии и буддийского духовенства, например, в пункте 37 говорится: «Если простолудин ударит банди¹⁹ острием, [взять с него] одного верблюда. Если ударит чем другим, взять одну лошадь». В пункте 44 говорится: «Человек, прервавший [поставку] продовольствия и подвод Чин Дзорику Давахи Дархан Сэцэн-багше, введшему в учение Номун Джирухэн Вчирай-хана (Абатай-хана), наказывается штрафом — пяток и пятьдесят голов скота. Монашествующему делается скидка» [22. С. 83]. Анализируя статьи входящих в памятник законов, которые касаются религиозной деятельности, можно довольно четко определить социальную значимость буддийского духовенства в Монголии XVI–XVII вв. Обнаружение «Восемнадцати

¹⁹ Банди — монашеская степень в монгольском буддизме; послушник, принявший пять обетов.

степных законов» на территории монастыря повышает интерес к изучению истории Хар Бухын Балгаса. Дальнейшие исследования эпиграфических и архивных источников, связанных с периодом правления Цогто-тайджи, могут помочь по-новому интерпретировать уже существующие документы, связанные с личностью Цогто-тайджи, а также найти новые источники, раскрывающие детали роли монастыря Хар Бухын Балгас в культурном ландшафте Орхонской долины.

Заключение

Городище Хар Балгас, или Ордубалык, представляет собой важный историко-культурный памятник Орхонской долины, служивший столицей Уйгурского каганата в VIII–IX вв. Его значение выходит далеко за рамки административного центра, поскольку город воплощал политическую, сакральную и стратегическую концепцию власти кочевых империй. Согласно тюркско-монгольской традиции, место, где находился Ордубалык, воспринималось как сакральный центр — Отыкен, который символизировал легитимность власти правителей. Власть над этим регионом позволяла не только контролировать экономические потоки, но и проводить военные кампании, что делало Орхонскую долину геополитическим центром кочевых империй. Чин-Толгой Балгас был стратегическим узлом, связывающим важнейшие административные структуры империи Ляо, а также центром политического сопротивления киданей против чжурчжэней. Археологические исследования показывают, что, несмотря на наличие городской инфраструктуры, правящая элита киданей вела кочевой образ жизни вокруг города. Такая структура характерна для кочевых империй, которые использовали города не как постоянные резиденции, а как сезонные и административные центры. Хар Бухын Балгас находился в составе комплекса городов киданьского времени, формируя с Чин-Толгой и Улан хэрэм единое пространство управления и контроля. Упоминание Хар Бухын Балгаса в «Ляо ши» как Фанчжоу подтверждает его важность как приграничной крепости, постоянно подвергавшейся набегам кочевых народов. Расположение упомянутых городов как центров государственных образований уйгуров, киданей и монголов обеспечивало контроль над важнейшими торговыми путями, соединявшими Китай, Джунгарию и Центральную Азию.

Буддизм сыграл важную роль в трансформации региона. Несмотря на доминирование манихейства как государственной религии уйгуров, в уйгурском обществе присутствовало значительное влияние буддизма, о чем свидетельствуют найденная в Ордубалыке буддийская атрибутика, причем относящаяся к разным буддийским традициям (тибетские теракотовые образки, субурганы и элементы танской архитектуры). Это

говорит о сложных процессах религиозного взаимодействия между уйгурами, китайцами и тибетцами, а также о вероятности проникновения буддизма в каганат уже в первой трети VII в. Киданьский период ознаменовался подъемом буддизма в Монголии, во многом благодаря поддержке правящей киданьской знати, в т.ч. Елюя Абаоцзи. Буддизм укрепил свои позиции в XIII–XVII вв., свидетельством чему являются культовые постройки монголов, в частности, построенный в XVII в. на руинах киданьского города буддийский монастырь, вероятно связанный с деятельностью Цогто-тайджи. Это подчеркивает преемственность сакрального пространства: на месте бывшего киданьского административного центра возведен религиозный комплекс, ставший одним из центров буддийской традиции в Монголии.

Буддийский фактор оказал влияние на социально-политическое развитие народов Орхонской долины, что подтверждается археологическими артефактами, культовыми постройками всех трех периодов и эпиграфическими памятниками. Таким образом, Орхоно-Туульский регион — уникальный пример культурной и религиозной трансформации в условиях степного пространства, где кочевники, сменяя друг друга, сохраняли и развивали буддийское наследие своих предшественников.

Список литературы

1. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи : в двух частях. М. : Восточный Дом, 2002.
2. Дробышев Ю.И. Средневековый Отюкен // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 4. С. 5–22.
3. Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник — 1972. М. : Наука, 1973. С. 265–286.
4. Таскин В.С. Термин «Сунмо» в ранней истории киданей // Проблемы востоковедения. 1960. № 4. С. 151–154.
5. Крадин Н.Н. Предварительные результаты изучения урбанизационной динамики на территории Монголии в древности и средневековье // История и математика: Макроисторическая динамика общества и государства. М. : КомКнига, 2007. С. 40–48. EDN: YTQVGN
6. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История Киданьской империи Ляо (907–1125) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М. : Наука, Восточная литература, 2014.
7. Moses L.W. A Theoretical Approach to the Process of Inner Asian Confederation // *Études Mongoles. Cahier 5*. 1974. С. 113–122.
8. 蒙古国古代游牧民族文化遗存考古调查报告: 2005-2006年 [Отчет об археологическом исследовании культурных остатков древних кочевых народов Монголии: 2005–2006] / 中国内蒙古自治区文物考古研究所, 蒙古国游牧文化研究国际学院, 蒙古国国家博物馆编. —北京: 文物出版社 [Институт культурных реликвий и археологии Автономного района Внутренняя Монголия Китая, Международный институт по изучению кочевых культур Монголии, Национальный музей Монголии. Пекин : Изд-во культурных реликвий], 2008.

9. Елихина Ю.И. Буддийские находки экспедиции В.Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящиеся в Государственном Эрмитаже // *Mongolica XIV*. СПб., 2015. С. 30–33. EDN: UNBZNN
10. Письма А.Д. Симукова к П.К. Козлову и Е.В. Козловой, № 1. / *Монголика-VII*. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. С. 102–110. EDN: NYARZP
11. 阙特勤碑拓片 [Топография стелы Цюэ Тецинь]. URL: <http://www.minwang.com.cn/sncrm/mzwb95/wwwxs82/627007/index.html> (дата обращения: 03.02.2025).
12. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.
13. Очир А. Эртний уйгурчууд ба бурхны шашин // Дэлхийн Өв-Орхоны хөндийн соёлын дурсгалт газрын 10 жил: өнгөрсөн ба өнөө үе. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал. Улаанбаатар; Хархорин хот, 2014. Х. 33–38.
14. Китинов Б.У. Роль кочевых народов Центральной Азии в продвижении буддизма в Россию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 504–514. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-504-514>. EDN: LPXNLY
15. Csiky G., Erdenebold Lkh., Harmath A., Jambajantsan A.D., Szilágyi Zs., Tolnai K. The Khi-Land project: an archaeological programme and research in the area of KharBukh Balgas, Mongolia // *Hungarian Archaeology*. 2017. Vol. 6. № 2. Pp. 1–8.
16. Harmath András, Tolnai K., Szilágyi Z., Erdenebold Lkh. Research on landscape archaeology in the context of nomad towns: results of the Third Field Season of the Khi-land Project, 2018. Pp. 1–10.
17. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., А. Очир, Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгай-балгас. М. : Вост. лит., 2011.
18. Булган: “Сэтгэшгүй чандмань” сүм буюу “Цогтын цагаан байшин”. URL: <https://montsame.mn/mn/read/328688> (дата обращения: 10.02.2025).
19. Elverskog J. The Mongolian manuscripts on Birch Bark from Xarboxyn Balgas in the collection of the Mongolian Academy of Social Sciences, Part 1. By Elisabetta Chiodo. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2000. <https://doi.org/10.2307/2700334>
20. Почекаев Р.Ю. «Закон» Мандухай-хатун для ойратов и особенности развития монгольского права в «темные века» // Письменные памятники Востока. 2013. Т. 1. Вып. 18. С. 123–137.
21. Восемнадцать степных законов: Памятник монг. права XVI–XVII вв. Монг. текст, транслитерация монг. текста / пер. с монг., коммент. и исслед. А.Д. Насилова. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002.
22. Насилов А.Д. Новые сведения о монгольском феодальном праве (по материалам «Восемнадцати степных законов») // *Mongolica*. М. : Наука, 1986. С. 169–182.

References

1. Bichurin NYa. *Statisticheskoe opisanie Kitaiskoi imperii: v dvukh chastakh* [Statistical Description of the Chinese Empire: In Two Parts]. Moscow: Vostochnyi Dom publ.; 2002. (In Russ.).
2. Drobyshev YuI. Medieval Otyuken. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* [Oriental Studies. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2012;(4):5–22. (In Russ.).
3. Potapov P. Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannykh [Umai — the Deity of Ancient Turks in the Light of Ethnographic Data]. *Tiurkologicheskii sbornik — 1972* [Turkological Collection — 1972]. Moscow: Nauka publ.; 1973. Pp. 265–286. (In Russ.).
4. Taskin VS. The Term “Sunmo” in the Early History of the Khitans. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental Studies]. 1960;(4):151–154. (In Russ.).

5. Kradin NN. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniia urbanizatsionnoi dinamiki na territorii Mongolii v drevnosti i srednevekov'e [Preliminary Results of the Study of Urbanization Dynamics in Mongolia in Antiquity and the Middle Ages]. In: *Istoriia i matematika: Makroistoricheskaia dinamika obshchestva i gosudarstva* [History and Mathematics: Macrohistorical Dynamics of Society and State]. Moscow: KomKniga publ.; 2007. Pp. 40–48. (In Russ.). EDN: YTQVGN
6. Kradin NN, Ivliev AL. *Istoriia Kidan'skoi imperii Liao (907–1125)* [History of the Khitan Liao Empire (907–1125)]. Moscow: Nauka, Vostochnaia Literatura publ.; 2014. (In Russ.).
7. Moses LW. A theoretical approach to the process of Inner Asian Confederation. *Études Mongoles*. Cahier 5. 1974. Pp. 113–122.
8. 蒙古国古代游牧民族文化遗存考古调查报告: 2005-2006年 [Report on the Archaeological Investigation of Cultural Remains of Ancient Nomadic Peoples of Mongolia: 2005–2006]. 中国内蒙古自治区文物考古研究所, 蒙古国游牧文化研究国际学院, 蒙古国国家博物馆编. —北京: 文物出版社 [Institute of Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region of China, International Institute for the Study of Nomadic Cultures of Mongolia, National Museum of Mongolia. Beijing: Wenwu Chubanshe]; 2008. (In Chinese).
9. Elikhina YuI. Buddiiskie nakhodki ekspeditsii V.L. Kotvicha iz gorodishcha Khara-Balgasun, khраниashchiesia v Gosudarstvennom Ermitazhe [Buddhist Finds from V.L. Kotwicz's Expedition from the Khara-Balgasun Settlement, Kept in the State Hermitage]. *Mongolica* XIV. Saint Petersburg, 2015. Pp. 30–33. (In Russ.). EDN: UNBZNH
10. Pis'ma A.D. Simukova k P.K. Kozlovu i E.V. Kozlovoi, No. 1 [Letters from A.D. Simukov to P.K. Kozlov and E.V. Kozlova, No. 1]. *Mongolica*-VII. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie publ.; 2007. Pp. 102–110. (In Russ.).
11. 阙特勤碑拓片 [Topography of the Kul Tigin Stele]. Available from: <http://www.minwang.com.cn/cncrm/mzwb95/wwxs82/627007/index.html> [accessed: 03.02.2025]. (In Russ.).
12. Danilov SV. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii* [Cities in Nomadic Societies of Central Asia]. Ulan-Ude; 2004. (In Russ.).
13. Ochir A. Ertanii uigurchuud ba burkhny shashin [Early Uyghurs and Buddhism]. *Delkhiin Öv — Orkhon khöndiin soëlyn dursgalyn 10 jil: öngörsön ba önöö üe* [World Heritage — Orkhon Valley Cultural Landscape: 10 Years, Past and Present]. International Scientific Conference. Ulaanbaatar; Kharkhorin; 2014. Pp. 33–38. (In Mong.).
14. Kitinov BU. The role of Nomadic peoples of Central Asia in the spread of Buddhism into Russia. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):504–514. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-504-514> EDN: LPXNLY
15. Csiky G, Erdenebold Lkh, Harmath A, Jambajantsan AD, Szilágyi Zs, abd Tolnai K. The Khi-Land project: an archaeological programme and research in the area of KharBukh Balgas, Mongolia. *Hungarian Archaeology*. 2017;6(2):1–8.
16. Harmath András, Tolnai Katalin, Szilágyi Zsolt, Erdenebold Lkhagvasuren. Research on landscape archaeology in the context of nomad towns: Results of the Third Field Season of the Khi-land Project; 2018. Pp. 1–10.
17. Kradin NN, Ivliev AL, Ochir A, Vasyutin SA, Danilov SV, Nikitin YuG, Erdenebold L. *Kidan'skii gorod Chintolgoy-Balgas* [The Khitan City of Chintolgoy-Balgas]. Moscow: Vostochnaia Literatura publ.; 2011. (In Russ.).
18. *Bulgan: "Setgeshgüi Chandman" süm buyu "Tsogtyn tsagaan baishin"* [Bulgan: "Inconceivable Chant Mani" Temple, or "Tsogt's White Palace"]. Available from: <https://montsame.mn/mn/read/328688> [accessed: 10.02.2025]. (In Mong.).
19. Elverskog J. *The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Social Sciences*, Part 1. By Elisabetta Chiodo. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2000. <https://doi.org/10.2307/2700334>

20. Pochekaev RYu. “The Law” of Mandukhai Khatun for the Oirats and the Specifics of the Development of Mongolian Law in the “Dark Ages”. *Pismennye pamiatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]*. 2013;1(18):123–137. (In Russ.).
21. *Vosemnadtsat' stepnykh zakonov: Pamiatnik mong. prava XVI–XVII vv. Mong. tekst, transliteratsiia mong. teksta [Eighteen Steppe Laws: A Monument of Mongolian Law, 16th–17th Centuries. Mongolian Text, Transliteration]*. Nasilov AD trans. from Mong., commentary and research. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie publ.; 2002. (In Russ.).
22. Nasilov AD. Novye svedeniia o mongol'skom feodal'nom prave (po materialam «Vosemnadtsati stepnykh zakonov») [New Information on Mongolian Feudal Law (Based on the “Eighteen Steppe Laws”)]. *Mongolica*. Moscow: Nauka publ., 1986. Pp. 169–182. (In Russ.).

Информация об авторах:

Игнатова Мария Михайловна — лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: masaignatova@gmail.com ORCID: 0009-0007-5535-1982. SPIN-код: 9333-5484.

Китинов Баатр Учаевич — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-код: 9886-3550.

Information about authors:

Maria M. Ignatova — Research assistant, Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental studies of RAS, 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: masaignatova@gmail.com ORCID: 0009-0007-5535-1982. SPIN-code: 9333-5484.

Baatr U. Kitinov — Doctor Habilitatus, Associates Professor, Senior research fellow, Department of History of East, Institute of Oriental studies of RAS, 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-code: 9886-3550.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-566-583

EDN: JITOZX

Research article / Научная статья

The position and role of Qatar in China's Middle East policy

Seyedmohammad Seyedi Asl¹ , Shalaleh Zabardast Alamdari² ,
Murad S. Sadygzade^{1,3}

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Independent Researcher, Ankara, Türkiye

³Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

msadygzade@hse.ru

Abstract. The evolving dynamics of global foreign policy have highlighted economic cooperation as a critical factor in international relations post-Cold War. China's increasing involvement in the Middle East, particularly in the Persian Gulf, has emerged as a significant development. In fact, China's international prominence was largely attributed to its need for petroleum imports. However, as the 21st century unfolded, China's global influence has grown substantially, particularly in the Middle East and North Africa, where it has expanded its economic, diplomatic, strategic, and military engagements. Considering that China-Qatar relations have intensified across political, economic, commercial, and energy sectors, the primary aim of this study is to elucidate the strategic significance of Qatar within China's foreign policy framework. It seeks to demonstrate how Qatar's role extends beyond merely providing natural gas, exploring the multifaceted nature of their bilateral relations. The research uses a descriptive-analytical methodology and analyzes diplomatic, economic, and security aspects of the bilateral relationship by focusing on recent developments and shifts in the geopolitical landscape. The findings reveal that Qatar's strategic value to China extends beyond its role as an energy supplier. The relationship between the two nations is characterized by a deepening network of mutual dependency, encompassing cooperation in energy, investment, and security. This deepening of connection will make the future of China-Qatar relations, as evidenced by this growing cooperation, closer together. And the increasing importance of bilateral relations between China and Qatar for the future will be highlighted by this strengthening cooperation. Additionally, Information and research data are collected through library studies, the Internet, and quarterly journals.

© Seyedi Asl S., Zabardast Alamdari Sh., Sadygzade M.S., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: foreign policy, energy resources, energy cooperation, investments, security

Contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgement. Support from the Faculty of World Economy and International Affairs at HSE University is gratefully acknowledged.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 26.03.2025; accepted 16.07.2025.

For citation: Seyedi Asl S, Zabardast Alamdari Sh, Sadygzade MS. The position and role of Qatar in China's Middle East policy. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):566–583. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-566-583> EDN: JTOXZ

Позиция и роль Катара в политике Китая на Ближнем Востоке

С. Сейеди Асл¹ , Ш. Забардаст Аламдари² , М.С. Садыгзаде^{1,3}

¹Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

²Независимый исследователь, Анкара, Турецкая Республика

³Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

 msadygzade@hse.ru

Аннотация. В условиях трансформации глобальной внешней политики и усиления роли экономического сотрудничества в международных отношениях возрастающее присутствие Китайской Народной Республики (КНР) на Ближнем Востоке, в частности в регионе Персидского залива, представляет собой значимый феномен. С XXI в. наблюдается существенное расширение экономического, дипломатического, стратегического и военного влияния КНР, особенно в странах Ближнего Востока и Северной Африки, что в значительной степени обусловлено потребностью Китая в импорте углеводородов. Настоящее исследование посвящено изучению стратегической значимости государства Катар во внешней политике КНР, в частности, установлению многоаспектного характера двусторонних отношений, выходящего за рамки роли Катара как поставщика природного газа. Проанализированы дипломатические, экономические аспекты сотрудничества в области безопасности в контексте двусторонних отношений с акцентом на актуальные события и изменения в геополитическом ландшафте. Результаты свидетельствуют о том, что стратегическая ценность Катара для КНР состоит не только в его роли экспортера энергоресурсов, демонстрируя углубление взаимозависимости, охватывающей энергетическое сотрудничество, инвестиционные потоки и взаимодействие в сфере безопасности. Растущее сотрудничество сблизит Китай и Катар, а также подчеркнет важность этих отношений для будущего. Источниковая база исследования включает материалы библиотечных фондов, онлайн-ресурсы и данные периодических изданий.

Ключевые слова: внешняя политика, энергоресурсы, энергетическое сотрудничество, инвестиции, безопасность

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 26.03.2025; принята к публикации 16.07.2025.

Для цитирования: *Seyedi Asl S., Zabardast Alamdari Sh., Sadygzade M.S.* The position and role of Qatar in China's Middle East policy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 566–583. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-566-583> EDN: JITOXZ

Introduction

The Middle East continues to be a significant component of the foreign policy agenda of major global powers. The evolution of international politics pursued by these nations has exerted a substantial influence on the developmental trajectories of the region [1. P. 9]. China is something of a “newcomer” in the Middle East region. For a long time, its importance to Beijing was low due to geography, but this began to change in the early 2000s. Thanks to rapid economic development, marked by its accession to the World Trade Organization in 2001, the growth rate of China's energy consumption has increased sharply, and the importance of this region for China's energy security has also grown [2. P. 29].

In recent years, China has significantly ramped up its involvement in the Middle East, by enhancing stronger ties with a diverse array of nations across the region. By strengthening trade relations, it has developed into a vital import-export partner and a rising investor in countries like Iran, Saudi Arabia, and Qatar. China's growing participation in the region is centered on Beijing's Belt and Road Initiative (BRI), which seeks to promote China's economic growth and the regime's domestic legitimacy by increasing connectivity between Asia, Africa, and Europe [3. P. 1]. This is partially explained by the necessity of being more assertive in a geographically important area where it has numerous interests. It is also an indication of status — a rising power with global interests needs to be seen as playing an important role in the Middle East. China has been increasing its political influence in order to achieve this [4. P. 2].

In fact, the countries of the Persian Gulf are actively pursuing bold growth plans meant to achieve economic reform and reduce their excessive reliance on oil. These initiatives include Vision 2035 in Kuwait, Vision 2030 in Qatar, Vision 2030 in Bahrain, Vision 2020 in Oman (which was replaced by the Oman Vision 2040 “Implementation Follow-up Unit” via Royal Decree 100/2020 on August 18, 2020), Vision 2021 in the United Arab Emirates (now succeeded by “We The UAE 2031”), and Vision 2030 in Saudi Arabia. These countries are trying to achieve sustainable development by privatizing and developing non-oil industries. China's Belt and Road Initiative (BRI) and these large regional development plans have agreed

upon a shared route for economic growth. These strategic synergies seem to bring new opportunities to both sides [5. P. 2].

On the other hand, Qatar is about to become an influential player at the regional level in the field of foreign policy. In this regard, in less than 20 years, Qatar has emerged as one of the major regional players in Middle Eastern international relations by being the world's largest LNG exporter [6. P. 185]. Additionally, between 2017 and 2021, its neighbors (Saudi Arabia and the United Arab Emirates) imposed a land, sea and air blockade that lasted nearly three and a half years. This was due to Qatar's independent and controversial foreign policy. The small gas superpower is not only much more visible, prominent and influential; it is also the subject of heated debates about its foreign policy [7. P. 5].

For this reason, Qatar's political leaders think that this country's geopolitical importance in the Middle East has been increasing. Moreover, it seems that China's increasing need for hydrocarbon energy has been taking China and Qatar relations to new dimensions. It is almost certain that relations will become even stronger and more diversified as energy trade between the two countries develops.

To examine the strategic role of Qatar in China's foreign policy context, and to focus on both countries bilateral relations that have advanced beyond the conventional energy collaboration into wider economic, political, and security cooperation; **the main goal of this study** is to analyze how economic collaboration, investment initiatives, and geopolitical placement have reinforced China and Qatar bilateral relations within the context of the Belt and Road Initiative. Furthermore, it indicates that what driving forces led China to get increasingly engaged with Qatar. As a result, the study emphasizes how small but resource rich states like Qatar can perform as a critical actor and subsidize to China's Middle East policy. By highlighting the fact of Qatar leverages its energy resources and mutual benefits for both national development and regional stability in the Persian Gulf, the study intends to contribute to a profound understanding of how Qatar contributes to foreign policy strategies of emerging global powers such as China.

China's foreign policy in the Middle East

During the Cold War (1945–1991), China a smaller power was squeezed by two superpowers and it found itself largely isolated from the Middle East during this period. In fact, it didn't have a largely visible presence in the region, and it was under the little risk from the side of superpowers. There were two waves of diplomatic normalization that came after the People's Republic of China (PRC) achieved early diplomatic breakthroughs in the Middle East. Egypt and Syria were the first nations in the area to have diplomatic ties with China in 1956. But Beijing took up Taipei's position on the UN Security Council following the major breakthrough in the 1970s brought about by China's admission to the organization [8. P. 4].

A fundamentally new approach to foreign policy began to take shape in the PRC after 1978. Beijing's policy towards the Arab world was de-ideologized. To strengthen cooperation, prerequisites began to be created within the PRC (study of Arab countries and culture, granting greater freedoms to Chinese Muslims) [9. P. 35]. On the other hand, since the 1980s, when Deng Xiaoping came to power, the rapid structural reform movement in various aspects of the country happened. It was the beginning of a return to the international community and reconciliation with national interests. Stepping into the valley of facts paves the way for the country to join the World Trade Organization [10. P. 99].

After Deng Xiaoping came to power, a radical change occurs in the country's foreign policy, in which economic interests and motives are replaced by ideological and geopolitical conflict of the world. This trend is known as the "*developmental discourse*" in Chinese foreign policy [11. P. 159].

Following Deng Xiaoping's reform and opening-up policies in the early 1980s, partners were chosen primarily based on their ability to provide China's energy needs, particularly in the Middle East. This has made the pertinent nations that are most accessible — particularly those in the Persian Gulf — even more important. China's foreign and security policy agenda now places a high premium on ensuring a steady and uninterrupted supply [12. P. 3].

However, in the 1990s, China's interest in and economic dependence on the Middle East expanded significantly. An international security analyst at the elite Central Party School in Beijing claims that China's geopolitical, economic, energy, and security interests in the Middle East are continually growing [8. P. 4].

The Middle Eastern countries' relationship with the People's Republic of China started to drastically shift in the early 2000s. China's relations with the Persian Gulf countries have become increasingly unique, especially in the socioeconomic arena, in light of the "*multipolar world order*" and the geopolitical "*chess game*" concept. The significant increase in trade and the resulting strategic Chinese investment in selected infrastructure projects in the Arabian Peninsula have met the changing economic needs of the Gulf Cooperation Council (GCC) states. They are increasingly faced with the need to diversify their economies, which are heavily dependent on petrochemicals. Highlighting the fact that, it was driven forwards by the growing environmental concerns and eco-friendly policies adopted by Western nations. This has accelerated efforts to decouple economic growth from crude oil consumption [13. P. 205].

The (Persian) Gulf is seen as a crucial part of the BRI since the election of a new Chinese administration in 2012. In addition to Yemen, Iran, and Iraq, the GCC nations were crucial to bolstering China's energy security, opening up foreign markets, and advancing its soft power in the new era [14. P. 32]. During the Fourth World Peace Forum in Beijing in June 2015, Foreign Minister Wang Yi made the following remarks under the title "*China's Role in the Global and Regional Order*": First; opposing "*the deliberate use*

of force”, “China consistently favors the peaceful resolution of international disputes and is committed to developing a new model of inter-state relations with win-win cooperation as a basis”. Latter; China has taken a broad role in solving global hotspot problems: “From Ukraine to the Middle East and South Sudan, we are deeply involved in international cooperation in the fight against terrorism, drug trafficking, climate change, and the Iranian nuclear issue”. Third; “We have fulfilled our obligations by participating in more than 23,000 bilateral agreements, more than 400 multilateral agreements and almost all intergovernmental organizations”. Fourth, China has actively advocated exchanges and mutual learning among civilizations [15. P. 180]. At the beginning of 2016, China adopted a new strategic concept regarding Arab countries. This was the first document that clearly outlined the contours of China’s foreign policy in the Middle East for a long-term historical perspective. It also revealed the PRC’s desire to play a significant role in this region, while strengthening relations in the political and economic spheres [16. P. 23].

On the other hand, the country’s rapidly rising energy consumption, mandatory supply from external sources and serious concerns about the country’s “energy security” prompted the energy diversification strategy which resulted in being highlighted in the agenda. Based on this strategy, it searches for energy sources almost all over the world. Persian Gulf, Africa, Russia and Central Asia are the main implementation centers of this strategy [17. P. 15]. China’s interest in the Middle East was based on the growing demand for energy resources, which the region is rich in. The significance of this factor remains today: in 2019–2020, over 15% of Chinese demand for crude oil was satisfied by Saudi Arabia alone, and another 25% was provided by other Gulf countries [18. P. 2382].

Chinese diplomats and specialists in strategic affairs have imparted knowledge regarding the basis of China’s proactive involvement in the region. Beijing espouses the concept of peace through development, emphasizing “shared security perceptions” divergent from the Western-led “traditional security perception,” which prioritizes security through defeating adversaries and maintaining exclusive military alliances¹. To meet its energy needs and ensure the security of its energy supply, China has adopted a twofold policy, which can be summed up as follows [19. P. 3]:

1. With the start of the New Silk Road infrastructure projects, the historic Silk Road routes have been transformed into an extensive system of pipelines, modern roads, and railways designed for trade and energy resource transportation. With this strategic endeavor, the hazards associated with naval blockades and embargoes will be reduced and vulnerabilities at sea will be minimized.

---

¹ Moonakal NA. The Impact and Implications of China’s Growing Influence in the Middle East. *The Diplomat*. July 09, 2022. Available from: <https://thediplomat.com/2022/07/the-impact-and-implications-of-chinas-growing-influence-in-the-middle-east/> (accessed: 12.03.2025).

2. Parallel to efforts to fortify military capabilities aimed at protecting foreign interests have been initiatives for military modernization, particularly in naval capabilities. Furthermore, the PLA Navy's (PLAN) strategic focus has shifted from "*coastal defense*" to "*far sea defense*".

As emphasized by a Chinese expert, China's energy strategy has emerged as a significant factor influencing not only the Asian but also the global geopolitical equilibrium. This assertion highlights the pivotal role energy security plays in shaping regional dynamics. The expert draws parallels with historical events, citing how energy insecurities propelled Japan's expansion into Southeast Asia half a century ago, ultimately contributing to the outbreak of the Pacific War. This underscores the multifaceted nature of energy security, which extends beyond mere economic concerns to encompass national security, strategic economic interests, and diplomacy [20. P. 55].

Leaders from the Middle East, particularly the (Persian) Gulf States, have been visiting China on a regular basis in the last few years. Since the two nations' diplomatic relations were established in 1987, Bahrain's King Hamad bin Isa Al Khalifa made his first official visit to China in September 2013. The visits to Beijing in March 2014 by a Saudi prince and May 2014 by Iranian President Hassan Rouhani followed this. Kuwait's prime minister visited China in May 2014 after 10 years. Such events can be considered as Middle Eastern capitals seeking to further involve Beijing in the diplomatic and strategic realities of the region [21. P. 9].

China is now the Middle East's largest trade partner, encompassing North Africa, and the region's largest investor. China is the top trading partner of Saudi Arabia, Iran, and the United Arab Emirates; Iraq and the former are ranked second. It has managed to become an important import point for countries whose trade is dominated by the EU (e.g., Algeria and Egypt). Its investments range from infrastructure (especially ports) to telecommunications [22. P. 5]. In 2013, the "*Belt and Road Initiative*" (BRI) developed by President Xi used the logic of geo-economic development as a priority. President Xi stressed the "*1+2+3*" cooperation model between China and 22 Arab governments in June 2014 during the China-Arab Cooperation Forum's sixth ministerial session. China suggested splitting infrastructure development and trade investments into two wings and making energy cooperation the major axis of this plan. Nuclear power, aviation, satellites and new energy rapid breakthrough areas; All of this is based on geo-economic strategy [23. P. 8].

During the 6th Ministerial Conference of the China-Arab States Cooperation Forum (CASCF) in June 2014, President Xi Jinping stated that the countries in the region are "*natural cooperation partners in jointly building the BRI*". Since then, various actors from China, especially companies, banks and financial institutions, have engaged in active efforts to implement the BRI in the (Persian) Gulf [24. P. 6].

The BRI is at the center of China's diplomatic confrontation with Middle Eastern countries, a point repeatedly emphasized by Beijing officials. Therefore, the Silk Road strategy gives new impetus to the economic transformation of the Middle East. Despite the challenges, risks can be turned into opportunities as long as China faces them head on and responds positively. China's rise has coincided with significant shifts in the global economy and geopolitical tendencies during the last 20 years. These developments create new opportunities for Middle Eastern countries looking to diversify or rebuild their economies, increase trade and seek investment opportunities in emerging markets [25. P. 3].

Chinese cumulative contracts and investments in Middle Eastern states (2005–2017) are concentrated in Saudi Arabia (30.2 billion), Iran (24.3 billion), Egypt (22.2 billion), the United Arab Emirates (20.4 billion), and Iraq (18.7 billion), according to the American Enterprise Institute (2017), a Washington-based think tank (26. P. 285). According to China Global Investment Tracker, Beijing's investments in Middle Eastern states from 2013 to 2019 reached \$93.3 billion. Most are in the energy sector (\$52.8 billion), real estate (\$18.4 billion), transportation (\$18.6 billion) and utilities (\$5.9 billion). This is important for Middle Eastern countries because they are all under pressure from more diverse economies. Therefore, this will help them to undertake major infrastructure and construction projects. Chinese companies are uniquely well positioned to benefit from this approach to developing the infrastructure of the BRI [24. P. 2].

The connection between China and the Middle East extends to substantial levels of commodities commerce and business development in addition to energy exchange. It has promised to invest \$40 billion to fund the building of infrastructure, especially at significant crossing sites along the historic Silk Road trade routes, which pass across the Arabian Peninsula. As of the end of 2014, China had inked 118 bilateral or tripartite free trade agreements with states along the "One Road, One Belt" path [27. P. 2].

Thus, the Chinese government has an interest in keeping a careful eye on the Middle East in order to fulfill its Belt and Road agenda. China has strategically positioned its BRI at the geographic core of the Middle East. An important point of convergence occurs where the three continents of Asia, Africa, and Europe meet the Mediterranean, Red, Arabian, Caspian, and Black oceans. The Bosphorus, Bab al-Mandeb, Dardanelles, and Strait of Hormuz are the four main sea channels that are included in it as well [5. P. 2]. Owing to their advantageous position, plentiful energy resources, consistent economic expansion, and growing consumer and products markets, the Persian Gulf countries stand out as essential stakeholders with the potential to make major contributions to the effective implementation of the Belt and Road Initiative. One significant supplier to these markets may be China [28. P. 71].

Qatar in China's Middle East policy

Qatar's foreign policy, energy export regulations, and national security measures are textbook examples of how a little state has expanded its global reach well beyond its borders. Qatar's global ambitions are often portrayed as a manifestation of the policy-making goals of regime-aligned elites, particularly its ruling family. Nonetheless, it's critical to acknowledge that Qatar's objectives are made feasible by its prosperous and quick economic development [29. P. 13]. Qatar has achieved geopolitical success at the crossroads of energy, foreign policy, and national security, setting it apart from its neighbors in the Persian Gulf Cooperation Council in terms of security frameworks. Qatar is traveling in a different direction. Using a variety of bilateral ties established through long-term export contracts, Qatar defies the dominance of the global market and innovates the international system's security framework [29. P. 17].

On the other hand, with the help of revenues from gas resources, Doha has sought a greater role in foreign policy and adopted creative methods, thus being portrayed as playing a mediating role in local, regional and international issues [30. P. 139]. In line with these policies, Qatar has increased its relations with China in recent years. On the other hand, due to the increasing energy need, China follows the strategy of investing in Qatar energy resources and making long-term contracts to secure its country's energy resources.

Their relationship has been affected over time by the Cold War context, regional changes in the Persian Gulf, and internal advancements in both China and Qatar. Only on July 9, 1988, did China and Qatar establish diplomatic relations. Because Qatar, a Western-oriented nation, had only sporadic commercial ties with Communist China dating back to the 1950s, it had little substantive engagement with the latter. Tensions between Qatar and China increased in the 1960s and 1970s as a result of China's terrible repression of Muslim minorities during the Cultural Revolution. Consequently, bilateral ties between Qatar and China remained virtually non-existent during this period [31. P. 12].

Qatar-China relations can be discussed in three phases. The first phase can be described as the period from July 1988, when diplomatic relations between the two countries began, to 1999, when Hamad bin Khalifa al-Thani visited China. During this phase, both countries made an attempt to increase chances for cooperation and potential in a number of industries, with a focus on difficulties linked to petrochemicals and energy. Professional delegations from the trade and energy industries paid each other reciprocal visits to look into possible areas of collaboration. The second phase commenced with the Emir of Qatar's visit to China, marking a significant milestone in bilateral relations. Following this visit, which established a strong framework for cooperation, the two nations signed a number of agreements covering economic, political, cultural, and other fields of cooperation. The visit to China by King Sheikh Tamim bin Hamad al-Thani

in November 2014 marked the start of the third stage, which can be considered the pinnacle of bilateral relations².

When Tamim bin Hamad Al Thani signed a Memorandum of Understanding on the Belt and Road Project during his visit to China in 2014, Qatar became one of the first countries to join the initiative. Additionally, in the same year, Qatar's sovereign wealth fund set aside a \$10 billion fund to invest in China's healthcare, infrastructure and real estate sectors. These initiatives of Qatar towards China have been further strengthened by the country's decision to exempt visa requirements and grant permanent residence permits to Chinese citizens. At the same time, Qatar has become a country with foreign exchange authority with the agreement it made with the Central Bank of China³.

"Qatar is an important country playing a unique role in the Middle East and Persian Gulf region, and is considered an important economic and security partner of China in this region," Chinese President Xi Jinping stated during this visit [32. P. 3].

Beijing's resounding endorsement of Doha helped to make Qatar's involvement in the ambitious Belt and Road Initiative — which seeks to position China at the forefront of world trade in the twenty-first century — well-known. Qatar is a member of the Asian Infrastructure Investment Bank and was among the first countries to fund the Belt and Road Initiative. Although Qatar is not directly on either the *"Belt"* or the *"Road"*, Doha has played a diplomatic role in Middle Eastern and African conflicts over the years. Given that geopolitical instability throughout the Belt-Road corridor threatens the success of this initiative, Beijing has strong reasons to assist Qatar.⁴

The Belt and Road Initiative will have a major positive impact on Qatar since it will allow China and Qatar to work together more closely to realize the full potential of QNV2030. An agreement to maximize the benefits of the private sectors in China and Qatar and to foster greater cooperation between the two countries in order to establish new partnerships was signed in April 2017 by the China International Trade Promotion Council and the Qatar Chamber. They also signed a memorandum of understanding that made it possible for the Qatar Chamber of Commerce to become a member of the Silk Road International Chamber of Commerce. A second memorandum of agreement was later signed by China and Qatar in November 2018 with the aim of promoting QNV2030 and China's Belt

---

² Qatar China relations between 2014 and 2017. Embassy of the State of Qatar. Available from: <https://beijing.embassy.qa/en/china/qatar--china-relations> (accessed: 18.03.2025).

³ Zhou Jian HE. Qatar and China natural partners in Belt and Road cooperation. *The Peninsula*. Jun 30, 2020. Available from: <https://thepeninsulaqatar.com/opinion/30/06/2020/Qatar-and-China-natural-partners-in-Belt-and-Road-cooperation> (accessed: 20.03.2025).

⁴ Ulrichsen KC, Theodore K. How Asian and European countries helped Qatar maintain sovereignty. *Gulf State Analytics*. Apr 22, 2018. Available from: <https://gulfstateanalytics.com/how-asian-and-european-countries-helped-qatar-maintain-sovereignty/> (accessed: 21.03.2025).

and Road Initiative through international marine investment opportunities⁵. On 04 Nov 2019 Lim Meng Hui, Chief Executive Officer of the Belt-Road Project, stated that 3.64 billion QR (\$1 billion) of funds were provided to promote investment and economic growth in Qatar. According to the latest reports of the Qatar Free Zones Authority, it has approved investment applications from major international and local companies worth over QR 1 billion by the end of August this year. Qatar Free Zones Authority also acts as a “*regulatory zone developer*” with a \$1 billion fund to encourage investment and economic growth. A free zone of approximately 40 square kilometers is mentioned. Meng Hui stated, “*Our direct role is to attract investments and long-term partners to Qatar, especially in the three main sectors: logistics, chemicals and emerging technologies*”⁶. “*Qatar’s position in the region helps it play an important role in the Belt and Road Initiative, especially with its economic and geographical components,*” said Gui Hanfeng, chairman of the Global Economic Development Forum (GEDF)⁷.

Because Qatar has consistently supported and promoted the Belt and Road Initiative (BRI) throughout the (Persian) Gulf area from its beginning, China views Qatar as an essential partner in the BRI. Qatar, on the other hand, is conscious of China’s status as a rising political and economic force in the world and believes that China’s impact on these matters will only increase going forward. For Qatari businesses, China is a significant economic market and source of investments. Qatar supports China’s dedication to equality and non-hegemonic conduct and respects its method of fostering mutual relations. Regarding the “*Qatar blockade*”, Qatar also values China’s non-interventionist stance and practical foreign policy in the Persian Gulf region [31. P. 12].

Al Mansouri, former Chinese ambassador to Qatar, described the Belt and Road Initiative as “*noble*” because its fruits will benefit not only China but also all Asian and other countries along the route, so Qatar was one of the first countries to support the initiative. “*We believe that all efforts that will contribute to the rejuvenation of all countries in Asia should be supported*”⁸.

Qatar’s cooperation with China also has a relatively separate military dimension. A cooperation agreement in the field of combating terrorism was signed in 2017. This agreement was announced shortly after Qatar’s Saudi,

⁵ Silk Road Briefing. China’s Belt & Road initiative and Qatar. Nov 22, 2022. Available from: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2022/11/22/chinas-belt-road-initiative-and-qatar/> (accessed: 21.03.2025)

⁶ Shoeb M. QFZA holding \$1bn to promote investment & economic growth: CEO. *The Peninsula*. Nov 04, 2019. Available from: <https://s.thepeninsula.qa/nbeltq> (accessed: 21.03.2025)

⁷ Perumal Santhosh V. Qatar seen playing a key role in China’s Belt and road plan. *Gulf Times*, November 26, 2018. Available from: <https://www.gulf-times.com/story/614255/qatar-seen-playing-a-key-role-in-chinas-belt-and-road-plan> (accessed: 21.03.2025).

⁸ Qatar and China: developing a comprehensive strategic partnership. *China today*. August 11, 2018. Available from: http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/2018/ii/201808/t20180811_800138032.html (accessed: 21.03.2025).

Emirati and Bahraini neighbors blockaded the agreement, alleging Qatar's support for international terrorism. The main point of the document was to state that Doha could count on the support of major powers such as China. In December 2017, during Qatar National Day celebrations held for the first time during the blockade, the Qatari military displayed its short-range Chinese-made SY-400 ballistic missile [33. P. 3]. Beijing's decision to turn its bilateral relations with Doha into a strategic partnership can be explained within four strategic factors⁹:

1. China considers exporting military technology to Qatar to be a profitable venture.

2. Given that Qatar is the Arab country most receptive to unconditional talks with Islamist non-state actors, China and Qatar have normative solidarity in the field of security.

3. The Chinese Government is of the opinion that strengthening cooperation with Qatar on the fight against terrorism will limit Doha's influence on the Uyghur Turks.

4. By strengthening security cooperation with Qatar, China is strengthening its role as a mediator in the event of a security crisis between the GCC countries.

China's Ambassador to Qatar evaluates cooperation in bilateral relations as follows¹⁰:

“Our cooperation has created a mature model with energy as the foundation, infrastructure as the key, and finance and investment as the new starting point. In the next phase, we want to work more closely with our Qatari friends and jointly support the high-quality development of our Belt and Road cooperation”.

However, in 2020, the value of bilateral commerce between China and Qatar was estimated to be 39.8 billion Qatari Riyals, or 10.9 billion US dollars. Therefore, it can be said that the expansion and growth potential of economic relations between the parties is at very high levels. Both countries signed a double taxation agreement at the beginning of this year. In addition, Qatar Petroleum signed a ten-year contract to supply two million tons per year of liquefied natural gas (LNG) to Sinopec in China in May 2021¹¹. In the meantime, China formed two \$20 billion joint investment funds with Qatar and the United Arab Emirates and constructed two foreign exchange clearinghouses in those nations [34. P. 191].

---

⁹ Ramani S. China's growing security relationship with Qatar. *The Diplomat*. November 16, 2017. Available from: <https://thediplomat.com/2017/11/chinas-growing-security-relationship-with-qatar/> (accessed: 25.03.2025).

¹⁰ Zhou Jian HE. Qatar and China natural partners in belt and road cooperation. *The Peninsula*. Jun 30, 2020. Available from: <https://thepeninsulaqatar.com/opinion/30/06/2020/Qatar-and-China-natural-partners-in-Belt-and-Road-cooperation> (accessed: 25.03.2025).

¹¹ Potential to expand Qatar and China relations with trade and investment. *Business Start Up Qatar*. July 01, 2021. Available from: <https://www.businessstartupqatar.com/news/qatar-china-relations-trade-investment/> (accessed: 25.03.2025).

Sinopec signed a 10-year contract with Qatar Energy, formerly known as Qatar Petroleum, in May 2021, stipulating that the latter provide two million tons of LNG yearly. Following that, a 10-year contract for the yearly supply of two million tons of LNG was signed in May 2021 between Sinopec of China and Qatar Energy, formerly known as Qatar Petroleum. In November 2022, Sinopec of China and Qatar Energy signed the longest LNG supply agreement in Sinopec's history, spanning 27 years. Due to market instability, purchasers were looking for long-term contracts, therefore this action was taken in response¹². China benefits greatly from such large-scale, long-term LNG arrangements with Qatar in three important ways. They are essential in the first place for gaining access to the world's fluctuating gas reserves. Second, Europe's access to these resources is limited since the global gas and oil market is a "zero-sum game", with the greatest LNG exporter in the world having direct access to China. Thirdly, it entails consolidating China's dominance over the greatest gas resource in the world¹³.

With 24.8 billion cubic meters (bcm), or 18 million tons, supplied in 2022, Qatar surpassed all other LNG suppliers in China to become the country's second-largest provider. This accounted for 16.6% of China's total natural gas imports, including pipeline and LNG. China was Qatar's largest buyer of LNG, accounting for 21.7 percent of Qatar's exports¹⁴.

China National Petroleum Corporation also took a stake in the eastern development of the North Field LNG project as part of another agreement signed on June 20; The LNG train, with an annual capacity of 8 million tons, has a share of 5 percent. Qatar Minister of State for Energy Affairs Sherida Al-Kaabi said: *"Qatar has firmly supported the role of natural gas as a central component of any energy mix on the path to a realistic energy transition. We provide the world with the cleanest source of hydrocarbon energy, with both economic and environmental qualities, to support sustainable growth and a better future"*¹⁵.

Dr. Steven Wright from Hamad Bin Khalifa University stated that amidst of great instability in parts of West Asia are because of agreements between Qatar Energy and CNPC. Dr. Steven Wright explained that *"China has signaled its intention to expand its presence primarily through trade rather*

¹² China and Hong Kong's Bilateral Trade and Investment Outlook with Qatar. *China Briefing*. November 22, 2022. Available from: <https://www.china-briefing.com/news/china-and-hong-kong-qatar-trade-and-investment-outlook/> (accessed: 25.03.2025).

¹³ Watkins S. What Qatar's Latest Megadeal with China Means For Global LNG Markets. *oilprice.com* Jun 28, 2023. Available from: <https://oilprice.com/Energy/Natural-Gas/What-Qatars-Latest-Megadeal-With-China-Means-For-Global-LNG-Markets.html> (accessed: 25.03.2025).

¹⁴ Downs E., & Mills R. Unpacking the Recent China-Qatar LNG Deals// *Center on Global Energy Policy at Columbia University*. July 10, 2023. Available from: <https://www.energypolicy.columbia.edu/unpacking-the-recent-china-qatar-lng-deals/> (accessed: 11.03.2025).

¹⁵ Qatar signs 27-year gas supply deal with China's Sinopec. *ARAB NEWS*., November 05, 2023. Available from: <https://arab.news/5xvyg> (accessed: 11.03.2025).

than military force.” Steven Wright continues: “For both Qatar and China, this new partnership promises to deliver both economic gains and geopolitical gains for upcoming years”¹⁶.

On October 26, 2021, Wang Yi, the foreign minister and state councilor of China, and Sheikh Mohammed bin Abdulrahman Al Thani, the deputy prime minister and foreign minister of Qatar, met in Doha. The announcement of China and Qatar as key partners was made during this summit. Wang Yi also appreciated Qatar’s commitment to developing friendship with China and deepening bilateral cooperation. The two leaders of state agreed upon the strategic relationship between China and Qatar during their meeting. In this setting, emphasis was focused on working together to create the Belt and Road Project to a high standard, signing an implementation plan early, increasing collaboration across the board, and striving for new developments¹⁷.

Chinese President Xi Jinping met with Qatari Emir Sheikh Tamim bin Hamad Al Thani on December 9, 2022, in Riyadh, Saudi Arabia. Apart from reiterating China’s commitment to assist Qatar in achieving its National Vision 2030, Xi stated that his nation is keen to increase its investments in Qatar and is prepared to aggressively encourage personnel exchanges between the two countries. Xi recognized China’s great support for Qatar’s sovereignty, security, and stability while reiterating China’s steadfast support for these aspects of Qatar’s economy. Xi acknowledged the importance of the Arab world as a crucial independent force in the current multipolar world and expressed gratitude for Qatar’s persistent support and facilitation of cooperative efforts between China and Arab countries, as well as the Gulf Cooperation Council (GCC). He also pledged to continue working with Qatar on these initiatives¹⁸.

Qatar has many markets, regional access and air and sea connectivity that are very difficult to access for most countries. Qatar is in an important position to serve these markets, having very good relations with most of them. Qatar’s potential has increased thanks to its world-class infrastructure and excellent air and sea transportation connections¹⁹.

¹⁶ Cafiero G. The rising Sino-Qatari gas collaboration. *Amwaj.media*. July 1, 2023. Available from: <https://amwaj.media/article/the-rising-sino-qatari-gas-collaboration> (accessed: 10.03.2025).

¹⁷ Wang Yi Holds Talks with Qatari Deputy Prime Minister and Foreign Minister Sheikh Mohammed bin Abdulrahman Al Thani. *Ministry of Foreign Affairs, the People’s Republic of China*. October 27, 2021, Available from: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1917137.shtml (accessed: 25.03.2025).

¹⁸ Xi says China ready to improve cooperation with Qatar in energy, finance, investment. *Xinhua*. December 9, 2022. Available from: <https://english.news.cn/20221209/b347b552740741ce96563c4350969552/c.html> (accessed: 26.03.2025).

¹⁹ Shoeb M. Belt & Road Initiative to bring Qatar and Mideast closer to the world: QFZA chief. *The Peninsula*. November 02, 2021. Available from: <https://thepeninsulaqatar.com/article/04/11/2019/Belt-Road-Initiative-to-bring-Qatar-and-Mideast-closer-to-the-world-QFZA-chief> (accessed: 26.03.2025).

5 July 2023 Qatar Ministry of Foreign Affairs State Minister Mohammed bin Abdulaziz Al-Khulaifi, during his meeting with China's special representative for Middle East affairs Zhai Jun in Qatar's capital Doha, said that Qatar will cooperate with China on regional hot spot issues in order to ease further tensions in the region. Al-Khulaifi said Qatar and China have deep relations and both sides to maintain a high level of coordination and cooperation in various fields²⁰.

Conclusion

Qatar's close partnership with Western countries, constant investment and deepening energy relations with China are one of the features of "infusion" in Doha's foreign policy strategy. Despite growing friction in relations between Beijing and Washington, Qatar's alliance with the United States has not prevented Doha from expanding its energy ties with China. On the other hand, Qatar is trying to take advantage of the US-China rivalry in the current global setting for its own gain. Thus, Qatar thinks that this country's relations with China won't be harmful to the US.

It is projected that relations between China and Qatar would become more complex and robust, with a network of "*mutual dependence*" based on cooperation in areas such as energy, investment, and security. Especially after the conflicts of interest in the Arab World, Qatar focused on its relations with China and the relations gained a strategic dimension. On the other hand, the fact that Qatar is a rich country and a strong actor in the Islamic world is an important driving force in China's rapprochement with Qatar.

China's credit to Qatar is underscored by its pivotal role in the Belt and Road Project's logistics. As the project advances, Qatar is expected to deepen its engagement, especially in economic, logistical, and energy sectors.

Our assessment is that China is currently trying to negotiate a free trade agreement with the (Persian) Gulf Cooperation Council, which includes Qatar. Due to the embargo, Qatar was compelled to change the way it conducted business, diversify the sources of its products and services, form new port relationships, and modify its approach. Qatar's economy will consequently accelerate its diversification and grow more autonomous. We believe that this might provide Qatar with opportunity to strengthen ties and forge alliances with Asian countries, especially in the building, tourism, mining, informatics, electronics, and textile industries.

²⁰ Qatar hails China's positive role in improving relations among regional countries. *Xinhua*, July 6, 2023. Available from: <https://english.news.cn/20230706/c4f7ddab1a3d402595a5c0ec29f96ff3/c.html> (accessed: 26.03.2025).

References

1. Derbenev AS, Petrunina ZV. Some aspects of Saudi Arabia's interaction with China and India in the 21st century. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(1):7–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-1-7-26> EDN: CMBTRJ
Дербенев А.С., Петрунина Ж.В. Некоторые аспекты взаимодействия Саудовской Аравии с Китаем и Индией в XXI в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 1. С. 7–26. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-1-7-26> EDN: CMBTRJ
2. Brebdane AM, Nahro MI. China in the Middle East: strategic priorities and features. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):28–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40> EDN: GHYUJA
Бребдани А.М., Нахро М.И. Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 28–40. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40> EDN: GHYUJA
3. Watanabe L. *The Middle East and China's Belt and Road Initiative*. *CSS Anal Secur Policy*. 2019;(254):1–4.
4. Fulton J. *Cooperative security in the Middle East: A role for China?* Chatham House MENA Programme policy series. 2022:1–5.
5. Chaziza M. *The Gulf States and the New Silk Road*. BESA Cent Perspect Pap. 2019;(1229):1–3.
6. Karimipour D. The role of energy diplomacy to foreign policy; a comparative study of Russia & Qatar. *Political Strategic Studies* 2017;6(22):177–205. (In Persian). <https://doi.org/10.22054/qps.2017.13477.1389>
7. Steinberg G. *Qatar's Foreign Policy: Decision-making processes, baselines, and strategies*. SWP Research Paper. 2023;(4):1–39. <https://doi.org/10.18449/2023RP04>
8. Scobell A, Nader A. *China in the Middle East: The Wary Dragon*. Calif: RAND Corporation; 2016.
9. Pakhomova M. Sources on Chinese policy toward Arab States: political culture specialty (2014–2019). *Oriental Studies: History and Methodology*. 2019;(1):32–45. (In Russ.). EDN: OPJOAG
Пахомова М.А. Особенности политической культуры Китая в источниках по политике КНР в отношении государств Арабского Востока (2014–2019) // Востоковедение: История и методология. 2019. № 1. С. 32–45. EDN: OPJOAG
10. Sadeghi SS. Energy security of China and Iran geo-economic of energy. *Political International Researches*. 2015;7(22):85–123. (In Persian).
11. Fallahi E, Shafiee N. China approach in Syria crisis and its probabilistic position at Post Crisis Era. *Strategic Research of Politics*. 2020;8(31):167–200. (In Persian). <https://doi.org/10.22054/qps.2019.34909.2091>
12. Rózsa Erzsébet N. *Deciphering China in the Middle East*. Luxembourg: European Union Institute for Security Studies (EUISS); 2020. <https://doi.org/10.2815/203386>
13. Reiner S. China on the Arabian Peninsula. In: Frank J, Vogl D, eds. *China's Footprint in Strategic Spaces of the European Union*. Vienna: Federal Ministry of Defence; 2021. p. 203–19.
14. Sun D. China's 'Zero-enemy policy' in the Gulf: dynamics and tactics. In: Sim LC, Fulton J, eds. *Asian Perceptions of Gulf Security*. New York: Routledge; 2023. p. 30–50. <https://doi.org/10.4324/9781003227373-3>
15. Cole BD. *China's Quest for Great Power: Ships, Oil, and Foreign Policy*. Maryland: Naval Institute Press; 2016.
16. Glazunov ON, Savchenko AL. Features and priorities of China's foreign policy in the Middle East. *Society: Politics, Economics, Law*. 2018;(3):22–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2018.3.4> EDN: YTUBKG

- Глазунов О.Н., Савченко А.Л. Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. 22–26. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.3.4> EDN: YTUBKG
17. Seddigh M, Sabri M. The influence of US and China's security presence in the Persian Gulf Geopolitics on national security of the Islamic Republic of Iran. *Quarterly the Persian Gulf Political-Cultural Studies Journal*. 2016;2(6):9–35. (In Persian).
18. Pakhomova DA. China's Middle Eastern policy main directions: beyond economic interests. *Political Science Issues*. 2021;11(8):2381–2391. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.72.8.019> EDN: AMDCKM
Пахомова Д.А. Основные направления ближневосточной политики Китая: больше, чем экономические интересы // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72). С. 2381–2389. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.72.8.019> EDN: AMDCKM
19. Lin C. China's strategic shift towards the region of the four seas: the Middle Kingdom arrives in the Middle East. *ISPSW Strategy Series: Focus on Defense and International Security*. 2013;(226):1–24.
20. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: trends and implications. *BESA Center Perspectives Paper*. 2010;39(2):39–68. <https://doi.org/10.1177/186810261003900202>
21. Daojiong Z, Meidan M. *China and the Middle East in a New Energy Landscape*. London: Chatham House; 2015.
22. Siddi M, Kaczmarek M. Russia and China in the Middle East playing: their best cards. *FIIA Brief Pap*. 2019;(275):1–8.
23. Degang S. *China's Soft Military Presence in the Middle East*. Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies; 2018.
24. Rakhmat MZ. *China's Efforts to Legitimize the Implementation of the Belt and Road Initiative in the Gulf*. Riyadh: King Faisal Center for Research and Islamic Studies (KFCRIS); 2019.
25. Chaziza M. China's New Silk Road Strategy and the Middle East. *BESA Center Perspectives Paper*. 2020;(1473):1–4.
26. Yang H. Time to up the game? Middle Eastern security and Chinese strategic involvement. *Asia Europe Journal*. 2018;16(3):283–296. <https://doi.org/10.1007/s10308-018-0509-6>
27. Feng C. Embracing interdependence: the dynamics of China and the Middle East. *Brookings Institution Policy Brief*. 2015:1–15.
28. Chaziza M. China-Bahrain relations in the age of the Belt and road initiative. *Strategic Assessment*. 2020;23(4):68–83.
29. Krane J, Wright S. *Qatar 'Rises above' its region: geopolitics and the rejection of the GCC gas market*. London School of Economics and Political Science. 2014;(35):1–29.
30. Sarkheyil B. Diplomatic development of Qatar; from conservative neutrality to smart penetration. *Political Science Quarterly*. 2016;12(35):127–156. (In Persian).
31. Havlová R. Sino-Qatari relations after the 'Qatar blockade' in the context of the regional implementation of the Belt and Road Initiative. *Central European Journal of International and Security Studies*. 2020;14(2):4–24. <https://doi.org/10.51870/CEJISS.A140201> EDN: TSAJLF
32. Darakhsandeh M. *China-Qatar relations; A framework towards interdependence*. Tehran: The Institute for Islamic World Futures Studies; 2023. (In Persian).
33. Samaan JL. *Qatar and Sino-American Rivalry the Dilemmas for a Gulf Monarchy*. Ifri Briefings. 2021:1–10.
34. Savicheva EM, Brebdane AM, Ryzhov IV. China and Gulf Cooperation Council countries: from economic deals to strategic partnerships. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022;22(1):180–196. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196> EDN: NMVDUL

Савичева Е.М., Бребдани А.М., Рыжов И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 180–196. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196> EDN: NMVDUL

Information about authors:

Seyedmohammad Seyedi Asl — PhD in International Relations, Research Fellow, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, 17 Malaya Ordynka St, Moscow, 119017, Russian Federation, e-mail: sseyediasl@hse.ru ORCID: 0000-0001-5237-7385.

Shalaleh Zabardast Alamdari — PhD in International Relations, Independent Researcher, Ankara, Türkiye, e-mail: zabardastsh@gmail.com ORCID: 0000-0001-6757-3338.

Murad S. Sadygzade — Laboratory Research Assistant, Center for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS), 12 Rozhdestvenka St, Moscow, 107031, Russian Federation; Visiting Lecturer, School of Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University, 17 Malaya Ordynka St, Moscow, 119017, Russian Federation, e-mail: sadygzade@95gmail.com ORCID: 0000-0003-1807-1694. SPIN-code: 8761-7364.

Информация об авторах:

Сейеди Асл Сейедмохаммад — PhD, научный сотрудник, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, e-mail: sseyediasl@hse.ru ORCID: 0000-0001-5237-7385.

Забардаст Аламдари Шалале — PhD, независимый исследователь, Турецкая Республика, Анкара, e-mail: zabardastsh@gmail.com ORCID: 0000-0001-6757-3338.

Садыгзаде Мурад Салех оглы — лаборант-исследователь, Центр арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН (ИВ РАН), Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; приглашенный преподаватель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой политики и мировой экономики, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, e-mail: msadygzade@hse.ru ORCID: 0000-0003-1807-1694. SPIN-код: 8761-7364.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477

EDN: JULGMK

Research article / Научная статья

Chekar and Churas Kalmyks in the policy of the Oirat Derbet Dalai Taishi: preliminary results of the study

Baatr U. Kitinov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ kitinov@mail.ru

Abstract. The author studies the problem associated with the appearance in Russian archival documents of the second and third decades of the 17th century of references to people called *Chekars*, as part of the Oirat Derbets who were dwelling in southern Siberia. The points of view of specialists who previously drew attention to this problem (S.K. Bogoyavlensky, V.P. Sanchirov, V.T. Tepkeev) are considered, their achievements and failures are noted. Basing on a comprehensive study of the sources, it is concluded that the *Chekars* were the representatives of the *Chahar* Mongolian people, who found themselves in the troops of the Altyn Khans even before the fall of the Chahar Khanate (1634) and took an active part in the battles with the Oirats. After the death of the (Chahar) Khagan Ligdan, they were also seen in the detachments of the Oirat Derbet leader Dalai Taishi, who used them to attack other Oirats — Torgut rulers with the aim of subjugating them. At the same time, to combat the growing influence of the Elet (Dzungar) Taishi Khara-Khula, Dalai Taishi tried to revive his old family name, the same as that of Khara-Khula — *Choros* (*Churas*). This family name was associated with the *Churas* people in Moghulistan and its representatives who created the *Choros* dynasty as rulers of the Oirat state (first half of the 15th century). It is stated that Dalai Taishi's activity, as well known Oirat leader, at the discussing period was complicated and aimed to return his previous authority. With his death in 1637, the issue of *Chekars* and connected the *Churas* peoples disappeared forever from the Russian archival documents. The author presents the article as the problematic one and believes that its further study should be supported by the comprehensive analyze of the history of the Oirats and Eastern Mongols of the late 16th — first third of the 17th centuries.

Keywords: Chekar, Chahar, Chakar, Choros, Churas, Dala Taishi, Kho-Orluk Taishi, Oirats, Kalmyks, Derbets, Dzungars, Altyn-khan, Chokur Taishi

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

© Kitinov B.U., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: Received: 10.03.2025. Accepted: 25.07.2025.

For citation: Kitinov BU. Chekar and Churas Kalmyks in the policy of the Oirat Derbet Dalai Taisha: preliminary results of the study. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):462–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477> EDN: JULGMK

Чекарские и чураские калмыки в политике ойратского дербетского Далай-тайши: предварительные итоги исследования

Б.У. Китинов

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ kitinov@mail.ru

Аннотация. Изучена проблема, связанная с появлением в русских архивных документах второго и третьего десятилетий XVII в. упоминания о людях, названных *чекарами*, в составе ойратов-дербетов, пребывавших в южной Сибири. Рассмотрены точки зрения специалистов, ранее обративших внимание на эту проблему (С.К. Богоявленский, В.П. Санчилов, В.Т. Тепкеев), отмечены их достижения и неудачи. На основе комплексного исследования источников сделан вывод, что *чекары* — это представители монгольского народа *чахаров*, оказавшиеся в составе войск Алтын-ханов еще до падения Чахарского ханства (1634 г.) и принявшие активное участие в боях с ойратами. После гибели (чахарского) хагана Лигдана они были замечены и в отрядах ойратского дербетского лидера Далай-тайши, использовавшего их для нападений на других ойратов — торгутских правителей с целью подчинения их себе. Одновременно для борьбы с возросшим влиянием элетского (джунгарского) тайши Хара-Хулы Далай-тайша попытался возродить свое давнее родовое имя, одинаковое с тем, что было и у Хара-Хулы — *чорос* (*чурас*). Этот род связан с народом чурасов в Могулистане и его представители создали *чороскую* династию как правители Ойратской державы (первая половина XV в.). Констатируется, что деятельность Далай-тайши, известного ойратского лидера, в указанный период была неоднозначной и нацелена на возвращение прежнего авторитета. С его кончиной в 1637 г. тема *чекаров* и связанных с ними *чурасцев* больше не прослеживается в русских архивных документах. Автор подает материал как проблемный и считает, что его дальнейшее изучение должно тесно увязываться с комплексным анализом истории ойратов и восточных монголов конца XVI — первой трети XVII вв.

Ключевые слова: чекар, чахар, чакар, чорос, чурас, Далай-тайши, Хо-Урлюк-тайша, ойраты, калмыки, дербеты, джунгары, Алтын-хан, Чокур-тайша

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10.03.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Для цитирования: Китинов Б.У. Чекарские и чураские калмыки в политике ойратского дербетского Далай-тайши: предварительные итоги исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 462–477. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-462-477> EDN: JULGMK

Introduction

The history of the Oirats features many pages that still require meticulous scrutiny and clarification. This might refer to literally every period of their turbulent history. One example is the fact that Russian archival documents spanning the 1620s to the 1630s all of a sudden started recording references to people called *Chekars* and *Churas*, a phenomenon that, despite its significance, has eluded the focal point of dedicated scholarly investigations and remains unclear. We have employed a synthesis of problem-historical and chronological methodologies, which allowed us to trace developments of events and processes in combination, based on reliable sources and informed perspectives of specialists. These methods allowed skipping exhaustive examination of discrete elements of the issue (such as the role of the Kazakh noble Yangir or military engagements involving the Oirats and the Altyn Khans), while others (the state of affairs within the Chahar Khanate and the role of the *Choros* (*Churas*) factor) received sufficient coverage. In general, it can be stated that these ostensibly trivial names and designations may actually serve to reconstruct a pivotal moment within the Oirats' history, which, as is evident, not only bolstered the advancement of progressive trends but also held the potential to be used in the pursuit of individual objectives.

Chekars

In the first third of the 17th century, the Oirats, who had migrated to southern Siberia half a century earlier, faced an arduous challenge of repulsing their adversaries — eastern Mongols and Kazakhs — while simultaneously grappling with persistent intra-tribal feuds. During the clashes, several taishis, notably Kho-Orluk (Oirat-Torgut leader), Dalai (Oirat-Derbet leader), Chokur (one of Oirat-Khoshut leaders), Khara-Khula (the Oirat-Elet (later known as Dzungars) leader) and others grew in prominence. The feuds reached their peak in 1625–1635, when the power of the former leader — Dalai Taishi of Derbet — gradually declined, while the advance of Oirats-Torguts to the west, toward the Volga, intensified. S.K. Bogoyavlensky wrote, “In the spring of 1635, Orluk underwent two invasions, perpetrated by the Chekar Kalmyks, along with Yangir — the sovereign of the Kazakh Horde — when many people of Orluk Taishi's uluses defeated and captured. The Chekar Kalmyks are repeatedly mentioned in Russian documents, implying military contingents under the command of Dalai” [1. P. 72].

The *Chekars*, also identified as *Chekar Kalmyks*, are once again referenced in historical archives concerning the Kalmuk populations that roved in the vicinity of Astrakhan. Notably, in the summer of 1635, “there occurred a significant assembly on the Buzan River, near Astrakhan, which convened representatives

of both Russian and Kalmuk confidants.... The Kalmyks¹ expressed their wish that the Russians send ‘military men with fire-arms...’ against the Chekar Kalmyks. This ended the assembly” [1. P. 73].

Who were those *Chekar Kalmyks*?

One of the latest scholarly contributions to the topic of *Chekars* within the history of Kalmyks is a monograph titled “Kalmyks in the Northern Caspian Region in the Second Third of the 17th Century” [2] authored by V.T. Tepkeev. His work, however, is subject to methodological scrutiny and critique regarding his interpretation of archival material. Firstly, he uses the word *Chakars*, despite the fact that the sources refer to these people as *Chekars*. Secondly, the work does not offer any explanations as to why and when the name in question appeared, merely positing a phonetic resemblance to the Persian numeral four (*chakhar*) and a proximity to the Mongolian lexemes signifying “servant” or “bodyguard”. For some reason, the author is sure that Russian documents by the term in question implied “a group of Oirats who roamed the steppes of southwestern Siberia” [2. P. 13], yet fails to provide any corroborative evidence to substantiate this assertion. In this “group” (also called “northern”) he includes practically the entirety of Oirats (mentioning almost exceptionally the Derbets and Khoshuts), who typically roamed in the southern expanses of Siberia, with the exception, as repeatedly emphasized, of the Torguts and Dzungars. However, the primary source of confusion arises from the author’s interpretation of the archival materials: Tepkeev arbitrarily manipulates the data; for instance, within the aforementioned monograph, the term *Kalmyks/Kolmyks*, which appears in the original source material, is substituted with *Chakars*.

S.K. Bogoyavlensky and V.P. Sanchirov took a more responsible approach to the topic, noting that *Chekars* were Kalmyks, former subjects of Chokur (i.e. the Khoshuts of Chokur’s ulus), who in the wake of his defeat found themselves dominated by Dalai Taishi of Derbet [1. P. 72; 3. P. 14]. Following their logic, we can assume that they derived the etymology of the word *Chekars* from the name Chokur, an assertion that does not seem entirely justified. In addition, it remained unclear why these so-called Chekars suddenly grew so combative and anti-Torgut, notwithstanding their prior coexistent migration with Torguts and the fact their leader Chokur was the father-in-law of the aforementioned Daichin Taishi of Torgut, in whose nomadic camps he had sought refuge from the pursuits of Dalai Taishi and Güshi Khan of Khoshut.

In our opinion, both etymological roots of the term at hand and historical conditions as to when and why it was adopted (where the *Chekar* people came from) should be sought in a broader historical perspective.

The Oirats, a confederation comprising the Derbets, Torguts, Khoshuts, and Elets among others, collectively known as the Kalmyks, in the second half

---

¹ These were the subjects of Daichin Taishi of Torgut.

of the 16th century undertook a significant migration to southern Siberia from the eastern periphery of the Dzungarian Basin and Western Mongolia, fleeing the raids of their eastern Mongolian adversaries and the Turkic inhabitants of Moghulistan. Having found themselves in constrained circumstances, they perceived a strategic imperative to migrate further westward, an arduous decision first made by Kho-Orluk, the leader of the Torguts.

His interest in the Volga first translated into action in 1618. As noted in the “History of the Kalmyk Khans” (written in the first half of the 19th century), Kho-Orluk “in the year Shoroy Morin (i.e. 1618 A.D.) ... sent good people to scout out the shores of the Caspian Sea”, and then, “having learned for certain that the lands were unoccupied” [4. P. 113], he decided to relocate his ulus there. Earlier, in 1613, a 4,000-strong Kalmuk army crossed the Yaik river for the first time and attacked the Nogai people, who fled all the way to the right bank of the Volga [1. P. 57]. Although the Kalmyks soon left, they would carry on periodical raids in the region. Thus, in 1619, they once again attacked the Nogais and retreated across the Yaik, a raid conditioned by the outbreak of battles against Altyn Khan and the Kazakhs. The next incursion carried out by the warriors of the Khoshut Taishi took place in 1622, but they quickly retreated across the Yaik [1. P. 61]. According to Gaban Sharab, “in 1628 Louzang² informed the Oirat rulers of his intention to leave them” [5. P. 106].

Meanwhile, a discord that transpired among the Khoshuts in the year 1625 escalated into a large-scale civil war that affected the entirety of Oirats [3. P. 6–12] and caused a significant decline in their general power.

In 1626, the ulus of Chokur of Khoshut, within which his son-in-law Daichin, Kho-Orluk’s eldest offspring was sojourning, in concert with the Torghut Taishi Tenes Mergene’s ulus spent about a year in the Volga and Yaik interfluvium, though they did not reach the Volga. After the defeat of Chokur (one of the instigators of the feuds) and his allies, the raids of Kho-Orluk’s Kalmyks towards the Volga against the Nogais carried on [1. P. 67]. The uluses of Louzang also came to the Volga-Yaik interfluvium. As B.-U. Tyumen wrote, “in 1629 (Louzang) effectively retreated, in 1630 he crossed the Yaik and the Volga, and conquered the Tatars. In the same year, Kho-Orluk and Daichin came to the Yaik, in 1631 they came to the Volga” [5. P. 106].

According to V.P. Sanchirov, Kho-Orluk had to go westward due to the pressure from Dalai Taishi of Derbet, since relations with him seriously deteriorated following Chokur’s debacle [3. P. 13]³.

² Louzang was the son of Kho-Orluk, who studied at the Tibetan monastery of Drepung Gomang, and held a spiritual title of Toin.

³ Chokur took refuge with his son-in-law, Daichin, who refused to obey his father's demand to hand over his father-in-law (Chokur) to Dalai Taishi, which led to Dalai's warriors attacking the people of Kho-Orluk's ulus.

In our opinion, in addition to the aforementioned circumstance (Dalai's aspiration to subjugate Kho-Orluk), another factor should be kept in mind. The lands of Chokur and his allies were occupied by the Torguts led by Kho-Orluk's sons — Daichin and Louzang — who controlled Kalmyks' relations with the Nogays and the Russian authorities in southern Russia. This state of affairs was probably not very pleasing to Dalai Taishi. Another reason could be the death of the Khoshut leader Baibagas towards the end of 1629, when the Khoshuts began to steer away from their allied relations with Dalai, who in his turn in order to uphold his influence increased pressure on the Torguts. Thus, the Torguts' migration to the west was conditioned not only by land constraints, but also by threats from Dalai Taishi. This was also observed by Bogoyavlensky, who pointed out that by 1625 “a feud had arisen between Dalai and Orluk, which was only resolved with Dalai's demise” [1. P. 64]. Indeed, the death of Dalai Taishi (In 1637) allowed the *Chekars* to establish relations with the Torguts: the *Chekar Kalmyks* were mentioned in a document of December 1638 as being in a state of “contact and peace” with Daichin and his kin [1. P. 77–78].

The first recorded reference to the *Chekars* in connection with the Kalmyks likely originates from 1621, a period marked by military engagements involving the Oirats and the eastern Mongolian sovereign Altyn Khan, who established his domain in the northwestern region of Mongolia. Here is how the story unfolded: upon the cessation of hostilities between the Oirats and Khalkhas, Laikhur Khan, the leader of the Khalkha right flank, in the 1590s installed his cousin Sholoy Ubashi-khuntaiji as a ruler of the region adjacent to the Oirats. This was Altyn Khan, “prince of Khotogoyt”, referred to in Russian archival documents as “Altyn Tsar”. His subjects were mainly the Khotogoyts (presumably descendants of the Oirats-Khoyts) and the Uriankhais; his realm emerged in the vast expanses between the lakes Ubsu-Nur and Khubsugul (northwestern Khalkha), reaching the Sayan Mountains in the north and the foothills of the Mongolian Altai in the south.

Altyn Khan was a formidable warrior who by 1620 grew capable of raiding the Oirats off down the Irtysh River as far as Lake Yamysh and further to west-south as far as the Elikty mountain range, making the Oirats (mostly Derbets) pull off across the Ishim River, closer to the Ityk Mountains (the Ulytau mountain range). According to G. Miller, in 1621 “the Mongols chased the Kalmyks away as far as the Irtysh steppes. Advanced Mongol detachments, made of the Chagars, and several lesser Kalmuk nobility were embroiled in a perpetual state of conflict” [6. P. 94].

Thus, we formulate a hypothesis that the *Chegars* referenced to in Russian historical documents are, in essence, identical to the *Chagars*, otherwise known as the southern Mongols-Chahars, who for various reasons ended up serving under Altyn Khan's military leadership and then subsequently aligning with the forces commanded by Dalai Taishi.

Chahars

Russian sources, as early as since 1629, had been recording a threat to southern Siberia from a Mongolian ruler, transcribed as Duchun-kan, Chegir-kan or Chagir-kan [7. P. 146, 147, 175], the leader of Chahars.

The Chahars are southern Mongols whose rise can be attributed to administrative reforms of Batumongke (Bātúméngkè)⁴, who became known as Dayan Khan (ruled in 1480?–1543)⁵. He relocated his command center from the environs of the Kerulen and Orkhon river valleys to the Chahar region and designated the rulers of Chahar to lead the Mongols henceforth, making the Mongols recognize them as *khagans*. He and his wife Mandukhai Khatun smashed the Oirats and Uighurs; by 1510 the Oirats were defeated, their institution of Taishi eradicated⁶, and a semblance of unity reinstated among Mongol tribes under Chahar leadership.

Dayan was succeeded by his grandson Bodialag (Khagan since 1544), who only managed to retain centralized power solely among the Chahars themselves. Then in 1548 his son Daraisun became Khagan. Under Daraisun's son Tumen-Dzasaktu Khan (Khagan since 1558) the influence of khagans experienced a marked decline even within Chahar itself.

An attempt to regain control was made by Buyan-taiji (Tsetsen Khan), who had reigned as Khagan since 1594. However, this endeavor did not yield a desired outcome. Subsequently, in 1604, Ligdan⁷ ascended to the throne, harboring the intent not to merely curtail the autonomy of aimag rulers “but also to eradicate any insubordinate vassals who dared to oppose their sovereign. Embittered by this struggle and oppression the aimag rulers adopted a strategy of comprehensive desertion, seeking refuge from Ligdan's relentless incursions” [11. P. 115–116]. A.S. Martynov wrote, “It is commonly acknowledged that the matter of status constituted a significant factor behind the overtly adversarial relationship that existed between Nurhaci⁸ and Ligdan Khan of Chakhar. In 1619, Ligdan Khan sent envoys to the court of Nurhaci with a letter full of threats in which he presented himself as ‘the sovereign of the Mongolian realm with forty tens of thousands of people, Batur Genghis Khan’ and demanded that armed raids into the territory of the Ming Empire be stopped” [12. P. 65]. This was not surprising: by that time,

⁴ He was the great-grandson of Esen Taishi of Oirat (Choros), grandson of his daughter Tsetseg [8. P. 37], and on his father's side, he was one of the last representatives of the Borjigin lineage.

⁵ J. Elverskog writes that Dayan died sometime between 1524 and 1543 [9. P. 73, note 10].

⁶ It was returned to the Oirats by Tumet Altan Khan around the 1580s.

⁷ The principle of primogeniture stipulated that the ruler of the Chakars was recognized as the legitimate ruler of the Mongols as the direct male heir of Genghis Khan. Even Dayan Khan, in order to consolidate his position, married Manduhai, the widow of the former Chahar ruler Mandugul. However, by the mid-16th century, the authority of these rulers had declined so much that they were no longer called Mongol khagans, but Chahar khans [10. P. 448].

⁸ Nurhaci (1559–1626) — leader of the Manchus, Chakars' closest neighbors, Khan since 1616.

the *Chahars* had become “loyal accomplices of the latter [the Chinese], and on the one hand they guarded the borders of China, and on the other, supplied the Chinese with horses from their fine herds for cavalry and artillery” [11. P. 124].

Those dissatisfied with Ligdan’s policies established relations with the Manchus and his other opponents [10]. The Manchus also had marital ties with “some aimags in eastern Mongolia”, and began to “interfere in the internal affairs of the Chahar House” [13. P. 200].

In the summer of 1626, Ooba Khuntaiji, the leader of an eastern Mongolian tribe called the Kharachins, accepted Nurhaci’s patronage “in order to protect himself from rival Mongol factions” [14. P. 14], since several of his tribal nobility had been killed by the Chahars and Khalkhas. Meng-gu-yu-mu-chi (“Notes on the Mongolian Wanderings”) uncovers the situation in more detail: representatives of the Kharachins (Kartsins) complained to the Manchu ruler of Ligdan’s “lawlessness” and offered help in the fight against him. “By decree, an envoy was sent for personal negotiations with the Kartsins. In the 7th moon, the Kartsins sent a lama with 530 people to the court. Then the princes of the 3rd order, Ajige and Shoto, were ordered to meet them, treat them to a feast and slaughter a white horse and a black cow for the oath. In the 9th moon, the emperor personally set out on a campaign against the Chahars” [15. P. 200, note 103]. According to “Altan Tobchi”, a white horse (for Heaven) and a black bull (for Earth) were sacrificed [16. P. 296].

A major military campaign against Ligdan was undertaken by Khuntaiji, the son and successor of Nurhaci. Ligdan’s army was defeated, and Khuntaiji “pursued retreating adversaries all the way to the Khingan Mountains” [17. P. 501]. The advance of the Manchu troops forced Ligdan to retreat westward. In 1627, he subjugated the Tumets and Ordos, occupied Hohhot (Kokehot) and posed a formidable threat to the Khalkhas, including Altyn Khan, and even the Oirats. “And that king Chagir-kan⁹ says, “When I reach the Russians, I shall send my ambassadors to them, to the Russian people, and I shall emerge victor over the Altyn Tsar and subdue both the White and Black Kalmyks” [7. P. 311–312]. The report by A. Dubensky, the Krasnoyarsk governor, to the Tobolsk office also reads, “...In the present year of our lord 137 [1629], on the eleventh day of May... Ivashko Timofiev and his fellowship came forth from the Matara lands and spoke in the office, A tsar of an unknown name is coming from beyond China, and they call him Dyuchun-kan, though his name they know not; he hath conquered the Chinese realm and the Labin state, and defeated Altyn Tsar, and he shall war with the Mughals. And he saith, ‘I am the Tsar of all indifel (*neverny*) tsars¹⁰; one great

⁹ Russian documents also refer to Ligdan as Chegir, Dyuchun, and Dyuchin (see above).

¹⁰ An interesting phrase (“the Tsar of all pagan (*neverny*) tsars”) aired in 1629 is an important historical fact that clearly indicates that even then, Ligdan considered himself the supreme ruler over all “indifel” (*neverny*) (i.e., Buddhist) rulers. In other words, the religious factor did play a role in these processes.

sovereign is Tsar of Russie, and I am another Tsar, there is no sovereignty greater than the two of us. And he would fain go unto the cities of Rus” [7. P. 146].

However, his plans, whatever they were, failed to be realized — in May 1633, Khuntaiji once again embarked on a military campaign against Ligdan, who abandoned his capital (Hohhot) and moved southwest, intending to “flee to the Tanguts [Tibetans], but died prematurely of smallpox¹¹ in Sharaveigur” [17. P. 502]. P. Schwieger believes that the Tsang (Tibetan) ruler Karma Tensung could have turned to Ligdan for help (at that time, tensions were escalating in Tibet due to the struggle between different Buddhist schools of thought), and the latter “could really consider Tibet as a possible place of escape [15. P. 41]. According to B. Vladimirtsov, in the early 17th century, the Mongols found themselves facing growing power of the Manchus and Oirats as well as a progressive decline of the Ming dynasty’s hegemonic grip. The question was whether to seek alliance with the Oirats or the Manchus. Ligdan chose a third path — to restore the “Mongol Genghis Khan State”, yet he did not live to witness its fruition [10. P. 263–264].

The above-mentioned document on the persecution of the Oirats by the Chagar Mongols serving in the troops of Altyn Khan gives ground to conclude that in the 1610s, individual clans of the Chahars were already leaving southeastern Mongolia towards Khalkha. Upon their arrival, however, they encountered a less than hospitable reception, which made them go further all the way to the lands of Altyn Khan, who, apparently, sheltered them on condition that they would join his forces in military actions against the Oirats. Perhaps this was the reason behind Ligdan’s assertion of his intent to “beat Altyn Tsar and the White and Black Kalmyks” (see above). The Chahars were famous warriors, they together with the Khalkha and Uriankhai formed a preeminently bellicose left flank of the Mongolian forces. Their presence helped bolster Altyn Khan’s military might, to such an extent that his legions were frequently designated as *Chagar* or *Chegar* by both Kalmyks and other Siberian ethnic groups [7. P. 120].

Thus, several years prior to the inception of the Chahar-Manchu War, contingents comprised of Chahar forces appeared within the troops of Altyn Khan. In the early 1620s, Altyn Khan was a formidable force, and the presence of Chahars in his army posed a serious threat to the Oirats — by and large, it was like the troops of the Khagan himself opposed them. The same name (Chahars) is found among the troops of Dalai Taishi of Derbet, as evidenced by Russian historical records originating from the mid-17th century. We believe that there could be at least two ways through which these people (detachments, in Bogoyavlensky’s words) came to serve Dalai Taishi. The first is individual exodus of Chahar leaders seeking refuge from Ligdan’s oppressive regime, the second is a consequence of Ligdan’s demise, which occurred in the late 1633 or early 1634. In both cases, separate units of Altyn Khan’s troops, made up of Chahars, inexplicably defected to the

¹¹ According to B. Vladimirtsov, he died in September 1634 on his way to Kukunor [10. P. 265].

Oirats. It is worth considering, however, the possibility of these units having been taken captive rather than voluntarily switching allegiance. The Oirat leader who recruited them was Dalai Taishi of Derbet, who faced a crisis in his power and probably counted on the Chahars to bolster his political standing. In fact, this crisis can be traced back to the mid-decade of the 1610s, when Khara-Khula of Elet embarked on an ambitious endeavor to unite the Choros and Elets under his rule.

Choros

Following the Congress of the Oirat rulers, Dalai Taishi experienced a significant decline in power, as the Khoits — long subordinate to the Derbet leaders [19. P. 128] — regained their equal status with other members of the Oirat confederation. This effectively put an end to Dalai Taishi's sovereignty over them¹². Meng-gu-yu-mu-chi makes the following observation, “The generation of the Khoits, whose surname is Ihe-Mingan¹³, initially were part of the Durbot aimag; however, following the Torguts' migration to Russia in 1636¹⁴, they became one of the four Oirats” [15. P. 115]. Thus, after most Torguts relocated to Russia, the Khoits ascended to the status of one of the primary (four) Oirat ethnic groups [20. P. 6; P. 81, note 204]. This transition is believed to have occurred at the close of 1634, coinciding with Dalai Lama and Panchen Lama's representatives' visit to the Oirats. The Khoits were, in fact, a formidable group: N. Sukhbaatar and D. Bayarsaikhan, who have conducted a detailed historical research, assert that “the Khoit aimag constituted a pivotal element within the Dzungar Khanate” [21. P. 128].

Moreover, Dalai Taishi was no longer able to resist the growing power of Khara-Khula of Elet (Dzungar), who in 1616 declared the birth of Dzungars as Defenders of the teachings of Tsongkhapa, founder of Tibetan Gelug school of Buddhism [23, p. 177]. Evidently, Khara-Khula rapidly accumulated such a substantial degree of influence that Altyn Khan himself began to fear his might. As early as the spring of 1619, he composed an epistle to the Russian Tsar Mikhail Fedorovich,

“And my request is that envoys do travel between us, and that the road to thy realm for our merchants and to ours for thy folk be plain. And that good work be thwarted between us by the Kalmuk Karakuly-Taishi, yet they be few in number, and thou, great Sovereign, knowest this. And thou, great Sovereign White Tsar,

---

¹² It should be noted that the very fact of such a decision testifies to the decline of Dalai-Taishi's influence.

¹³ The Khoits consisted of four otoks: Ikh Myangan, Öl Tümen, Alag Gulz, and Tsagaan Tug. The latter clan was revered as the closest to the Mongols, since the descendants of Khudukha-beki (the first Oirat leader who submitted to Genghis Khan, revered as the progenitor of the Khoits) had married women from the Golden Clan for three generations in a row [22. P. 524].

¹⁴ As noted above, the Torguts began moving towards the Volga River two decades before the year in question, reaching the river itself in 1631–1632.

shouldst send thy command to the folk of Tomsk, Tobolsk, and Tarsk, that all thy Sovereign's warriors, together with mine, should wage war upon those thieves — Karakuly-taisha and his folk; thy sovereign's warriors shall go against them in thy name, and I shall send mine own against them in mine own name, so that no thieves be among us and the road be clear. And when the road be cleared of those thieves, thou, Sovereign, shalt have much profit and good fortune" [7. P. 78–79].

By this time, the security of recently acquired borders in Siberia had become a cause for concern in Moscow, due to ongoing clashes between the Oirats and Mongols. This was further exacerbated by the Derbet Dalai Taishi inability to exercise control over individual Oirat leaders, and allegations of *Altyn Khan's* secret ties with China. "We, the great Sovereign, have decreed with our *boyars* that there shall be no keeping of accords with Altyn Khan and the Chinese kingdom" [7. P. 97]¹⁵. Under these circumstances, the Tsar turned his attention to the Dzungar (Elet) chief Khara-Khula.

Mutual interest on the part of the Russians and the Dzungars resulted in the arrival of the first Dzungar embassy in Moscow on 10 January 1620. Notably, Khara-Khula's envoys exclusively expressed his individual stance, stating, "Kolmytsky Karakuli-Taishi, with his brethren and his bairns and nephews, commanded to bowe himselfe unto thee, o great Sovereign, that he, Karakuli Taishi, with his brethren, bairns, nephews, and all his uluses, have submitted themselves to the hand of Thine Imperial Majesty and have sworn allegiance afore thy Sovereign's folk" [7. P. 93]. In response, in May 1620, the Tsar issued his letter of privilege, "We, the great Sovereign, have graciously admitted thee, Karakuli Taishi, and thy folk into our royal mercy and protection, and we would fain keep thee in our royal service and under our protection; and we have commanded our Siberian captains to defend thee from thy foes" [7, p. 99]. Thus, Khara-Khula established a secure position in the rear, thus enabling him to continue his policy of uniting the Oirats under his leadership. Seemingly, he placed great emphasis on his *Choros* lineage, as evidenced by the appearance of another new name in Russian archival documents around the same time (In the 1630s): *Churas* or *Choros*.

Interestingly, sources link the presence of *Choros* people among the Kalmyks to the Derbets. It is noted that Dalai Taishi had people who bore a "distinct clan name of Churas." In the late 1631 — early 1632, these Kalmyks (about 150-strong) together with Kuchum descendants reached the Irtysh River and attacked Tebenda, Kourdak, and other territories there. "Upon learning of the defeat of his Churas warriors, Talai Taishi claimed that the raid had been carried out without his consent or prior knowledge" [6. P. 102]. However, in a conversation with Semen Poskochyn, the envoy of the Tyumen voivode, Kho-Orluk "rightly attributed all the blame for the past hostilities to Talay Taishi and said that the latter together with Kushay (otherwise known as Kuysha) and Taigush still intended to continue their

¹⁵ This decision was made back in the summer of 1619, although it only became known a year later.

raids on Russian territory. “Orlyuk himself”, as Miller noted, “had not taken part in the attacks, conversely, had long desired the honour of receiving the Russian embassy” [6. P. 103]. In June-August 1632, servicemen from Tobolsk, Tyumen, and Tara were waging a campaign against the Kalmyks. But the Kalmyks and Kuchum descendants roamed much further afield and did not suffer any major loss. The servicemen “defeated several Kalmyk advanced detachments stationed near Konkaragay on the Ishim.” There is documental evidence that “the defeated Kalmyks were the very people who had previously attacked Tyumen: the Talay Taishi clan, who bore the name of Churas [6. P. 108].” This clan is mentioned again in an archival document of 1636–1637, which refers to the *Churas* as Dalai’s subjects [6. P. 585].

Among the Oirats, only the Derbets and Elets (or rather their rulers) could claim relation to the Choros, the clan that led the Oirats in the 15th century. We believe that it was the struggle for influence between Dalai and Khara-Khula in the 1630s (or possibly earlier) that brought the name Choros (or Churas) to the fore. Here, too, it is necessary to briefly consider the historical context.

The first Oirat leader to be mentioned in sources, with the exception of Munke Temur (Mongke Temur), is Khutkhai Tafu (Hu Khai Dayu), who is believed to be a representative of the *Choros* clan. It is highly probable that this conclusion was reached retrospectively, given that the subsequent rulers of the Oirats — Mahamu, Toghon and Esen, respectively the son, grandson and great-grandson of Khutkhai-Tafu — are known as *Choros*. [24. P. 174; 25. Pp. 126–127]. We agree with that conclusion: the *Choros* were of Turkic origin and could be related by blood to the *Churas*, a Turkic ethnic group of Moghulistan. For example, “Tarikh-i Rashidi” notes that “the emirs of the Churas and Barin tribes went to the son of Isan Taishi Amasandzhi Taishi, to the Kalmaks” [26. P. 104]. This refers to the fact that the Churas and Barin ethnic groups, due to yet another feud in Moghulistan, found refuge with one of the Oirat leaders, Amasandzhi, the son of Esen-Taishi. Most likely, this happened circa the mid-15th century, when the Oirats were on the rise.

The kinship between the *Choros* and *Churas* is evident and acknowledged by scholarly consensus as an axiom. For instance, K. Etwood writes, “Esen and his predecessors had close relations with Moghulistan to the west, in which their own clan, the Choros, was prominent” [27. P. 420]. In the 16th century, a prominent figure in Moghulistan was Shah-Mahmud Churas, who authored the renowned “Chronicle” on the history of this state [28]. However, even before him, one of the leaders of Moghulistan in the mid-14th century, also a Churas, gained fame. The following account of this moment is found in Mirza Haydar’s “Tarikh-i Rashidi”: Khan Tugluk Timur of Moghulistan and Maulana Arshad ad-Din, who instructed him in the tenets of Islam, devised a strategy for disseminating and propagating Islam effectively. They planned to summon each of the emirs individually and compel them to embrace Islam. In the absence of compliance, they would invoke

the verse from the Holy Quran, “Fight all the idolaters” [26. P. 30]. The tribal leaders were invited to the khan’s tent in succession and encouraged to convert to Islam. It was discovered that some of them were already Muslim. Churas, however, a notable exception, refused to convert to Muslim faith. In a display of defiance, he challenged the mullah to a wrestling match with his strongest wrestler, a “kafir” who could lift a two-year-old camel, and promised to convert to Islam if the preacher won. Ultimately, Maulana easily defeated the strongman three times, and “on that day, 160,000 people shaved their heads and became Muslims. The khan performed on himself the rite of circumcision. The rays of Islam absorbed the darkness of unbelief, and Islam spread throughout the yurt of Chagatai Khan” [26. P. 31]. That happened in 1353.

One can only assume that an event such as Khan’s imposition of Islam in Moghulistan could have prompted some *Churas* (*Choros*) leaders to defect to the Yuan Mongols. With 15 years to the fall of the dynasty, there was ample opportunity to demonstrate leadership qualities, gain entry to the emperor’s inner circle and then take control over the Oirats.

As for the name itself, it dates back to earlier times, and there are serious grounds to believe that the *Choros* are not only of Turkic origin, but also share at least some common ancestry with the Uyghurs. There are legendary accounts of their common descent from a child found under a crooked tree, hence the name *Tsoros/ Choros* (Mong. *čoryo*), i.e. “crooked” [5. P. 88]. H. Okada maintains that the *Choros* (Dzungars and Derbets) and Uyghurs are what remained left of the Naiman Khanate, based on their shared legend of a single progenitor [29. P. 201]. Rashid al-Din described the origin of the Naimans as follows: “The king of Naimans was called Inanch Bilge Buka Khan. In ancient times, Buka Khan was a great ruler whom the Uyghurs and many other tribes treated with great respect, saying that he was born from a tree” [30. P. 139]. A similar story can be found in the legendary history of Kipchaks [31. P. 44]. G.I. Ramstedt linked the term *Tsoros / Choros* with the Kyrgyz ethnonym *choro* [32. P. 550–553], which was used in early Turkic states to refer to the leaders of associations [33. P. 39]. The *Choros* managed to lead the Oirats, a term which refers not only to the Oirats as such, but as a politonym also covers other ethnic groups who had joined the Oirat confederation.

Sources claim that Dzungar rulers were descendants of Esen’s younger son, Esmet-Darhan-noyon, while the Derbets descended from Boronakhal, Esen’s older son [34. P. 53, 55]. This notion is supported by a seminal Manchu work which says, “Esen had two sons. His eldest — Boronakhal — was the progenitor of Durbots, while the second — Esmet-Darhan-noin — was the progenitor of Dzungars [15. P. 137]. Esmet-Darhan-noin was also known as Ash-Timur (Amasandji).

Further history of the Derbets and Elets, and of the Oirats in general, from the mid-15th century (the collapse of the Esen state) to the late 16th century (migration

to southern Siberia) is known in broad outline and requires further research. A study of references to the *Choros* (*Churas*) in Russian archival documents from the 1630s, particularly in the period following Khara-Khula's death in 1634, provides new opportunities for a deeper understanding of the far-reaching impact of processes and phenomena that initially emerged two centuries earlier and nevertheless retained enough potential to subsequently give rise to the Dzungar Khanate.

Conclusion

The *Chekars* (*Chekar* Kalmyks) referenced to in Russian archival records dating back to the 1630s were troops of warriors from the *Chakar* ethnic group, whose khanate was located in southeastern Mongolia. In the years 1620s–1630s, they came under the dominion of the Manchus. For the first times they came under the leadership of Altyn Khans at the beginning of 1620th and subsequently played an active part in the inter-Oirat conflict, aligning with Dalai Taisi of Derbet. As a rule, they attacked the Torgut uluses on the formal pretext of extraditing Chokur Taishi of Khoshut for punishment, although in reality the objective was to subjugate the former (Torguts) to the Derbet leader. By that time, the Torguts en masse had already migrated to the Volga region.

A study of Chahar history reveals that in the period in question, apart from mutual disputes between Ligdan Khagan and the Manchu rulers Nurhachi and Khuntaiji, there also were less-known episodes of interaction between the Oirats and eastern Mongols. Fleeing from the Manchus, Ligdan could not rely on his kinsmen, the Khalkhas, and headed towards Tibet, but his formidable name as the all-Mongol khagan had a certain influence on both Russian authorities and the Oirats. Perhaps these imperial-era reminiscences may have catalyzed the resurgence of historical consciousness among the Oirats. Specifically, it evoked recollections of their zenith under the Oirat statehood achieved by Esen-Taisi, whose *Choros* lineage subsequently established dynastic continuity through his descendants ruling the Derbet and Dzungar people. However, Dalai Taishi's endeavors to reclaim his declining authority — through winning over the *Chakars* (*Chekars*) and turning to the legacy of the *Choros* (*Churas*) — proved ultimately futile. The Derbets grew weaker and were later forced to submit, for the most part, to the Dzungar rulers and, to a lesser extent, to the Torgut rulers as part of the Dzungar and Kalmyk khanates.

References

1. Bogoyavlenskij SK. Materials on the history of the Kalmyks in the first half of the 17th century. *Istoricheskie zapiski*. 1939;(5):48–102. (In Russ.).
2. Tepkeev VT. *Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroi treti XVII veka* [Kalmyks in the Northern Caspian Region in the Second Third of the 17th Century]. Elista, ZAO R NPP Dzhangar publ.; 2012. (In Russ.).

3. Sanchirov VP. On the way to the Volga: Oirat ethno-political associations in the 1620s–1630s. *Oriental studies*. 2008;(2):2–23. (In Russ.). EDN: SJFFFF
4. Istoriya kalmytskikh hanov [History of the Kalmyk Khans]. *Lunnyi svet. Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki*. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo publ.; 2003:113–119. (In Russ.).
5. Gaban Sh. Skazanie ob ojratah [Tale of the Oirats.]. In: *Lunnyi svet. Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki*. Elista; Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo publ.; 2003:84–107. (In Russ.).
6. Miller GF. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia.]. Moscow: izd-vo AN SSSR publ.; 1941; Vol. 2. (In Russ.).
7. *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnoshenii. 1607–1636. Sbornik dokumentov* [Materials on the History of Russian-Mongol Relations. 1607–1636: Collection of Documents.] Sost. LM Gataullina, MI Gol'man, GI Slesarchuk. Otv. red. IYa Zlatkin, NV Ustyugov. Moscow: GRVL; 1959. (In Russ.).
8. Zlatkin IYa. *Istoriya Dzhungarskogo hanstva* [History of the Dzungar Khanate]. 2nd ed. Moscow: Nauka publ.; 1983. (In Russ.).
9. Elverskog J. *The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century*. Leiden-Boston: Brill; 2003.
10. Vladimirtsov BYa. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the History and Ethnography of the Mongolian Peoples]. Moscow; Vostochnaya literatura; 2002. (In Russ.).
11. Pozdneev AM. *Mongol'skaya letopis' Erdeniin erihe. Podlinnyi tekst s perevodom i poyasneniyami. Materialy dlya istorii Halhi s 1636 po 1736 g.* [Mongolian Chronicle Erdeniin erikhe. Original text with translation and explanations. Materials for the history of Khalkha from 1636 to 1736.]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk; 1883. (In Russ.).
12. Martynov AS. *Status Tibeta v XVII–XVIII vekah v tradicionnoi kitaiskoi sisteme politicheskikh predstavlenii* [The Status of Tibet in the 17th–18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Representations]. Moscow: Nauka publ.; 1978. (In Russ.).
13. Bichurin NYa. *Zapiski o Mongolii* [Notes on Mongolia]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tipografiya Karla Kraiya; 1828. (In Russ.).
14. Elverskog J. *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. University of Hawai'i Press, 2008.
15. Chzhan-mu, He Cyutao. *Men-gu-yu-mu-czi (Zapiski o mongol'skikh kochev'yah)* [Meng-gu-you-mu-ji (Notes on Mongolian Nomadic Life)]. Popova PS, transl. Saint Petersburg: Parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskago; 1895. (In Russ.).
16. Lubsan Danzan. *Altan tobchi (Zolotoe skazanie)* [Altan tobchi (Golden Tale)]. Shastina NP, transl. Moscow: Nauka publ.; 1973. (In Russ.).
17. Bichurin NYa. *Sobranie svedenii po istoricheskoi geografii Vostochnoi i Sredinnoi Azii* [Collection of Information on the Historical Geography of Eastern and Central Asia]. Gumilev LN, Hvan MF, sost. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo publ., 1960. (In Russ.).
18. Schwieger P. *The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation*. New York: Columbia University Press; 2015.
19. Uspenskii V. The Land of Kuke-Nor, or Qinghai, with an addition of a brief history of the Oirats and Mongols, after their expulsion from China, in connection with the history of Kuke-Nor. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 1880;(6):59–196. (In Russ.).
20. Pelliot P. *Notes Critiques d'Histoire Kalmouke*. Part 1. Paris; 1960.
21. Sukhbaatar N, Bayarsaikhan D. *Khoïdyn tuukh* [History of the Khoits]. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2016. 205 p. (In Mong.).
22. Natsagdorj Sh, Ochir A. 'Six Tümen'. *The History of Mongolia. Vol. II. Part 3: Yuan and Late Medieval Period*. Global Oriental LTD; 2010:521–526.

23. Kitinov BU, Lyulina AG. Dzungar: religion and designation. *Vostok (Oriens)*. 2023;(3):173–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086919080025827-6> EDN: IGKZLK
24. Avlyayev GO. *Proiskhozhdenie kalmytskogo naroda (seredina IX — pervaya chetvert' XVIII vv.)* [The Origin of the Kalmyk People (mid-9th — first quarter of the 18th centuries)]. Elista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 2002. (In Russ.). EDN: SJXATP
25. Ekeev NV. Dorben-oiraty (k probleme etimologii i etnicheskoi identifikatsii) [Dorben-Oirats (on the problem of etymology and ethnic identification)]. *Mir Central'noi Azii* Vol. I. Archeology. Ethnology: materials of the International research conf. Ulan-Ude: 2002;1:124–131. (In Russ.).
26. Hajdar Mirza M. *Tarih-i Rashidi* [Tarikh-i Rashidi]. Urumbaev A, Dzhililova RP, Epifanova LM. Tashkent: FAN publ.; 1996. (In Russ.).
27. Atwood Ch. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. Fact on Line, Inc.; 2004.
28. Churas Shah-Mahmud ibn Mirza Fazil. *Hronika* [Chronicle]. Akimushkin OF, transl. 2-e izd. Saint Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo publ.; 2010. (In Russ.).
29. Okada H. Origins of the Dörben Oyirad. *Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge*. Band 7. Wiesbaden; Otto Harrassowitz; 1987:181–211.
30. Rashid-ad-din Fazl'-Allah Abu-l'-Hajr Hamadain. *Sbornik letopisei* [Collection of Chronicles]. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ.; 1952; Vol. 1 ; Book 1. (In Russ.).
31. Kononov AN. *Rodoslovnaya turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi hana hivinskogo*. [Genealogy of the Turkmens. The work of Abu-l-Gazi Khan of Khiva]. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ.; 1958. (In Russ.).
32. Ramstedt GI. Etimologiya imeni Oirat [Etymology of the name Oirat]. In: *Sbornik v chest' semidesyatiletiya G.N. Potanina. Zapiski IRGO po otdeleniyu etnografii*. Vol. XXXIV. Saint Petersburg: Tipografiya V.U. Kirshbauma (otdelenie); 1909:547–558. (In Russ.).
33. Ekeev NV. On the problem of the ethnic history of the Oirats-Choros. *Mir Evrazii*. 2008;(2):37–41. (In Russ.).
34. Sanchirov VP. «*Ilethel-shastir*» kak istochnik po istorii oiratov [“Iletkhel-shastir” as a source on the history of the Oirats]. Moscow: Nauka publ.; 1990. (In Russ.).

Information about the author:

Baatr U. Kitinov — Doctor Habilitatus, Professor, Leading research fellow, Department of History of East, Institute of Oriental studies of RAS, 12 st. Rozhdestvenka, 107031, Moscow, Russian Federation, e-mail: kitinov@mail.ru ORCID: 0000-0003-4031-5667. SPIN-code: 9886-3550.

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHICAL STUDIES ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509

EDN: JPKDWA

Research article / Научная статья

Memoirs as a sort of biographical historical sources or as historical sources of personal origin: problems of terminology

Natalia G. Georgieva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ navladi@list.ru

Abstract. The study examines the history of solving the problem of classification historical sources and the history of the emergence of three classification terms: category (type), sort (species) and “source of personal origin” when selecting biographical sources from the general body of historical sources. The author’s attention is focused on the current issue of terminological unity, or rather, logical purity (rigor) in the classification of biographical sources in scientific research. The study discusses scientific situation in which it is possible to apply the classification taxon “sources of personal origin” or the species classification of historical sources on their pragmatic function. The study concludes that it is advantageous to classify of historical sources by kind based on their pragmatic function.

Keywords: criteria of classification, taxon of classification, type of historical sources, kind of historical sources, pragmatic function of the historical source

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 10.04.2025. Accepted: 25.07.2025.

For citation: Georgieva NG. Memoirs as a sort of biographical historical sources or as historical sources of personal origin: problems of terminology. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):500–509. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509> EDN: JPKDWA

© Georgieva N.G., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Мемуары — вид биографических исторических источников или источники личного происхождения: проблемы терминологии

Н.Г. Георгиева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ navladi@list.ru

Аннотация. Рассмотрена история решения проблемы классификации исторических источников и появления трех классификационных терминов: категория (тип), вид и «источники личного происхождения» — при выделении биографических источников из общего корпуса исторических источников. Внимание автора сосредоточено на актуальной проблеме терминологического единства, точнее логической чистоты (строгости) терминологии при классификации биографических источников в научных исследованиях. Показаны научные ситуации, в которых возможно применение классификационного таксона «источники личного происхождения» или видовая классификация исторических источников на основе их прагматической функции. Сделан вывод о преимуществе использования классификации исторических источников по видам на основе их прагматической функции.

Ключевые слова: критерий классификации, таксон классификации, тип исторических источников, вид исторических источников, классификация исторических источников по видам, прагматическая функция исторического источника

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Для цитирования: Georgieva N.G. Memoirs as a sort of biographical historical sources or as historical sources of personal origin: problems of terminology. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 500–509. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509> EDN: JPKDWA

Introduction

In the second half of the 20th century Russian source studies grew primarily interested in the question of how historical sources should be classified, a problem widely discussed in academia and at research conferences. Special textbooks were written to guide novice historians and source scholars in their research. In academic literature, *three concepts* were consistently being introduced as principal classification taxon — origin, type and kind.

Debates on whether these three concepts should be used continue to this day, giving rise to disagreements, thus conditioning the need to develop a unified classification standard for scientific research (particularly in PhD theses).

This study aims to determine in what type of research (reviews) it might be useful to classify biographical sources based on their kind in their differentiation

within a wider corpus of historical sources on the basis of their purpose, as well as the principle of “personal origin”.

Initial attempts to categorize sources based on their origin

Classification of historical sources became a topic of especially heated debate in the 1960s and 1970s. In 1962, historians S.M. Kashtanov and A.A. Kurnosov suggested their definition of “origin”, understanding it as “the sum of features that determine the place of sources in public life: their intended purpose, authorship, context of creation” [1. P. 179].

They proposed to differentiate sources by their origin in three different spheres: socio-economic relations; socio-political struggle, social thought and culture; personal and family relations. However, the idea raised a number of objections and was rejected by the majority of Russian source scholars [2. P. 38]. In 1969, S.M. Kashtanov came up with a new formulation, indicating that “origin is understood as the sum of features characterizing specific conditions and reasons why a source was created (origin, authorship, purpose)” [3. P. 155]. Let us note that both formulations casually mentioned the word goal or purpose as a possible taxon of the classification. However, it did not become the main or fundamental principle.

If a scheme based on a classification taxon “origin” had been adopted, when conducting source studies, as applied to PhD research, it would have been necessary to systematize the sources involved along the lines of four principal *spheres* of human activities, where the documents reflecting one’s life and public participation pertain to. The first involves the sources of official origin that belong to the sphere of public administration (laws, treaties, international acts). The second comprises the sources that emerge in the sphere of economy, property and production relations (industry, finance, construction). The third pertains to the social sphere and includes the documents reflecting practical activities of political parties and public organizations (programs and charters, minutes and transcripts of meetings); episodic and periodical publications in the media); journalism in various forms: (manifestos, appeals, essays). The fourth sphere pertains to family life and personal endeavors. It might be reflected in various sources, usually of a biographical genre: memoirs, diaries, personal correspondence, notarial acts certifying the disposal of property (will, gift, marriage contract), etc.

Area-based classification of origin was soon rejected by Russian source scholars, since it did not allow for a formal-logical distinction between the sources. At the same time, some traces of this approach persisted for a long time especially in works devoted to biographies of various historical figures.

Emergence of the term “Sources of personal origin”

S.S. Dmitriev, who authored the chapter “Memories, Diaries, Private Correspondence” in two editions of a textbook on source studies, while classifying the above-mentioned materials as “various types of sources”, proposed two formulations of the term for classification by “origin”: “sources of private origin” [4. P. 347] and sources of personal origin that arise “in a private manner” [5. P. 342]. It should be noted that S.S. Dmitriev’s terms were solely based on how closely the source reflected its author’s personality, while the purpose of its creation (for its possible classification by kind) was taken into account only if the memoirist intended to publish the work “for wider reading — for contemporaries, generations to come, historians” [5. P. 343].

S.S. Dmitriev’s term was then overshadowed by the introduction of a new principle of classification of historical sources into Russian source studies; but it was not completely forgotten and received further development and a new interpretation in the late 20th century.

Information theory in solving the problem of historical sources classification

In the 1975–1980s, theoretical research by L.N. Pushkarev [6] and I.D. Kovalchenko [7. P. 129–148; 8. P. 106–125] brought about a methodological breakthrough in classification of historical sources. It was made possible by the introduction of information theory into Russian Source Studies, when historians embraced the concept of “information” as an inherent, primordial characteristic intrinsic to any source material they work with [6. P. 191].

The new approach was based on I.D. Kovalchenko’s idea of the syntactic aspect (feature) of information in historical sources as a criterion for their distribution into categories (types) [8. P. 122].

It introduced a two-tier division of historical sources. The first — typological — was based on the division (distribution) of sources by the method and form of embodiment, reflection, preservation and transmission of social information about a past event [9. P. 219]. At this level, the entire corpus of historical sources was divided into four categories (types) by the form of transmission: material, phonic, pictorial and written (listed in random order).

The second level of division — by kind — concerned written sources, in turn, distributed into separate groups — kinds — allocated on the basis of their social function that determined intentionally selected and designed framework of presenting information in the source. From this perspective, a primary *criterion* that distinguishes one type of source from another is its “*practical purpose*, the objective for which the given source was created, as well as the function that it performed throughout its existence in the

past” [9. P. 222]. Each type of historical source is characterized by consistent inherent properties that its author intentionally bases the source upon in line with its purpose in a given historical (socio-political, socio-cultural, or individual-psychological) environment.

Kinds of historical sources

Source: studies literature identifies five kinds of written sources based on the function they performed during their existence (creation and introduction into social practice) in the past:

- *normative and legislative (legal) documents* designed to organize public service, strengthen the relations between the state and society or other states, regulate people’s behavior in different social spheres (national, cultural, religious and domestic) [9. P. 224];
- *office paperwork* (including those pertaining to statistics) written with a view to implementing a socially beneficial (economic, educational, etc.) activity or building a party or another public organization (business correspondence, instructions, proceedings, verbatim reports, charters, etc.);
- *essays for opinion* (non-fiction), including both manuscripts and printed materials, created to influence public opinion (its formation and formulation), single or periodic, in various forms — loose-leaf books, brochures, newspapers, magazines, books and almanacs;
- *biographical sources* (memoirs, recollections, notes, diaries), whose principal function is to preserve and transmit to generations to come the information about a past event, to which the author was a witness or participant, as well as to establish (reinforce) “secondary” connections between a person (author) and society (contemporaries and descendants);
- *epistolary sources* (personal or private correspondence) that provided communication between contemporaries.

It would seem that in the 1980s the problem was resolved in favor of classification by kind based on a target functionality of a biographical source. However, at the turn of the 20th–21st centuries, a new methodological approach to understanding the nature of biographical sources emerged on the basis of anthropologically oriented paradigm and a general humanitarian method of historical knowledge aimed not only at clarifying co-existential connections of the author with his contemporaries and his era, but also with the evolutionary course of history, with generations to come.

Classification by origin returns

Thus, in 1998, a textbook written by a group of scientists from the Russian State Humanitarian University, justified the use of the term “sources of personal origin” (the titles of Chapter 11 in Section 2 and Chapter 11 in Section 3) as a corollary to the establishment of a novel realm of historical source genesis. This evolution was contingent upon the burgeoning intricacies of interpersonal dynamics in the contemporary era.

M.F. Rumyantseva, who authored these chapters, combined two forms of classification (by origin and by kind) while defining distinctions of a biographical source. She believed that “sources of personal origin are a group comprising different *kinds* of various historical sources created to establish interpersonal communication in an evolutionary and co-existential whole and auto-communication” [10. P. 466; 11. P. 202]. She maintained that sources of personal origin include varieties of biographical sources — from diaries and memoirs of various forms (memoirs-autobiographies, memoirs-portraits and memoirs — “modern stories”, i.e. tales of contemporaries and the epoch) to epistolary sources (private correspondence). However, uniting memoirs and personal letters in a single group contradicts the principle of classification by kind, since the functions of epistolary sources differ from those of memoirs — epistolary forms a separate type of historical sources.

At the turn of the 21st century, M.F. Rumyantseva’s idea to use two concepts simultaneously — “kind”, defined through the target function of a source, and “sources of personal origin” — came to be commonly accepted. It was further developed in a textbook on source studies written in 2000. Although its authors based it on the classification by kind, they also mentioned “a complex of materials of personal origin” associated “with personal needs of an individual, manifestations of his or her social participation, intellectual development, professional interests, etc.” [12; 153]. Subsequently, research designs by novice historians included concepts based on the use of the term “sources of personal origin”, which is reflected in their further research. For instance, I.A. Lyutsay refers to “documents of personal origin” as one of the kinds of historical sources, with a reservation that “principal criterion for distinguishing them is their intended purpose” [13. P. 375]. In 2025, A.V. Karabalykova used “sources of personal origin” to study dissent in the USSR, defining them (following M.F. Rumyantseva’s ideas) as “a group of kinds of historical sources” [14].

Despite seemingly universal acceptance of classification by kind as applied to written historical sources, modern researchers have been sporadically using the term “sources of personal origin” in textbooks, PhD theses and scientific articles, thus reinforcing “origin of the source” as a classification taxon.

Let us consider several examples of how the corpus of historical sources has been systematized in source studies reviews of some PhD research.

In 2003, E.E. Abdrashitov presented a PhD thesis, specifically devoted to the study of “sources of personal origin”, a group in which the researcher included “private letters and memoirs” [15. P. 3]. In determining epistemic significance of information obtained from the studied sources of personal origin, the author made a reasonable conclusion that such information will be of considerable interest for further historical and cultural research. However, the author’s next conclusion — that “**objectively presented potential information** on the transformation of consciousness in Russian soldiers and officers in the midst of war and captivity...” (emphasis added — Author) will be especially significant — raises some doubt.

It should be noted that in academic literature it is customary to view subjective uniqueness of information as a principal token of increased cognitive value of memoirs, while the presence of objective information in them is questioned or even completely rejected. E.V. Tarle, who himself actively introduced memoirs into his works, still admitted that sources of this type are characterized by bias (subjectivity) and “a completely conscious intention to show the reader people and events only at a certain angle: to reveal one thing, hide another, distort a third” [16. P. 102]. In addition, all types of historical sources (regardless of their origin) contain potential information, and whether this information is revealed or not results from a competent study, which, in turn, closely correlates with the researcher’s proficiency in the methods of critical analysis of primary sources.

In theses aimed at studying the life and work of individual socio-political figures, i.e. in studies of a biographical nature, it is possible to use historical materials under the term “sources of personal origin”. Thus, in the 2019 PhD thesis dedicated to V.M. Florinsky in addition to memoirs and diaries, this group of sources included (erroneously) personal and official (!) letters of the philosopher, which in fact belong to two other kinds of sources — epistolary and office documents [17. P. 13].

Another PhD research on Russia-Spain cultural ties according to its author is based on information from four kinds of sources: *regulatory, administrative, journalistic and personal documents* [18]. However, only the first three of these categories of historical sources can be referred to as classification by kind, while the last group is selected based on their “origin”, which represents a different principle of classification.

Uniting memoirs, diaries and personal correspondence into a single category called “sources of personal origin” is quite common in articles.

In 2006, N.I. Ivanova published an article under the title that united opposite, mutually exclusive concepts used in the classification of historical sources — “kind” and “origin” [19. P. 105]. It should be noted that a parallel use of the concepts “origin” and “kind” is not in line with the conceptual approach adopted in classification by kind, since the kind of a source is determined not by its origin

in a particular environment or from a particular author, but by the function that the source is intended to perform. However, conducting an analysis of sources of personal origin (as defined by the author of the article), N.I. Ivanova specifically indicated that when studying such documents it is necessary to adhere to the concept of their purpose, a principle that classification by kind is based upon.

In 2014, S.V. Kodan combined two directly opposite principles of classification of historical sources — by their origin and intended purpose. “Distinguishing sources of personal origin within the corpus of historical information carriers is based on classification by kind”, as the author assured the reader, albeit he himself united all types of biographical sources (memoirs, diaries, personal letters) under one term “sources of personal origin”, defining this entire group of sources as a single “kind” [20. P. 60].

In 2017, S.V. Kodan went further in combining sources of different types, defining three perspectives on the study of personal sources. The first is informational, consistently embodying a pragmatic dimension and encompassing a multifaceted array of source materials, ranging from “legislative documents and juridical acts”, to “personal correspondence”, and extending to “autobiographical narratives and introspective memoirs”, all of which serve the objective of fostering self-expression, self-awareness and individual self-empowerment of the subject in question. The second is biographical, providing “the opportunity to explore and juxtapose the sources of personal origin alongside the trajectory of their author’s life”. The third is communicative, associated with the examination of personal sources within the framework of “human individualization”. In terms of cognitive value of personal sources, the author concurred entirely with the perspective suggested by M.F. Rumyantseva, positing that such sources serve as “the most coherent embodiment of an individual’s self-awareness and the development of interpersonal dynamics”, and are represented by such media as “diaries, private correspondence (epistolary sources), memoirs..., essays, confessions” [21].

Conclusion

To sum up, the question of whether it is appropriate to employ the term “sources of personal origin” comprising various kinds of sources in source studies writings, scientific literature, and PhD research necessitates a definitive negative answer. Historical sources should be categorized based on a singular, coherent criterion in line with the principles of formal logic.

However, we admit that the use of the classification taxon “origin” is possible in a situation where all sources involved in the study are categorized according to the same principle — place of creation or authorship. Conversely, if some sources are classified by kind, while the others as sources of personal origin, such an infringement on classification principles is absolutely unacceptable.

Growing interest within contemporary society encompasses not merely historical events, but also personal narratives of people from bygone times, their thoughts and feelings, actions, psychology, changes in self-awareness and worldview, which can be regarded as a reflection of a wider trend towards humanization of Russian historical knowledge. This will inevitably lead to a deliberate integration of novel biographical sources spanning various historical epochs into the academic corpus. Search in archives and further publication of various forms of these materials — more often based on vivid recollections of individuals and less often on the preservation of documentary evidence — will significantly enrich the field of historical inquiry and their study will qualitatively expand the scope of historical knowledge.

References

1. Kashtanov SM, Kurnosov AA. Some questions of source studies. *Historical Archives*. 1962;(4):173–196. (In Russ.). EDN: ZPWIDV
2. Belen'kii IL, ed. *Razrabotka problem teoreticheskogo istochnikovedeniya v sovetskoi istoricheskoi nauke (1960–1984 gg.): analiticheskii obzor*. [Development of Theoretical Source Studies in Soviet Historical Research (1960–1984): an Analytical Review]. Moscow: INION USSR publ.; 1986. (In Russ.). EDN: PDHCQB
3. Kashtanov SM. Predmet, zadachi i metody diplomatiki [Subject, Tasks, and Methods of Diplomacy]. *Istochnikovedenie: Teoriya i metodologicheskie problemy*. Moscow; 1969, p. 134–171. (In Russ.).
4. Fedosova IA, ed. *Istochnikovedenie istorii SSSR XIX — nachala XX v.: uchebnoye posobie dlya studentov istoricheskogo fakulteta* [Source studies of the history of the USSR of the XIX — early XX century: textbook, the manual for students of the historical faculty]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta publ.; 1970. (In Russ.).
5. Koval'chenko ID, ed. *Istochnikovedenie istorii SSSR: uchebnik* [Source studies of the history USSR: textbook]. Moscow: Vysshaya shkola publ.; 1981. (In Russ.).
6. Pushkarev LN. *Klassifikatsiya russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoi istorii* [Classification of Russian Written Sources on Russian History]. Moscow: Nauka publ.; 1975. (In Russ.). EDN: PXOBTH
7. Koval'chenko ID. A historical source in the light of the theory of information (to the problem statement). *Istoriya SSSR*. 1982;(3):129–148. (In Russ.). EDN: XPJLFZ
8. Koval'chenko ID. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow: Nauka publ.; 1987. (In Russ.). EDN: XPQBKP
9. Georgieva NG. *Istoricheskoe istochnikovedenie: teoreticheskie problemy: uchebnik dlya vuzov* [Historical Source Studies: Theoretical Problems: Textbook for Higher Education Institutions]. Moscow: Prospekt publ.; 2017. (In Russ.).
10. Danilevskii IN, Kabanov VV, Medushevskaya OM, Rumyantseva MF, eds. *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii: uchebnoye posobie* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History: a textbook]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvenii gumanitarnii universitet publ.; 1998. (In Russ.).
11. Rumyantseva MF. *Teoriya istorii: uchebnoye posobie* [Theory of a history: a textbook]. Moscow: Aspekt-Press; 2002. (In Russ.).
12. Golikov AG, Kruglova TA. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii* [Source Studies of Russian History]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2000. (In Russ.). EDN: XWDUJV

13. Lyutsai IA. Historical sources of personal origin and their information value. *Molodoi uchenyi*. 2017;(6):375–378. Available from: <https://moluch.ru/archive/140/39375> (Accessed: 08 April 2025). (In Russ.). EDN: XXJWVV
14. Karabalykova AV. Istochniki lichnogo proishozhdeniya kak factor izucheniya inakomysliya v SSSR [Sources of personal origin as a factor in the study of dissent in the URSS]. *Centr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plus»*. Available from: <https://interactive-plus.ru/e-article/710/Action710-541375.pdf> (Accessed: 08 May 2025). (In Russ.).
15. Abdrashitov JeE. *Istochniki lichnogo proishozhdeniya po istorii rossiiskih voennoplennykh Pervoi mirovoi voyny* [Sources of Personal Origin on the History of Russian Prisoners of War in the First World War] [Abstract of PhD thesis]. Kazan; 2003. (In Russ.). EDN: NMIBTL
16. Tarle EV. The importance of archival documents for history. *Vestnik arhivovedeniya*. 1961;(3):102. (In Russ.).
17. Kachin NA. *Arhiv i kollektsiya V.M. Florinskogo: opyt istochnikovedcheskogo analiza* [Archive and Collection of V.M. Florinsky: Experience of Source Analysis] [Abstract of PhD thesis]. Tomsk; 2019. (In Russ.). EDN: PGOYCD
18. Filimonova KN. *Sotrudnichestvo Rossii i Ispanii v oblasti sohraneniya i populyarizatsii kul'turnogo naslediya (1991–2020)* [Cooperation between Russia and Spain in the field of preservation and popularization of cultural heritage (1991–2020)] [Abstract of PhD thesis]. Moscow; 2025. (In Russ.).
19. Ivanova NI. Typology and internal divisions classification of memories, diaries and letters: problems of source study methodology. *RUDN Journal of Russian History*. 2006;(3):105–110. (In Russ.). EDN: LRIUSP
20. Kodan SV. Personal sources: sources of personal origin: concept, place, and role in the study of the history of state and legal phenomena. *Genesis*. 2014;(3):60–93. Available from: https://npublish.com/library_read_article.php?id=11431 (Accessed: 28 March 2025). (In Russ.). EDN: RZVQCD
21. Kodan SV. The sources of personal origin in the study of the history of soviet state and law: theoretical and methodological foundations. *Universum Juris*. 2017;(1). Available from: <https://universum-juris.org/?q=ru/node/32> (Accessed: 07 March 2025). (In Russ.). EDN: YNGXMO

Information about the author:

Natalia G. Georgieva — PhD (Doctor of Historical Sciences), Professor Consulting of The Department of Russian History, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 10 Miklukho-Maklay St, bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: navladi@list.ru ORCID: 0000-0003-2359-1088. SPIN-code: 6037-8857.